

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДСТВА АЛЕКСАНДРА БЛОКА

Публикация Вл. Орлова

I. ЮНОШЕСКИЙ ДНЕВНИК АЛЕКСАНДРА БЛОКА

Впервые публикуемый ранний дневник Александра Блока охватывает очень небольшой, но особо важный период его жизни — с начала декабря 1901 г. по начало ноября 1902 г. Это было время профессионального «становления» Блока, когда он окончательно осознал себя поэтом и установил некоторые литературные и личные связи в символистских кругах (с Д. Мережковским и З. Гиппиус, с Валерием Брюсовым, несколько позже — в январе 1903 г. — с Андреем Белым), когда, в основных чертах, сложилось его мировоззрение, оформились его философские и эстетические взгляды и мнения.

В 1901 г., который сам Блок считал «исключительно важным, решившим его судьбу», «в связи с острыми мистическими и романическими переживаниями, всем существом его овладела поэзия Владимира Соловьева» (автобиография). «До этих пор, — добавляет Блок, — мистика, которой был насыщен воздух последних лет старого и первых лет нового века, была мне непонятна; меня тревожили знаки, которые я видел в природе, но все это я считал «субъективным» и бережно оберегал от всех».

С поэзией и некоторыми философскими сочинениями Вл. Соловьева Блок познакомился не раньше весны 1901 г., когда значительная часть мистических стихотворений, составивших впоследствии его первый сборник («Стихи о Прекрасной Ламе»), была уже написана. К усвоению мистико-эсхатологических идей Вл. Соловьева Блок был подготовлен не только своим «субъективным» ощущением «новых знамений и предчувствий», которыми, по его словам, было якобы «исполнено» самое начало XX в., но и прилежным чтением и даже изучением классиков и популяризаторов идеалистической философии, в первую очередь Платона.

Много лет спустя, вспоминая времена своей юности, Блок сделал важное указание: летом 1900 г. «начинается чтение книг; история философии. Мистика начинается... Начинается покорность богу и Платон». Весною 1901 г. «все это было подкреплено стихами Вл. Соловьева»; тогда же Блок впервые познакомился с молодой символистской литературой (с первым выпуском альманаха «Северные Цветы»), «и Брюсов (особенно), — пишет Блок, — окрасился для меня в тот же цвет, так что в следующее затем «мистическое лето» эта книга играла также особую роль» («Дневник Ал. Блока 1917—1921», Л., 1928, стр. 127 и 129).

Разумеется, корни блоковского мистицизма лежали не в чтении Платона или Вл. Соловьева, как наивно полагали некоторые биографы Блока, а в самой идейно-психологической атмосфере, окружавшей его в пору молодости.

Блоку довелось начинать свою сознательную жизнь в чрезвычайно осложненной исторической обстановке — в глухие «победоносцевские» годы, в условиях жесточайшей политической реакции, политического фрондирования буржуазии и определившегося с середины 90-х годов нового революционного подъема, когда деклассированные круги либеральной дворянской интеллигенции, составлявшие

ближайшее социальное окружение молодого Блока, все более и более проникались сознанием своей «обреченности» и, отворачиваясь от чуждой, непонятной и враждебной им действительности, искали утешения от грозивших им со всех сторон «бурь и бед» в разнообразных религиозно-мистических «учениях» и всяческой метафизике.

Соловьевство, удивившее из мира реальной действительности в мир мечты, в потусторонние, сверхчувственные «миры иные», но, вместе с тем, внушавшее надежду на близкое наступление «эры третьего завета», когда будут благополучно разрешены все противоречия, искони заложенные в природе и в человеке, имело все основания для того, чтобы стать «символом веры» отдельных групп молодого поколения дворянской интеллигенции 900-х годов, не приемлющих ограниченного и пошлого мира капиталистической цивилизации и, в то же время, пытавшихся организовать сопротивление еще более чуждым и враждебным им материалистической идеологии и революционной общественной практике.

Детство, отрочество и юность Блока прошли в родственной ему семье Бекетовых, которая, конечно, была органически включена в обстановку буржуазного экономического и общественного быта, но в которой, тем не менее, были еще очень сильны и устойчивы типично-дворянские традиции сословной и культурной обособленности от мещанской пошлости и откровенно-торгашеских «идеалов» буржуазно-капиталистического мира. Блок был воспитан в этих традициях.

Нужно учесть также самые условия жизни молодого Блока в замкнутом семейном кругу, глубокую отчужденность его от всего, что лежало вне семьи, за пределами этого узкого мирка, по существу крайне консервативного. В поэме «Возмездие» Блок очень верно охарактеризовал бекетовскую семью, как «заколдованный круг», в котором

Свои словечки и привычки,
Над всем чужим всегда кавычки
И даже иногда — испуг.

В одном из писем 1902 г. к З. Гиппиус (см. ниже) Блок заметил вскользь, что вся его жизнь — «медленная, ее мало, мало противовеса крайнему мистицизму». Вот эта скудость, обуженность и медленность жизни, ее инертность сыграли, безусловно, на последнюю роль в формировании идейных воззрений молодого Блока. И, наконец, очень большое значение имело при этом непосредственное влияние, оказанное на Блока близкими ему людьми, в первую очередь, матерью — человеком болезненной психики, с отчетливо выраженной склонностью к религиозно-мистической экзальтации. Она, кстати, и указала Блоку на Вл. Соловьева.

К концу 1901 г., когда начат был публикуемый нами дневник, Блок был уже верным учеником Вл. Соловьева. «Мистическим летом» 1901 г. он написал ряд стихотворений, варьирующих центральные темы поэзии Соловьева — темы «Софии-Премудрости божьей» и «Вечной Женственности — Души Человечества». Со слов Сергея Соловьева известно, что в это лето Блок «серьезно принялся за Владимира Соловьева, за его «Чтения о богочеловечестве» (он внимательно прочел также «Три разговора»). Вместе с тем, Блок глубоко усвоил провозглашенную Вл. Соловьевым в лекции «О конце всемирной истории» и подробно «обоснованную» Мережковским эсхатологическую идею приближения «эры третьего завета». В июле 1901 г. он выражал уверенность, что «новая эра уже началась, старый мир рушится» («Воспоминания о Блоке» Андрея Белого).

Апокалиптические предчувствия «конца мира» в сочетании с гностическими концепциями Вл. Соловьева и Мережковского, особенно же с мистико-эротической (в платоновском смысле) идеей Вечной Женственности, как она была изложена в статье Вл. Соловьева «О смысле любви», составляют основное идейно-философское содержание поэзии молодого Блока. «Дневник» 1902 г. служит своего рода автокомментарием Блока к его ранним стихам. В этом по преимуществу и заключается его историко-литературное значение.

Наибольший интерес среди записей «Дневника» представляет набросок статьи о декадентстве, символизме и мистике. Можно пожалеть, что эта статья, являющаяся единственным высказыванием молодого Блока на кардинально-важные для него темы, не была им закончена. Из четырех поэтов, разбору которых Блок предполагал посвятить эту статью — Тютчева, Фета, Полонского и Вл. Соловьева, — он коснулся только первых двух, тогда как его высказывания о Вл. Соловьеве были бы для нас особенно важны и интересны. Но и в незаконченном своем виде очерк этот содержит богатый и выразительный материал, ярко характеризующий литературно-философские взгляды молодого Блока.

В своей концепции истории русского символизма Блок исходит из того положения, что «великая философская борьба» современности, разгоревшаяся между метафизикой и мистикой, с одной стороны, и материализмом — с другой, имеет свои глубочайшие исторические корни, является всего лишь новым проявлением вечной, многовековой борьбы двух искони враждебных начал — «бога» и «дьявола», «света» и «мрака», «духа» и «плоти».

В обратной исторической перспективе Блок видит одно из проявлений этой борьбы в деятельности французских буржуазных революционеров, просветителей и атеистов XVIII в. и их идейных наследников — русских шестидесятников. Теперь, в эпоху 900-х годов, позитивисты и материалисты все еще продолжают теснить «аристократов чувства и мысли» и «снова распинают Истину, Добро и Красоту». Но, хотя эти «белые и чистые святые» все еще нужно «защищать от современников», — с одной стороны, от «либеральной жандармерии», с другой — от «живого государства» и «великого зла века — статичной денежности», — «мрак» собирает все же свои «последние силы» и «в дымном тумане уже возникают новые дни».

С тех пор, как на «великую философскую борьбу» вышел «гигант» Вл. Соловьев, «осыпались пустые цветы позитивизма и старое древо вечно ропщущей мысли зацвело и зазеленело метафизикой и мистикой». На этой старой почве, вспоенной соками всей культурной истории человечества, и «взошли новые цветы — цветы символизма».

Исходя из этого положения, Блок и строит свою концепцию русского символизма, окрещенного обывательской молвой не принадлежащим ему именем «декадентство». Блок настаивает на точном смысловом употреблении этого слова и строго дифференцирует представителей «новых течений» в русской литературе, среди которых есть и собственно-декаденты — «настоящие упадочники», получившие свое декадентство с Запада и не имеющие своих самобытных корней. Характеризуя их, Блок не скупится на выражения: это — «дегенераты, имена которых история сохранит без благодарности», которые «кили преднамеренно, или просто по отсутствию соответствующих талантов, затемняют смысл своих произведений» и даже порою «сами в них ничего не понимают». При этом, — пишет Блок, — «произведение теряет характер произведения искусства», «становится темной формулой, составленной из непонятных терминов».

Блок не называет при этом ни одного имени, но можно предположить, что он имел в виду в данном случае не только таких «декадентов», как анекдотический Емельянов-Коханский, но и группу участников брянских сборников «Русские Символисты» (1894—1895), Александра Добролюбова, раннего Коневского и, может быть, даже самого Брюсова. Во всяком случае, в заметке, которую можно условно датировать августом—сентябрем 1902 г., Блок писал:

«Отсутствие идеалов у декадентов. «Удесятеренный» Кант (может быть — не постигнутый. Постижимый ли?). Добролюбов — глава лапососания.

Брюсов уже с плюсом... Ореус [Коневской]?... Бальмонт?

Противоположность — Соловьевский лагерь»

(«Записные книжки Ал. Блока», Л., 1930, стр. 20 — 21).

В 1905 г., в рецензии о книге одного из участников раннего брянского кружка — А. Миропольского, Блок писал: «В творчестве Коневского и Мирополь-

ского... есть общая черта, интересная, как освещение того этапа русской поэзии, когда она из «собственно-декадентства» стала переходить к символизму. Одним из признаков этого перехода было совсем особенное, углубленное и отдельное чувство связи со своей страной и своей природой» (Собр. соч., т. X, Л., 1935, стр. 275). Также и в своих отзывах о Брюсове Блок неоднократно подчеркивал, что путь Брюсова — это путь преодоления «беспочвенного декадентства» и что зрелые его сборники — «Urbi et Orbi» и «Stephanos» — служат «поучительным примером быстрого и здорового перерождения литературных тканей» (там же, стр. 229 и 283).

Но, продолжает Блок в «Дневнике» 1901—1902 гг., нужно «различать плевелы от доброго семени». Среди тех, кого обывательская молва окрестила «декадентами», есть прямые (и единственные) наследники всей многовековой, и в первую очередь национальной, русской, культуры. И они с «настоящими уладчиками» не только не имеют ничего общего, но, наоборот, знаменуют своим творчеством небывалый доселе подъем и расцвет, «воздвижение мысли, ума, чувства и души». Одними из них владеет идея Вечной Женственности, другими — идеи модернизированного христианства, третьих волнуют «темные соблазны плоти», которая в грядущем царстве «третьего завета» должна слиться с «духом», но все это — всего лишь «разные образы» одного «вечного божества».

Эти подлинные мистики не преднамеренно и не по отсутствию таланта «затемняют смысл своих произведений», а укрывают свои «глубинные тайны», недоступные для «грубых умов и сердец», в «строгие» и «древние» «непроницаемые покровы», которые обыватель клеймит «только новым именем — именем декадентства». С «темными формулами» и «непонятными терминами» декадентов эта тайнопись не имеет ничего общего.

Это настойчивое отмежевание от «беспочвенного декадентства» лежит в основе всех дальнейших рассуждений Блока. Русский символизм 90—900-х годов с его точки зрения — явление вполне самобытное. Озабоченный установлением исторической преемственности символизма, Блок находит его корни в творчестве русских поэтов XIX в. — Тютчева, Фета, Полонского и Вл. Соловьева. Их он называет «великими учителями» современных символистов и, допуская порою чудовищные натяжки, пытается доказать, что в творчестве каждого из них в той или иной форме нашла выражение идея Вечной Женственности. Характерно, что и в 1904 г. Блок упрекал Бальмонта за недооценку мистики в поэзии Тютчева и Фета (см. Собр. соч., т. X, Л., 1935, стр. 220).

Выдвинутое им положение о «самобытности» русского символизма Блок наиболее четко сформулировал в конспективном плане своей статьи (см. ниже, прим. 9-е): «Определив общее, напр. франц. нов. поэзии, указав на ее отцов — определить начала нов. поэзии у нас (источники — Фет, Тютчев, Соловьев, идеи), как вполне самобытные, вызваны требованиями нашими историч. и другими. Отделить новую поэзию вообще от части. декад.»

Это свое положение Блок защищал и в позднейшее время, особенно в пору своего «народничества» (1907—1908 и последующие годы), когда он осознал «дряность» западнических «кампаний» и настаивал на объявлении «бойкота новой западной литературы» («Записные книжки Ал. Блока», Л., 1930, стр. 88).

В сущности, концепция Блока крайне неоригинальна. Прежде всего, эстетические его представления исчерпываются прописной формулой романтизма шиллеровских еще времен: «Истина, Добро и Красота». Бесчисленные вариации ее находим у «чистых лириков» второй половины XIX в., борющихся с «дидактической» литературой разночинцев-шестидесятников. Таковы, например, популярные стихи Фета:

Кто скажет нам, что жить мы не умели,
Бездушные и праздные умы,
Что в нас добро и нежность не горели
И красоте не жертвовали мы?

АЛЕКСАНДР БЛОК
Фотография 1903 г.
Собрание Л. Д. Блок, Ленинград

(у него же «Блаженный мир любви, добра и красоты»). В теоретической эстетике формула эта во времена Блока была уже окончательно дискредитирована.

В остальном Блок выступает верным учеником Вл. Соловьева. Не говоря уже о целиком заимствованной им у Вл. Соловьева идее Вечной Женственности, выпады его против «беспочвенного декадентства» безусловно идут в известной мере также от Вл. Соловьева, от его знаменитых разгромных рецензий на Брюсовские сборники «Русские Символисты» и пародий, направленных против ранних стихотворений Брюсова, З. Гиппиус.

Еще более прямое и непосредственное воздействие оказал в данном случае на Блока Мережковский. Знакомство с Мережковским и З. Гиппиус (в марте 1902 г.) сам Блок относил к числу «событий, явлений и веяний, особенно сильно повлиявших [на него] так или иначе» (автобиография). В июне 1902 г. он писал отцу: «В современном мне миру я приобрел большой плюс в виде знакомства с Мережковскими, которые меня очень интересуют с точек зрения религии и эстетики» («Письма Александра Блока к родным», Л., 1927, стр. 75). Тогда же, летом 1902 г., Блок завязал с З. Гиппиус довольно интенсивную переписку (черновики его писем см. ниже — в составе «Дневника»), о которой писал отцу: «Переписка очень интересна, вполне мистична, так что почти не выходит из круга умозрения (опять таки — современного, в духе Дм. С. Мережковского)» (там же, стр. 77—78; письмо от 5 августа 1902 г.).

Почти все размышления Блока в «Дневнике» 1902 г. — об эсхатологии, о религии и мистике, о мистике и декадентстве, о мифологии и т. д. — отмечены печатью мерезковщины. Так, например, его рассуждения о «великой философской борьбе» прямо восходят к Мережковскому, который ополчился против «грубостей» материализма и «пошлостей» «удушающего мертвенного позитивизма» в книге «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы». 90-е годы, — писал здесь Мережковский, — «это время самого крайнего материализма и вместе с тем самых страстных идеальных порывов духа. Мы присутствуем при великой многозначительной борьбе двух взглядов на жизнь, двух диаметрально противоположных мирозерцаний» (стр. 38).

И, наконец, даже мысль Блока о «самобытности» русского символизма могла иметь своим источником заключительную главу книги Мережковского «Л. Толстой и Достоевский», где он писал, что «может быть и «декадентство» наше есть нечто родное, народное, русское — не извне, а изнутри идущее, не из Западной Европы, а из глубины, из самых кровных материнских недр русской земли» (т. II, изд. 2-е, СПб., 1903, стр. 529). Правда, из блоковского дневника видно, что эту книгу Мережковского он читал (но, может быть, и перечитывал) летом 1902 г., а наброски его статьи, где идет речь о «самобытности» русского символизма, относятся к самому началу года, когда он еще и лично не был знаком с Мережковским. Однако, из этого не следует еще, что точка зрения Мережковского оставалась Блоку неизвестной до лета 1902 г.: он регулярно читал журнал «Мир Искусства», где в 1900—1901 гг. из номера в номер печаталась книга о Толстом и Достоевском.

И уже безусловно у Мережковского, и непосредственно у него, заимствовал Блок идею о «двух безднах», с которой неоднократно встречаемся в записях «Дневника» и в письмах к З. Гиппиус. Эта бредовая «идея» Мережковского, особенно подробно изложенная им в книге о Толстом и Достоевском, заключалась в постановке вопроса о «возможном соединении двух противоположных полюсов христианской святости — святости духа и святости плоти», или «верхней» и «нижней» «бездн», или Христа и Антихриста, или, наконец, богочеловека и человекобога. «Историческое христианство» усилило первый из этих «полюсов святости» — «святость духа» — в ущерб второму — «святости плоти», — между тем как в христианстве заключено утверждение «равноценности и равносвятости», «потустороннего мистического единства» того и другого (здесь, между прочим, источник замечания Блока в «Дневнике»: «Вижу и понимаю, что надо побережь свою плоть. Скоро она пригодится»).

Апокалиптика Мережковского, представляющаяся чудовищной абракадаброй, в сущности, крайне примитивна. Сводится она к следующему: близится конец исторического процесса — «Второе пришествие»; в тысячелетнем иоанновом царстве «третьего завета», которое наступит после «Второго пришествия», «дух и плоть должны слиться воедино, из двух делается одно: плоть станет святой, духовной», или — что то же самое — обе противоположные «бездны» — «верхняя» и «нижняя» — сольются в одну, обе «правды» — «земная» и «небесная» — соединятся в одну «высшую синтетическую правду», и все противоречия, заложенные в природе и в человеке и в истории человеческих отношений, будут разрешены.

Хотя Блок и сомневался в «реальности» этого синтеза и даже пытался выдвинуть какие-то свои собственные (крайне невнятные) соображения (см., например, ниже черновик его первого письма к З. Гиппиус), — «неохристианские» идеи Мережковского произвели на него, как видно из «Дневника», сильное впечатление и в известной мере обусловили даже его эстетические и собственно-литературные мнения. В 1902 г. Блок констатирует, что искусство по самой своей природе религиозно: «Стихи — это молитвы», «источник декадентства, и классицизма, и реализма — один; имя ему — бог», «точки соприкосновения» религии с искусством — «неисчислимы», хотя (тут же оговаривается Блок) религиозный дух, выражением которого служит всякое подлинное и высокое искусство, — «далеко не строго богословский», а «туманный и мистический». Нужно сказать, что и тогда уже с этим убеждением боролся в Блоке какой-то внутренний протест художника; 2 апреля 1902 г. он записывает: «Да неужели же и я подхожу к отрицанию чистоты искусства, к неумолимому его переходу в религию?».

В эсхатологической «теории» Мережковского Блок склонен был одно время различать нечто более «объективное» и «конкретное», нежели метафизика соловьевского толка. В августе 1902 г., всецело находясь под впечатлением от писем З. Гиппиус, он писал отцу: «Сквозь известную, так называемую, «разочарованность» (выразившуюся между прочим и для моего возраста в желании «объективничать», покидая чрезмерную сказочность моего недавнего мистцизма) — все еще мне мечтается о крутом (не внезапном ли?) дорожном повороте, должствующем вывести из «потемок» (хотя бы и «вселенских») на «свет божий». Однако, этот свет, на иной взгляд, может оказаться еще метафизичнее, еще «страннее» потемок... Вообще-то можно сказать, что мой реализм граничит, да и будет, повидимому, граничить с фантастическим («Подросток» Достоевского)» («Письма Александра Блока к родным», Л., 1927, стр. 76 — 77).

Мережковские всячески отвращали Блока от декадентства; З. Гиппиус требовала у него для печати стихов «мистических», а не «декадентских». Но в самом Блоке, несмотря на все его филиппики против «беспочвенного декадентства», ясно различимы типично «декадентские» настроения. Они отчетливо проступают и в публикуемом нами дневнике; ими были продиктованы, например, проходящая сквозь весь «Дневник» тема «двойника» (одна из центральных лирических тем молодого Блока, разрабатывавшаяся им и впоследствии), темы самоубийства, «странных и ужасных» поступков и т. д. (см., например, в «Дневнике» новеллы о Богаче и Лазаре; о человеке, разрывающем могилу, — запись от 13 сентября 1902 г. и т. д.). Эти «декадентские» настроения проявлялись и в самом быту Блока, как своего рода норма общественного поведения. Он действительно срывал на улицах объявления, о чем пишет в «Дневнике», и придавал этим (и подобным) странным поступкам какое-то особое значение, выяснять которое вряд ли необходимо.

Блок сам писал З. Гиппиус, что «разрезает свою сгущенную атмосферу жесткой арлекинадой». Может быть, именно эту «арлекинаду» Блок и называл своим «мистическим реализмом», граничащим с фантастикой Достоевского (которым он, кстати, в это время очень увлекался). Нужно сказать, что всяческая «арлекинада» пользовалась успехом не только в кругу декадентов, но и в кругу мистиков-соловьевцев.

Гротескные характеристики и описания в «Дневнике» Блока — не случайны.

Гротеск был одним из основных художественных приемов раннего Андрея Белого («Симфонии»), да и самого Вл. Соловьева, в творческом методе которого двупланность, или попросту двусмысленность, играла очень значительную роль (см. хотя бы знаменитую поэму «Три свидания»). И в быту Вл. Соловьев любил всяческий гротеск, «арлекинаду» (об этом писал Блок в статье 1910 г. «Рыцарь-монах»). Но это — особая большая тема, далеко выходящая за рамки данного предисловия. Заметим здесь только, что декадентские настроения Блока сказались и в самом стиле его «Дневника», в том «эзотерическом» мистико-декадентском жаргоне, на котором он написан, в его фразеологии («Имею ли я мировое право не творить ужасного?»).

Блок очень скоро разочаровался в рассудочной, схоластической мистике и апокалиптике Мережковского и вернулся к своему «сказочному мистицизму», пусть менее «конкретному», но несравненно более эмоциональному, открывавшему перед ним значительно более широкие творческие перспективы. Крупную роль в этом отходе Блока от Мережковского сыграло его сближение с Андреем Белым и группой друзей Белого.

Уже 26 сентября 1902 г. Блок писал отцу: «На днях я провел два дня... у Мережковских... Разговоры были, разумеется, довольно отвлеченны — об Антихристе и «общем деле»... Впечатление мое от самих доктрин Мережковского затуманилось еще более, и я уже совсем не могу ничего ни утверждать, ни отрицать, а потому избрал в этой области роль наблюдателя с окраской молчаливого мистицизма» («Письма Александра Блока к родным», Л., 1927, стр. 79—80).

Можно предполагать, что Мережковских Блок имел в виду в стихотворении «Лицемеры», написанном 16 ноября 1902 г.:

Ушел я в белую страну,
Минуя берег возмущенный,
Теперь их голос отдаленный
Не потревожит тишину.

Они настойчиво твердят,
Что мне, как им, любезно братство,
И христианское богатство
Самоуверенно сулят.

.....
Я кинул их на берегу.
Они ужасней опьяненных.
И в глубинах невозмущенных
Мой белый светоч берегу.

Несколько позже, 26 декабря 1902 г., Блок писал Л. Д. Менделеевой: «То, что в прошлом году воспринималось с болью и ожесточением, теперь чище и светлее.... Жизнь светлая, легкая, прекрасная. К счастью, мы переходим из эпохи Чеховских отчаяний в другую, более положительную: «мы отдохнем». И это правда, потому что есть от чего отдыхать: перешли же весь сумрак, близимся к утру. Чего только не было — и романтизм, и скептицизм, и декаденты, и «две бездны». Я ведь не декадент, это напрасно думают. Я позже декадентов. Но, чтобы мне выйти из декадентства, современного мне, затягивавшего меня бесформенностью и беспринципностью, нужно было... встретить то пленительное, сладостное и великое, что заключено в Тебе» (неопубликованное письмо).

В дальнейшем разочарование Блока в «теориях» Мережковского укреплялось все больше и больше (см. заметку от 13 декабря 1902 г., приложенную нами к «Дневнику» — ниже, стр. 356) и в 1903 г. определилось с полной четкостью. «Чувствую переход от мистической запутанности к мистической ясности», — писал Блок отцу в апреле 1903 г. Письма его за 1903 г. пестрят выпадами против кружка «Нового

Пути» — журнала, организованного Мережковскими в качестве неофициального органа религиозно-философского общества, основанного в конце 1901 г. по инициативе тех же Мережковских, В. Розанова и Н. Минского в целях установления контакта с кругами духовенства — на почве «единой христианской истины». «Новый Путь» меня не слишком жалует, как и я его», — сообщил Блок отцу.

Здесь особенно порицали Блока за соловьевство, считая, что Вл. Соловьев «устарел» и что «надо уже итти дальше». З. Гиппиус, между прочим, «не сочувствовала» свадьбе Блока, находя в ней «дисгармонию» с его стихами. По этому поводу Блок писал отцу: «Трудно уловить совершенно рассудочные теории, которые Мережковские неукоснительно проводят в жизнь, даже до отрицания реальности двух непреложных фактов: свадьбы и стихов (точно которыйнибудь из них не реален!). Главное порицание высказывается мне за то, что я, будто бы, «не чувствую конца» («Письма Александра Блока к родным», Л., 1927, стр. 86).

«С каждым новым вывертом Мережковских» Блок все более убеждался и наконец в августе 1903 г. (отчасти под влиянием писем Андрея Белого) «вполне и окончательно почувствовал», что «Новый Путь» — «дрянъ» (там же, стр. 92). Схоластика Мережковского представляется теперь ему «тьмой»; по всем своим идеям и настроениям он тяготеет к «чистой, белой, древней Москве», к тамошним соловьевцам, проявлявшим глубокий квиетизм ко всякой общественности, в том числе и «неохристианской», и настроенным довольно враждебно по отношению к кружку «Нового Пути».

В дальнейшем Блоку, как известно, удалось преодолеть не только мерещковщину, но и соловьевщину. В августе 1905 г. он пишет Евг. Иванову, что сейчас он «дальше, чем когда-нибудь от религии», а в январе 1906 г. доказывает, что «религиозное искусство» есть только «переходная форма» и что «истинное искусство в своих стремлениях не совпадает с религией» («Записные книжки Ал. Блока», Л., 1930, стр. 55). А в 1908 г. Блок вынес окончательный приговор в свое время увлекшей его идее Мережковского о «соединении двух бездн», назвав эту идею «ложью, мертвечиной, симметрией» (Собр. соч., т. X, Л., 1935, стр. 158).

К этому времени уже окончательно определился разлад Блока с его былыми «друзьями» и «покровителями», под знаменами которых он начинал свой писательский путь. Для Мережковского и ему подобных годы реакции, последовавшей за разгромом революции 1905 г., были годами полнейшего интеллектуального отупения и застоя, для Блока — годами мучительных тревог за настоящее и будущее России и русской литературы, годами его колоссального творческого роста. Именно в эти годы Блок твердо вступает на путь решительного преодоления глубочайших и казавшихся неразрешимыми противоречий своего мирозерцания.

Поэт, отравленный всеми ядами рафинированной буржуазной культуры, долго остававшийся в плену декадентства и эстетизма, долго блуждавший в туманах вслещской метафизики и поповщины, вырастает в большого художника, подлинного и честного, страстно ненавидящего «позорный строй» буржуазного общества, художника, живущего идеями долга, правды, справедливости, идеями верности и служения своей родине и своему народу.

Ранний «Дневник» Блока — документ большого литературно-биографического значения. Но значение это по преимуществу негативное. «Дневник» свидетельствует о том, с каких далких позиций пришел Блок к своему классическому третьему тому, к «Возмездию» и к «Двенадцати».

Исторические судьбы Блока и русского символизма не совпадают. Блок стал одним из крупнейших русских поэтов помимо и вопреки идейно-художественной теории символизма. Но для того, чтобы понять направление и известную закономерность трудного и противоречивого творческого пути Блока от «Стихов о Прекрасной Даме» до «Двенадцати», нужно знать все этапы этого пути. Для историко-литературного освещения первого периода творчества Блока публикуемый «Дневник» является безусловно важным источником.

[ДНЕВНИК]

6 декабря 1901. Спб.

Недосказанной речи тревогу
Хороню до свиданья в ночи.
Окна терема — все на дорогу,
Вижу слабое пламя свечи.

Ждать ли поздней условленной встречи.
Знаю — юная сердцем в пути.
Ароматом неведомой встречи
Сердце хочет дрожать и цвести.

В эту ночь благовонные росы,
Словно влажные страсти слова,
Тяжко лягут на мягкие косы —
Утром будет гореть голова...

Но несказанной речи тревогу
До свиданья в ночи — не уйму.
Слабый пламень глядит на дорогу,
Яркий пламень дрожит в терему¹.

*

26 декабря <1901>

День вечерел. Знакомые туманы
Сходили с гор на пажити мои.
Вдруг в синеве дохнули ураганы —
Нездешних тайн холодные струи.
И ночь гремела тысячью созвучий...
.....²

*

27 дек[абря] 1901. Спб.

Я раздвоился. И вот жду, сознающий, на опушке, а — другой — совершаю в далеких полях заветное дело. И — ужасный сон! — непостижно начинаю я, ожидающий, тосковать о том, совершающем дело и о совершенном деле...

*

27 дек[абря]

Хоть и не вышло, а хорошая мысль стихотворения: убийца-двойник — совершит и отпадет, а созерцателю-то, котор[ый] не принимал участия в убийстве, — вся награда. Мысль то сумасшедшая, да ведь и награда — сумасшествие, которое застынет в сладостном созерцании совершенного друга. Память о ноже будет идеальна, ибо нож был хоть и реален, но в мечтах — вот она великая тайна...³

*

Вставка к стих[отворению] 27 дек[абря] 1901 г. (Спб.)

(после второй строфы)

Я ждал тебя — во мне лежали тайны,
А ты — вдали, в синюющих полях,
Мой бедный друг, свершитель мой случайный,
Что понял ты в причудливых цветах?

Ты совершил, но знал ли ты, безумный,
Что за тобой следит моя тоска,
И этот сон — и праздничный и шумный —
Тебе — мечта, светла, но далека.

далее — строфа 3-я⁴.

Не ослепленный дух пришел для душией души.
То ослепление только пошлону.

И дель иной родится во свѣтѣ воши
И делом будешь жуль во иномъ мѣру.

Следующий очерк не содержит в себѣ
того нѣдра стирально-дальнаго. Это — картина
о рабствѣ вшей души, которая стремится
защититъ о рабствѣ иномъ стирально и
ишты свѣтлым. Кроме того — о рабствѣ,
малыи, но вдохновенны — это то же самое
о рабствѣ по себѣ, противъ иномъ. Слѣдъ нѣдра
тишь, по рабствѣ — тебѣ на землѣ ити не вѣрны.
Этотъ рабствѣ о рабствѣ, — и по рабствѣ скоро нѣдра
сли и необходимы иследитъ за дѣломъ
поворотомъ. Пускай те о рабствѣ иномъ
и крика, — бредъ нѣдра души.

Александр Блок

Слѣд.

11 янв. 1902.

*

29 декабря

Я прокрадусь ночью сонной
К изголовью утомленной
Вечной суетностью дня.

Там незримый, неизбежный
Мертвый голос вьюги снежной
Посетит меня⁶.

*

29 декабря. 1901. Спб.

Вот в эту минуту я настолько утончен и уравновешен, что смогу завещать. Складываются в одно местечко (страшная близость яви и сна, земли и неба!) — укромненькое — все бумаги (и эта) и иные книги. Первое место — Сев[ерные] Цветы — не за содержание, а за то, что несет на страницах кресты⁶. А спросить у — * . Потом — стихи Соловьева. Мои стихи прошу уложить туда-же — и еще кое-что. Теперь с этим покончено — и пусть всё сохранит, кто нуждается, а, кому понадобится, не отдавать, за исключением — * , что выяснится позже написания этих строчек.

Мы все, сколько нас ни есть, здоровые и больные, сильные и дряхлые, голубые и розовые, черные и красные, остановились на углу знакомой и давно нами посещаемой улицы и условились выкинуть штуку единодушно и мудро-красиво. И все согласились, а кто и не хотел — подчинился. Нас не два старика только⁷, а есть и молодые и зрелые. Сильные то и взяли верх пока. — А перед совершением подвига оставляем мы это завещаньице, кому понадобится и просим о нас не крушиться, зане мысли наши — умные, чувства наши — глубокие, а поступки наши — сильные. Были среди нас Пьеро, а есть и матросы и китайские мыслишки, а руки у нас набиты женскими безделушками. Польза таковых в скором времени обнаружится. Все мы — недурные актеришки, а игравали, бывало, порядочно и Гамлета. Нет у нас гения отеческого, зато с современностью очень соприкасаемся. Отцы громили нас, а теперь проклянут (ли?), восплачут (ли?). — И всё это перед нами еще туманится, а всего для нас лучше — вот что: бледные, бледные смотрим мы, как трава кровью покрывается и кровью пропитывается ткань — тоненькая, светленькая, летненькая. И всё покоится в бровях и ресницах Белая и Страшная — всё также брови подняты и бледно лицо. И тут-то начнется. Тут-то проникнем.

Бежит, бежит издали облако. Страшна родителей кара. Позднее будет раскаянье.

А того и не будет.

*

7 января 1902

Однажды в тот час, когда воздух начинает становиться незаметно влажным, и теплый ветер приносит особенно пряные ароматы душистых трав, — в поле шел грустный человек с телом Лидийского юноши Диониса, с лицом кающегося аскета. Река, безмолвная днем, смутно запеваля какую-то тоскующую песню, точно струи ее возвращались к родному сумраку, освободившись от тягостных прямых лучей солнца. И не одни речные струи сбрасывали иго дня, — деревья посвежели, трава потянулась, цепкая и благоуханная, земля тайно дрогнула, и за ней дрогнули все жизни — и жизни птиц, и жизни четвероногих, и жизнь грустного человека с телом Диониса.

* Черта в рукописи. — Вл. О.

*

10 января 1902

Приходит время, когда нужно решить так или иначе (потому что *τοῖσι φθόβοις Σφίγυξ* * не может ждать в вечности). Вспоминая всё — воплащая всё — закрепляя всё — видишь конец. Теперь именно тянется та ужасающая, загадочная, переворачивающая душу часть жизни, которая предшествует неизгладимому, великому; «все нити порваны, все от[к]лики — молчанье»⁸.

*

<НАБРОСОК СТАТЬИ О ДЕКАДЕНТСТВЕ>⁹

<Декабрь 1901—Январь 1902>

Не омраченный дух прими для лучшей доли
Тоскующею тенью поутру.
И день иной родится в свете воли
И легок будет труд в ином мире¹⁰.

Следующий очерк не содержит в себе чего-нибудь стройно-цельного. Это — критика от наболевшей души, которая стремится защитить от современников белые и чистые святыни. Кроме того — это труд, малый, но вдохновенный — его-то желаю я оставить по себе, кроме песен. Мне недолго жить, потому что «тебя на земле уж не встречу»¹¹. Это почти так, — и потому скоро, неминуемо и необходимо исчезнуть за дорожным поворотом¹². Пускай же останутся песни и крики, — «бред неопытной души».

А. Л. Блок

Спб. 11 янв[аря] 1902

И снова накануне передачи в святые руки, в святые чувства, в святые мысли, — раскрывается заглавная страница Ф. Тютчева — тонкое лицо, портрет, рисованный Аполлоном¹³ (кстати — ?).

Я прежде выскажусь.

Всё было ясно. «Передо мной кружится мгла»¹⁴. И боли мимолетной не чуял. Но странно — однажды проснулось что-то земное, лодка стукнула о берег. И уже несколько дней нестерпимая тяжесть.

Мне эту девственную нежность
В глазах толпы оставить жаль¹⁵.

Далеко поет земля, — близко слышится песня — и подступает к горлу.

* * *

Лирическое настроение тогда и будет, когда из вдохновеннейших строк бегут вдохновеннейшие отклики.

Стихи — это молитвы. Сначала вдохновенный поэт-апостол слагает ее в божественном экстазе. И всё, чему он слагает ее, — в том кроется его настоящий бог. Дьявол уносит его — и в нем находит он опрокинутого, искалеченного, — но всё милее, — бога. А, если так, есть бог и во всем, тем более — не в одном небе бездонном, а и в «весенней неге» и в «женской любви»¹⁶.

Потом чуткий читатель. Вот он схватил жадным сердцем неведомо полные для него строки и в этом уже и он празднует своего бога.

Вот таковы стихи. Таково истинное вдохновение. Об него, как об веру, о «факт веры», как таковой, «разбиваются волны всякого скептицизма»**. Еще, значит, и в стихах видим подтверждение (едва ли нужное) витания

* Темнословный (буквально: поющий загадочное) сфинкс.

** Слова Ф. Ф. Зелинского в кавычках¹⁷. (Позднейшая помета Блока на полях рукописи. — Вл. О.)

среди нас того незыблемого бога, Рока, Духа..., кого жалким, бессмысленным и глубоко-звериным воем встретили французские революционеры, а гораздо позже и наши шестидесятники.

«Рече безумец в сердце своем: несть бог».

Когда раздались нечеловеческие вопли грубого либерализма и «либеральная жандармерия» (она отличается от консервативной тем, что первая регулируется правом и государством, а вторая — произволом фанатиков и глупцов) стала теснить аристократ'ов * чувства и мысли и снова распинать Истину, Добро и Красоту, — старые силы вышли из тумана, «в дымном тумане» возникли «новые дни»¹⁸.

На великую философскую борьбу вышел гигант — Соловьёв (которого «дождался»-ли его «заветный храм»¹⁹?). Осыпались пустые цветы позитивизма и старое древо вечно ропщущей мысли зацвело и зазеленело метафизикой и мистикой. Страницы новых учений озарились неустойчивым потоком любовного света, — перед ним-же все демоны «вверх пятами» закружились во мгле. Всё это дело любви совершалось, пока лживое государство воздвигало тонения на фанатиков и богохульников, которые злобились и свирепели.

В минуту смятенья и борьбы лжи и правды (всегда борются бог и дьявол — и тут они-же борются) взошли новые цветы — цветы символизма, всех веков, стран и народов. Заглушенная криками богохульников, старая сила почуяла и послышала, как воспрянул ее бог, — и откликнулась ему. К одному вечному незыблемому камню бога подвалился и еще такой камень — «в предвестие, иль в помощь, иль в награду»²⁰.

Это была новая поэзия в частности и новое искусство вообще. К воздвиженью мысли, ума присоединилось воздвиженье чувства, души. И всё было в боге.

Есть люди, с которыми нужно и можно говорить только о простом и «логическом» — это те, с которыми не ощущается связи мистической. С другими — с которыми всё непрестанно чувствуется сродство на как[ой]-бы ни было почве — надо говорить о сложном и «глубинном». Тут-то выяснятся истины мира — через общение глубин (см. Брюсов)²¹.

Весна январьская — больше чайные и чужие весны, чем сама весна — затрепетала и открыла то, что не ясно и не сильно еще носилось над душой и мыслью²². Было только

Порой легко, порою больно
Перед тобой не падать ниц²³.

Когда сумерки зимы сходили медленно, медленно-же явились из мрака молодые были прошедших дней, и ветер принес издалека песни весенней язык²⁴. Лебединая песня — и уже тогда понял я — ризы девственные²⁵.

Ты ли это прозвучала
Над темнеющей рекой?
Или вправду отвечала
Мне на крик береговой?²⁶

И всё ждал видения, ждал осени. А не было еще. Иначе зазвучало и иначе откликнулось. А что-то откликнулось. Или только кажущееся?

* Аристократов.

Неверующему можно сказать:

Остановись! Ужель наемни,
Безумец, не заметил ты...²⁷.

Все бранят современную литературу.

Проходят дни и сны земные —
Кого их брeнность устрасит.

Пускай бранят, —

Но плачет сердце от обид,
И далеки сердца родные²⁸.

Где-же вы, родные сердца, отчего вас так мало, отчего вы не пойдете за чистым, глубоким, мож[ет] быть частями «безумным», зато частями открывающим несметные сокровища «глубинных» чувств и мыслей, — когда вы тысячами влачите за великим злом века, за статичной денежностью? (а́да́еца — смлáдэца) *

Выступая на защиту, я крещусь мысленно и призываю ту великую Женственную тень, которая прошла передо мной «с величием царицы»²⁹ — и воплотилась в звенящей бездне темного мира.

Есть два рода литературных декадентов: хорошие и дурные; хорошие — это те, которых не следует называть декадентами (пока только отрицательное опред[еление]); дурные — те, кому это имя принадлежит, как по существу, так и этимологически. Заранее оговорившись относит[ельно] терминов, легче разобраться. Будем же понимать под словом декадент то, что это слово значит, — именно: упадок, ибо другие значения, навязываемые ему (отчего это происходит — скажу ниже), очевидно совершенно нелепы.

Назв[ание] декад[ент] прилепляется публикой ко всему, чего она не понимает. Это — факт очень обыкновенный и доказывающий только (еще раз!), что на «большую публику» следует махнуть рукой. Но есть люди, стоящие выше «современной aurea mediocritas»**, — и тем-то из них, кто все-таки, часто просто не вникая в суть и не разбирая, прилепляет удобное по краткости и бранчивости звуков слово к нелюбимым произведениям известного рода — им то пора разобрать и определить и выяснить свои мысли. Наша литература (к чести ее) очень мало за себя заступается, а на брань Бурениных³⁰ не обращает внимания, что имеет одну дурную сторону: публика-то так и остается в неведении относит[ельно] литературных родов настоящего времени, и всё мешает в одну кучу (чему, кстати, очень способствуют настоящие «упадочники», дегенераты, имена которых история сохранил без благодарности).

Декадентство — «décadence» — упадок.

Упадок (у нас?) состоит в том, что иные или намеренно, или просто по отсутствию соответствующих талантов, затемняют смысл своих произведений, причем некоторые сами в них ничего не понимают, а некоторые имеют самый ограниченный круг понимающих, т. е. только себя самих; от этого произведение теряет характер произведения искусства и в лучшем случае становится темной формулой, составленной из непонятных терминов — как отд[ельных] слов, так и целых конструкций***.

* Бесстрашие — сострадание.

** Золотой посредственности.

*** К этому абзацу относится следующая выноска Блока: «Верлэн, стр. 11 — Вечная женственность. Мережковский, русск[ая] литература, стр. 37 — 43»³¹.

Человек, утончаясь, чувствует потребность прикрыть тайну своего существования, слишком ярко и обнаженно им ощущаемую; оттого совсем не чуждаясь дня в своей т. н. «положительной» деятельности, — он ищет ночи для своих вдохновений, сумрака для своих надежд; — потому-то глубины наших современных поэтов укрываются порой в непроницаемые одежды. Напрасно искать осязаемого в этих глубинах*. <Толпа может лишь бесноваться перед глухой стеной, скрывающей вечное и неумолимое божество; это божество всегда было далеко от невежд, никогда они не могли ни проникнуть в его тайну, ни познать его; непроницаемые покровы, открывавшиеся только мудрости или вдохновению, всегда безнадежно опускались перед грубостью умов и сердец. Теперь клеймят как издревле эти строгие, древние покровы только новым именем — именем декадентства.

Вот — чисто мистическая постановка основного вопроса; она открывает обширные перспективы в сторону всяческого прославления того, что ныне подвергается неразборчивой хуле. Другая, прямо противоположная, а потому равно необходимая, точка зрения на это крупное явление современности (лучше сказать — современное видоизменение вечного и живого начала) будет состоять в различении плевелов от доброго семени и в уличении тех, кто, неприметно укрываясь в чистых струях прозрачного потока, мутит его воды и нарушает строй их мерного течения к «прекрасной неведомой цели». Эта точка зрения должна поднять цветущие покровы, скрывающие всю чахлость разврата и отряхнуть, таким образом, ветхую чешую грязных красок; тогда «с прежней красотой» перед нами явится «картина гения»³². Этот гений — само божество, непостижимое для глупцов, но проносящее всех, достойных пониженений; оно-то подвигло своих бедных детей претерпеть гонения, воздвигнутые на них ныне; оно-то «в разных образах» владеет сердцами своих Апостолов. Над одним простерлось Светл[ое] Существо — «Женственная Тень». Другой еще горит глубокими ранами божественного Учителя. Третьего волнуют темные соблазны, над которыми, как над всякой «черной глыбой», скоро вознесутся «лики роз»³³ и брызнет ослепительный неиссякающий Свет. Все Апостолы — уже уготованы на жертву, и будут распяты «вверх пятами», как ранний святой³⁴. Но дальше ждет их то великое и непостижимое слияние с прежним источником и страданий и просветлений, которым теперь лишь изредка и бледно тревожат их боги «в пророческих снах»³⁵ и все-таки—тревожат—«в предвестие, иль в помощь, иль в награду»³⁶. Здесь уже всё равно — залетит ли в их «сумрак» «с зеленеющих полей» Психея³⁷ или сойдет на них божественный «экстаз» Плотина и Соловьева. >

В то время как души большинства продолжали коснеть в тяжелом и смрадном невежестве, составляя твердую и благодатную почву для посева всякого рода злых семян,— души лучшей части человечества утончились в горниле испытаний времени и культуры; никогда не умрет человеческий дух, границы его возвеличению лежат еще вне нашего познания; теперь — среди всех «бурь и бед и мыслей безобразных» почуялось новое веяние, пускают ростки новые силы; <и в небывалых прежде блаженных муках начинает рождаться новое, еще неведомое, но лишь смутно пока чувствуемое. Это всё—дело Вечного бога. Мы еще только смотрим, содрогаясь, и смутно ждем конца. Кто родится — бог или диавол — всё равно; в новорожденном заложена вся глубина прядущих испытаний; ибо нет разницы — бороться с диаволом, или с богом — они равны и подобны; как источник обоих—одно

* Здесь и в дальнейшем в угловые скобки заключен текст, в рукописи вычеркнутый.—Вл. О.

Простое Единство, так следствие обоих — высшие пределы Добра и Зла — плюс-ли, минус-ли — одна и та же Бесконечность.

«Парадоксальность» этих верований не будет служить помехой анализу темы; но, так как сама тема требует скорее субъективного метода, потому что трактует о том, что лежит далеко за пределами точных знаний, — она не может обойтись без самоосвещения и самосближения с религиозными основами ее автора; тем более, что верования, выраженные выше, как мне кажется, совсем не лишены того самого туманного и мистического, далеко не строго богословского духа, которым проникнута и вся тема.> Точки-же соприкосновения «глубинной» религии с «глубинным» искусством — неисчислимы. В пример можно привести несомненное как внутреннее, так и внешнее сходство между богослужебными обрядами вдохновенных иереев и игрой на сцене вдохновенных актеров; ибо и священнослужитель олицетворяет Христа, и актер совершает свою литургию.

Близость между богом, которому поклоняются и духом, который поклоняется, становится очевидной в нашей недавней поэзии. Тоскование всегда предполагает желание соединения — какую-то неудовлетворенную отделенность, порывание или непрерывное стремление воссоединиться; одним из великих парадоксов, которым живут ищущие, можно считать то, что нет большей близости, чем наибольшая отделенность, нет большей тоски, чем наибольшая радость. И в нашей поэзии неутолимейшее желание часто равно совершенному успокоению, величайшая радость — непрестанному тоскованию. <Всё восходит к одной вершине, и на ней то уж не можем мы, дети земли, различить наших здешних противоположностей.

Вот — глубочайшее откровение. Тайна его сознана теперь, как никогда, умами и сердцами, обострившимися до последней степени. Это «инферальность» изв[естного] рода — «созерцание двух бездн», доступное недавним избранникам. На фоне этой «всерадостной» тайны выписывают они свои порой безумные, порой дышащие неведомой силой иероглифы. Но не в безумцах ожидаемые силы.> Мы-же будем говорить только про главнейших из тех, кому, по словам поэта:

Сквозь прах земли
Какой-то новый мир мерещился вдали,
Несуществующий и вечный³⁸,

кто из самого «несуществования» извлек для себя цветущее бытие и ликовавал в чайный грядущего. За этими незыблемыми столпами уже начинается бесконечное, неисчерпанное море их духовных детей: <море, где враги станут друзьями, когда спадут «ветхой чешуей» ненужные злые краски.>

«Волна в разлуке с морем
Не ведает покою»³⁹.

Всякая живая волна сольется с другой воедино, когда «свершит» круг, который «очертили» ей боги⁴⁰. А всё мертвое отпадет. «И будет падение его великое». И враги дружественно протянут друг другу руки с разных берегов постигнутой бездны, когда эти берега сольются «в одну любовь»⁴¹.

Великие учителя — Тютчев, Фет, Полонский, Соловьев пролили свет на «бездну века», о которой я сейчас говорил. Тютчев, как ранний по времени, встретился еще с романтизмом в духе Шиллера и Жуковского, и со славянофильством Хомякова и прочих. Есть в нем и Байрон — Лермонтов:

Я очи знал — о эти очи...
.....
Как наслажденье — утомленный
И как страданье — роковой⁴².

Не в этом его великая сила; Тютчев — один из тех, кто приготовил нам пышность встречи грядущих откровений; на рубеже этой встречи встали его последователи (во времени) — Фет — зрелый и мощный, Полонский — отрок, не знающий своих сил. Владимир Соловьев сделал в том направлении, о котором мы говорим, больше всех. Мы не имеем до сих пор равной и подобной глубины и затишья, уготованных для рождения С-нами-бога (Иммануэля) ⁴³.

Когда Тютчев вышел «бросать живительное семя» «рукою чистой и невинной» ⁴⁴,

Ночное небо так угрюмо
Заволокло со всех сторон ⁴⁵—

Таково было небо поэзии, ибо то были 60-ые года, время положительного неведения. И вот отрывок стих[отворения] Тютчева, напис[анного] в 1865 году:

Как по условленному знаку,
Вдруг неба вспыхнет полоса,
И быстро выступят из мраку
Поля и дальние леса!
И вот опять всё потемнело,
Всё стихло в чуткой темноте,
Как бы таинственное дело
Решалось там — на высоте.

Отголосками «таинственного дела» на высоте явились на земле внизу первые значительные зародыши русского декадентства (говорю — первые значительные, потому что, увы! — как это ни странно «публике» — декадентство в самом неподдельном виде встречается и — *horribile dictu!* * — у Вергилия — см. «*Vicolica*»). Примером ярко декадентского настроения могут служить стихотворения ** «Безумие» и «Весь день она лежала в забытьи». Первое напоминает современную живопись — какое-то странное чудовище со «стеклянными очами», вечно устремленными в облака, зарывшееся «в пламенных песках». Второе — ясное искание «глубинных» чувств в звуках летнего дождя, в веселом шуме листьев — рядом с ликованьем природы — «она», вся погруженная в «сознательную» думу, вся покрытая тенями — вечная смесь «зимы и лета», только не освещенная «взором очей».

Откуда же черпал этот уже явный декадент свои вдохновения. Ответ прост. Он, как все, сильные и слабые, молодые и старые, веселые и грустные, — ждал голосов из вечности, был близок к Золотому Веку, терялся мечтой в лучезарности прошлого. И он, как Фет, как Соловьев,

Под Скифской вьюгой снеговую
Свободой бредил золотою
И небом Греции своей ⁴⁶,

не той Греции, которая кипела исторической жизнью, мыслью, творчеством, не той, которая породила гениев действительности, — а той, которая мечтается в таинственные часы, той Греции, которую благодарные потомки отвлекли от суеты земли, в которую нам привычно углубляться, как в мечту Золотого Века, быть может, никогда не существовавшего, бесконечно отдаленного, но всё прекрасного и вполне недоступного толпе, потому что

«Он страшен им, как память детских лет».

Это — та страна, в которой нет «болезней, печали и воздыхания» ⁴⁷.

* Страшно сказать.

** У Тютчева. — *Вл. О.*

Она-то снится всякому избраннику, то смутно, то явственно, как что-то бесконечно дорогое; утрачивая с ним связь, утрачиваешь жизнь. Моисею, коснеющему в пустынном Мидиане,

Смутно видятся чертоги,
Где солнца жрец меня учил
И размалеванные боги
И голубой златистый Нил ⁴⁸.

То был храм его юности; Вождь Израиля «расцвел» лишь тогда, когда вернулся к своему храму в «неопалимой купине» ⁴⁹.

Таким образом, источник и декадентства, и классицизма, и мистицизма, и реализма — один; имя ему — бог. А связь четырех указанных вещей поэтов заключается в том, что свои вдохновения черпали они из того источника божия, который не открывался другим (ибо иначе не было бы разницы

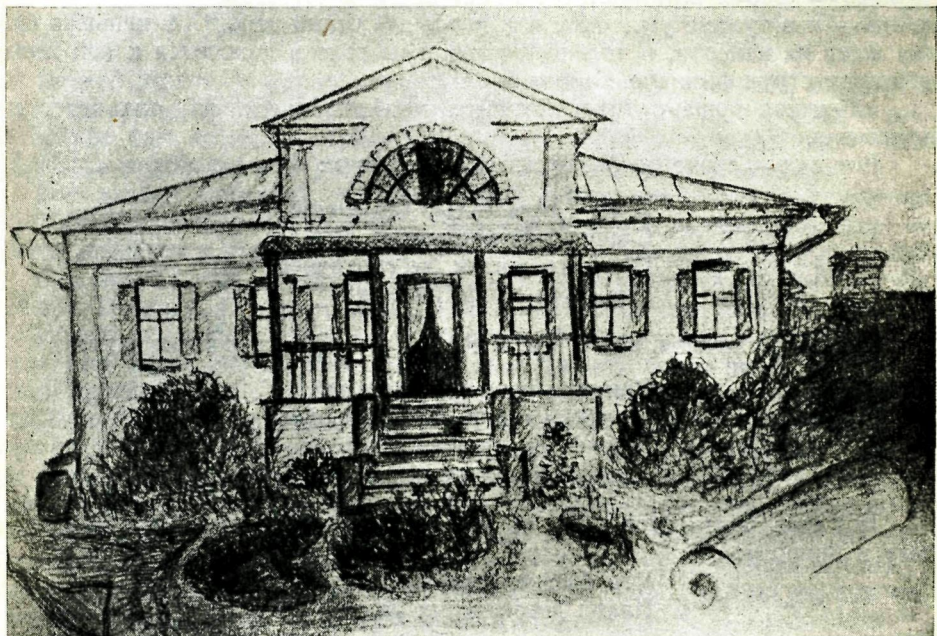

РИСУНОК АЛЕКСАНДРА БЛОКА: ДОМ В ШАХМАТОВЕ, 1898 г.

Собрание М. А. Бекетовой, Ленинград

между Шекспиром и Фетом). А источник их «декадентства» берет свое начало там же, где все другие источники, ибо всё восходит к одной вершине. «Новое» направление Тютчева сказывается не в одних двух приведенных стихотворениях, а также и в том, например, что этот, порою яростный публицист, поднимался до бесконечно чистого лиризма, неподражаемой кристалльности. Это возможно лишь для того, кто познал неизмеримую разницу между «суею беспощадною» и «благодатною тишью», когда

Все порывы и чувства мятежные,
Злую жизнь, что кипела в крови,
Погловило стремленье безбрежное
Роковой беззаветной любви ⁵⁰.

У Тютчева:

Но мне не страшен мрак ночной,
Не жаль скудеющего дня.

Лишь ты, волшебный призрак мой,
Лишь ты не покидай меня!
Крылом своим меня одень,
Волненье сердца утиши,
И благодатна будет тень
Для очарованной души ⁵¹.

Этот призрак, эта «тень Ангела, прошедшая с величием царицы» ⁵² — была великой женственной тенью:

Воздушный житель может быть,
Но с страстной женскою душой ⁵³.

Так связал поэт небо и землю — легко и безболезненно. Ибо дана была ему власть — вязать и решать, как Апостолу; и «на сем камени» воздвиглась церковь — необъятный храм. Он белеет перед Соловьевым во всю его долгую жизнь — и в тумане утреннем, и в холодный белый день ⁵⁴. А меньшая братия ждет на паперти, и только смутно и из далека доносится к ней пение, долетают струи фимиама (Минский) ⁵⁵.

«Женская душа» стихов Тютчева необычайно сильна, она ведет его неуклонно.

Вот она — страстно бьющаяся в прошедшем:

И ты с веселостью беспечной
Счастливым провожала день...
И сладко жизни быстротечной
Над нами пролетала тень ⁵⁶.

Вот она, утихшая, вся белая, в сонной дымке, в журчаньи воды:

Приутих наш круг веселый,
Женский говор, женский шум,
Подпирает локоть белый
Много милых сонных дум ⁵⁷.

Вот она, опять страстная, но уже всюду царящая — она объемлет и дэву и природу:

Что бледнее замирает
Пламя девственных ланит?
.....
Сквозь ресницы шелковые
Проступили две слезы...
Иль то капли дождевые
Зачинающей грозы? — ⁵⁸

И, наконец, вот она, незримая, но несомненная; ею проникнуто все стихотворение «Еще шумел веселый день». Оно кончается словами:

И мне казалось, что меня
Какой-то миротворный гений
Из пышно золотого дня
Увлék незримо в царство теней.

Неисправимый романтик еще не мог опрокинуться над бездной, которую видел и ведал. Вечно нежная гармония помешала ему лицезреть весь ужас тайны этой самой женственной души, ужас, который он все-таки смутно чувствовал:

Но есть сильнее очарованье:
Глаза потупленные ниц...

И сквозь опущенных ресниц
Угрюмый, тусклый огонь желанья...⁵⁹

Эта вторая бездна, которую так страшно и упоительно раскрывает В. Брюсов:

Мы шли, глядя друг другу в очи,
Встречая жданные мечты,
Мгновенья делались короче,
И было в мире — я и ты⁶⁰,

бездна, которую ныне уже нельзя миновать иначе, как перейдя через нее и которую перелетел на крыльях лебединых Соловьев⁶¹:

Власть ли роковая или немощь наша
В злую страсть одела светлую любовь, —
Б[удем] б[лагодарны], м[иновала] ч[аша],
С[трасть] п[ерегорела], м[ы] с[вободны] [вновь]⁶²

Эту то бездну отчаянья, самоубийства и высокого восторга, цветущего в горниле душевных старостей*, миновал светлый, невинный и чуждый греха Тютчев. Она мелькнула перед его великой душой и, не задев ее, отошла к будущим поколениям. Отравленную чашу пьют наши современники.

Вот далеко неполный, несовершенный очерк некоторых вдохновений Тютчева. Мы спешим бросить его, совершившего всё положенное ему «в земном пределе» и перейти к более близкому и более осязаемому величию.

Фет, как Тютчев, страстно грезил «небом Греции своей»⁶³, как Тютчев, постигал природу в полной отделенности. Довольно сравнить Тютчевское «Тихой ночью, поздним летом» и Фетовское «Прозвучало над ясной рекою», или «Зреет рожь над жаркой нивой». Кто из них более велик в этом — пускай решают другие. Но в том, другом, пророческом — Фет больше Тютчева. Ибо Фет ощутил и ясно воплотил то, что еще смутно грезилось Тютчеву. Громадный шаг отречения, на который не решился Тютчев, оставив себе теплый угол национальности или романтически спокойного и довольно низкого парения, — этот шаг сделал Фет. Он покинул «родимые пределы» и «покорный глаголам уст» божиих двинулся «в даль туманно-голубую» «от Харрана, где дожил до поздних седин и от Ура, где детские годы текли»⁶⁴. И шел, «как первый Иудей», и терял свою цель, и снова находил ее, как он, и молился чужим богам «с беспокойством старовеера»⁶⁵.

Когда мои мечты за гранью прошлых дней
Найдут тебя опять за дымкою туманной,
Я плачу сладостно, как первый Иудей
На рубеже земли обетованной⁶⁶.

Потому что не жалел детских игр и детских снов, так сладостно и больно возмущенных вечно-женственной Тенью⁶⁷.

Идея Вечной Женственности уже так громадна и так прочно философски установлена у Фета, что об ней нельзя говорить мало.

В критическом очерке, посвященном Полонскому, Вл. Соловьев говорит: «Все истинные поэты так или иначе знали и чувствовали «женственную тень», но немногие ясно говорят о ней; из наших яснее всех — Полонский»⁶⁸.

Из наших яснее всех конечно сам Соловьев (можем мы сказать теперь). — Но вопрос в том, не признак ли нашего настоящего в поэзии — особенно сильное и ясное чувство поэтами женственной тени.

И Фет, и Полонский — последний яркий представитель века, даже и

* Так в рукописи; очевидно, следует «страстей». — Вл. О.

темных его сторон (это говорит и Соловьев) — служат одним из доказательств этого. Соврем[енная] поэзия вообще ушла в мистику и одним из наиболее ярких мистических созвездий выкатилась на синие глубины неба поэзии — Вечная Женственность.

В четырех стихотворениях «К Офелии» Фет, явно сближая Шекспира с современностью (это уже не одна поэтическая, но и философская и культурная заслуга), воплощает свою женственную мечту в чужой образ и тем покоряет этот образ и своему гению⁶⁹. Этого не достигал Тютчев. Но этого мало.

Есть стихотворение Фета: «Чем тоске я не знаю помочь». Последние строки этого стихотворения, помимо их вполне совершенного элегического настроения, не смущенного ни одним чуждым звуком, явственно и ощутимо выдвигают из ужасной пропасти ту нетленную красоту в окружении веры, и веру в окружении красоты, которую тщетно пытались-бы поднять из темного лона иные:

Знать, в последний встречаю весну,
И тебя на земле уж не встречу.

Кто эта ты? Это — источник жизни поэта, Белая Церковь. В ней всё чисто от Астарты и Афродиты.

Все нити порваны, все отклики — молчанье⁷⁰.

«Остается одна суть: мужественная воля и влекущая сила женственности», как говорит сам Фет в своей философии «Фауста»⁷¹.

Всё здесь безбрежное
В явной поре.
Женственно-нежное
Вносит горé⁷².

Мы даже не задаемся целью описать всего Фета. Это значило бы — желать исчерпать неисчерпаемое. Только слабые отголоски гениальных вдохновений найдет читатель на этих страницах. Мы можем схватить одно излюбленное, давно грезящееся. К такому относится, среди другого, стихотворение «О не зови», содержащее в себе несметные откровения. Здесь — явственно и несомненно созерцание двух бэзdn:

С последним увлеченьем
Конец всему;
Но самый прах с любовью, с наслажденьем
Я обойму.

Здесь — провидение того, чему нет названья и нет меры. «Мысль изреченная есть ложь; взрываая, возмутишь ключи, питайся ими и молчи...» сказал бы Тютчев⁷³. Фет не молчит, — ибо не может молчать. Его ключи бьют поверх всего —

Из стужи мертвых грез
Проступают капли слез⁷⁴.

Эти слезы, которые застыли бы у другого поэта в пафосе, или в туманности, или испарились бы, обращаясь в ничто, — здесь так слышны и так вдохновенны, как, на самом деле, не могут быть. В этом вся тайна — поэт должен творить невозможное, — он нашел блаженства без меры и без названья, несмотря на то, что «рухнула с разбега колесница...»⁷⁵. Довольно одной «песни на удачу» — и в ответ прольются слезы всепознания.

Всё торжество гения, невмещенное Тютчевым, вместил Фет, сам не зная, что будет петь — но уже с песнью, зреющей на устах. Ему уже брезжат в голубой дали веселые лодки,

Свобода и море
Горят впереди...⁷⁶

Но в это море все-таки не удалось проникнуть ни ему, ни его великому духовному другу Соловьеву. Что связало их, что помешало им — не мы узнаем. А может быть они всё узнали, всё свершили и действительно замешались теперь в ту «мировую игру», которую «затеяли боги»⁷⁷, как некогда смертный Геракл был причислен к сонму бессмертных Олимпийцев. Ибо не даром же открывал Плотин пути к самопоглощению в боге — пути философии, музыки и любви. Громадность философии Соловьева и Фета — вне сомнений, их музыку слушаем мы на земле; а любви их нет границ. Эта любовь так таинственна, — что мы познаем ее лишь в личном творчестве, когда, в часы экстаза, начинают проходить перед нами дрожание, непостижимые, странные призраки — «холодные струи нездешних тайн»⁷⁸. И тогда, как старцы Фиванские, мудрые, но не знающие грядущего дня,

«Мы содрогаемся»*.

Полонский⁷⁹

<том> I

<Стр.> 16. «Тяжкое сомненье», мрачащее «святые помыслы души», пока звучит торжественно свящ[енный] благовест⁸⁰ — временно: «Силы последние мрак собирает — тщетны они» (Сергей Соловьев)⁸¹.

<Стр.> 38. (Рассказ волн). Не Афродита-ли мирская лежит убитая на морском песке в непробудном сне? Не торжество ли Небесной? Отчего-же ему грустно? Чьи мелькают паруса?⁸²

<Стр.> 41. Отчего пленителен беспорядок одежды и кос, а все-таки грустно <?>. Оттого что к земле тянет, мелькает иной мир суровой глубины⁸³ (сын бездонной глубины? Здесь уж у меня конечно — натяжка⁸⁴).

<Стр.> 183. Сам не знаю — за что я люблю тебя ночь⁸⁵.

<Стр.> 187. Одинокое сердце оглянется⁸⁶.

<Стр.> 276. Тень ангела прошла с величием царицы.

<Стр.> 309. К а з а ч к а.

<Стр.> 437. Слышу я — моей соседки.

<том> II

<Стр.> 19. Сквозь туман рыбакам померещимся*.

<Стр.> 201. ЦАРЬ ДЕВИЦА⁸⁸.

<Стр.> 245. Холодная любовь.

<Стр.> 257. Глаза и ум...

<Стр.> 299. Я умер и мой дух...

<Стр.> 373. Для сердца нежного...

<Стр.> 442. Юбилей Фета.

<том> III

<Стр.> 2. На пути.

<Стр. 33.> Вечерний звон (оба).

(<Стр.> 107. Голос из-за могилы).

*

<12> января 1902

Туман скрывает берег отдаленный.
Ладья бежит заметней и смелей.

* На этом очерк обрывается; очевидно, к неосуществленному продолжению его относятся следующие заметки Блока о стихах Полонского. — *Вл. О.*
Литературное Наследство

Кто на руле — прекрасный и влюбленный
Тебе поет и гладит шелк кудрей?

Смотрю я вдаль без воли и без плена,
Мой берег пуст, но ясно вижу я —
Поет и блещет розовая пена,
В лучах зари бегущая ладья.

И внятен крик тоскующий и страстный,
И даль нема и взор еще немей,
И на руле — влюбленный и прекрасный
Тебе поет и гладит шелк кудрей⁸⁰.

*

24 июля 1901 года. В Боблове поверье: «она» «мчится» по ржи⁸⁰.

*

7 февраля

<Черновик письма к Л. Д. Менделеевой>

1) Прежде всего, позвольте мне просить у Вас извинения за то, что было 29 января.

2) Я должен сказать Вам, что то, что недослушано Вами и недосказано мной, должно сохранить свою силу до времени; теперь же Вы, кажется мне, не хотите, а, м[ожет] б[ыть], и не можете этого выслушать. Говорю так потому, что другой выход всякий мне предвидится, как худший, «то, что было невозможно»...

3) Относительно факта моего бывания у Вас. Следует-ли его продолжать для Вас же?⁸¹

*

10 февраля

Перед окнами. Маскарад у Боткиных

Не поймут бескорбные люди
Этих масок и смехов в окне.
Ищу на распутьи безлюдей —
Веселий — не надо мне.
О, странно сладки напевы, —
Они, кажется, так ясны.
Но здесь уже бледные девы
Уготовали путь весны.
[А там, одна, одинокая, —
Она здешних не видит снов,
Но знаю — чует далекое
В глубине безвестных веков.]*
Они чувят, что мне неведомо,
Но поет, теперь, одна.
Я за нею — горящим следом
Всю ночь, всю ночь — у окна **⁸².

1902 год 18-е февраля

*

Помню я стихотворные вскрики молодой и несчастливой души. Не обратив на них внимания тогда (а они ведь были ко мне и ни к кому более), теперь задумываюсь над ними: и, кажется, завеса открывается с од-

* Прямые скобки принадлежат Блоку. — Вл. О.

** Записи от 7 и 10 февраля — на листочках, вырванных из записной книжки и подклеенных в тетради дневника. — Вл. О.

РИСУНОК АЛЕКСАНДРА БЛОКА:
ДОМ В ШАХМАТОВЕ. 1900 г.
Собрание М. А. Бекетовой,
Ленинград

ного края — и вижу я Судьбу с ее долгой, тягучей, неизбежной надписью: «всему свой черед». (Так и Экклезиаст говорил). Было время, когда мои пошлости приглашали девиц к невоздержности, — и это их и не губило, но оставляло неизбежно след (не грязноватый-ли?). Я-же выходил сух из воды. И вот «по великим железным законам» случилась моя «гносеологическая» встреча, с которой равно неизбежно пришел я к нынешнему. И этих чар порой бывает страшно — и сладостно в их глубине.

*

День уныло догорает

Кто — прохожий — наполняет
Сердце смутною мечтой?

Кто сердечные скрижали
Полонит мечтой любви?

*

Уже бесстрашный и свободный
Стою у вековых врат.
Здесь — по равнине многоводной
Скользит испытанный мой взгляд⁹³.

*

9 марта 1902 года

В экстазе — конец.

Реши обдуманно заранее, что тебе нужно умереть. Приготовь револьвер или веревку (!?). Назначь день. В промежутке до самоубийства то мирись, то ссорься, старайся развлекаться, и среди развлечений вдруг пусть тебя хватает за сердце неотступная и данная перед крестом, а еще лучше — перед любимой женщиной, клятва в том, что в определенный день ты

убьешься. Выкидывай штуки, говори странные вещи, главное — любимой женщине, чтобы она что-то подозревала и чем то интересовалась. В день назначенный, когда ты знаешь, что можешь без препятствий ее встретить и говорить — из за экстаза начнет у тебя кровь биться в жилах. Тогда — делай, что тебе нужно, или делай, или говори. Мы не помешаем тебе, и будем наблюдать за тобой. Если ошибешься, нам будет очень смешно, ты-же будешь очень жалок. Потому — лучше сразу, а на предисловия не очень надейся. Конечно, если можешь с предисловием — то только выиграешь (плюсик) *.

Всё это сделаешь ты, если хочешь 1) скорее, 2) здесь — испытать нечто 1) новое, 2) крупное, т. е. — если нет терпения и нет веры в другое.

*

<22 марта>

Завтра 23 марта будет спектакль учениц второго курса М. М. Читау⁹⁴.

Возвратимся от Критского Зевса, Цицероновых талантливых, но уже замирающих возгласов, от мелких греческих усобиц, которые уже совсем отошли в вечность, — к чистому, юному, только еще расцветающему цветку настоящего — не того, о кот[ором] пишут (или запрещают писать) в газетах, а «настоящего» — лирико-философского настоящего.

Наступает весна, как и вечно, — с бодрящими струями в воздухе, с неизреченными вечерними зорями, с бесконечными воспоминаниями.

Все ли здесь воспоминания? Когда —

Предо мной любимые книги,
Мне поет любимый размер⁹⁵,

я стараюсь схватить и вспомнить всё — и не одной памятью головной, а и сердцем и волей. И всё чего то не хватает. В этом то чего еще нет — кажется вся разгадка — «ключ суровых тайн». В сам[ом] деле — разве были бы так суровы некоторые обстоятельства — это вечное напряженное, до утомления физического — искание, вглядывание в даль, — еслибы всё отпиралось общим великим ключом. И это — нужно вспомнить, потому что не додумаешься простой логикой. И вот снова выступает на сцену мистика...

Снова и снова иду я с тоскою влюбленной,
Жадно впиваться в твою бесконечность очами...⁹⁶

Хочется битвы — и после — смерти или великой тишины. Скоро-ли начнется наша битва?

Завтра — спектакль. И «фрак любви» пригодится, ибо — земля, земля... И я ужасно на земле — и хочу земной битвы, потому что знаю, что

Будет день иных сражений,
Иных торжеств и похорон⁹⁷.

*

22 марта

Земля обладала некогда Существом близким к всепознанию. Она произвела его в те страстные часы, когда и боги не помышляют о плоде. Так Кронос породил Зевса — и Зевс свергнул его. Сатурн породил Юпитера — и Юпитер сверг его. Но, породив, Земля несказанно вздрогнула, ибо почуяла близкую гибель. И тогда она овевяла свое произведение неким дуновением бога греха. И такое подобие этого бога запечатлелось на лице Новорожденного, что — остальные собранные боги, взглянув на Него, впали в соблазн и сказали: «Твое дитя, Земля, еще юно, а уже возлежало с богом греха». — И все боги отступили от него и отвернулись. Так обманула Земля богов.

* Слово плюсик вписано позже. — Вл. О.

А Юное Существо раскрылось в цвете странной и страшной пышности, ибо веяло от него несказанной святостью, но лик его отражал мировое зло. И так боролись в нем улыбка бога и улыбка Дявола. А Земля, вся в трепете, лелеяла детище, и втайне ждала победы от Дявола — и желала ее. И Дявол льнул к раскрывающемуся цвету, а обманутые боги не хотели смотреть на него.

*

22 марта

Когда человек примется писать что бы то ни было — письмо или статью какого угодно содержания — ему ничего не стоит впасть в догматизм. Догматизм есть принадлежность всех великих людей, но это другой догматизм — высший, а нам — меньшим — следует от нашего догматизма избавиться. И вот что могу сказать по эт[ому] поводу:

Догматизм, как утверждение некоторых истин, всегда потребен в виде основания (ибо надо же исходить из какого-нибудь основания). Но не лучше ли «без догмата» опираться на бездну — ответственность больше, зато — вернее. Представьте: есть двое молодых влюбленных. Один думает так, другая — иначе, и не только думает, а и чувствует — и делает. Но оба любят — а можно-ли, любя, стоять на своем, не верить в то, во что верит любимая или любимый. Тут-то представляется повидимому два исхода: или — «броситься в море любви», значит — поверить сердцем и исповедывать то-же, что тот, кого любишь — или твердо стоять на своем и ждать, пока тот, кого любишь, «прозреет» и уверует сам в то, во что ты так твердо веришь. Тот и другой выход странен, сказал бы я (деликатно). Ибо, с одной стороны нельзя всю жизнь быть в таком очумелом состоянии, чтобы не иметь ничего от себя, а всё от другого; а с другой — нельзя «чертовски разумно» стоять на своем, стучать лбом в стену и ждать у моря погоды. Где-же выход?

Выход — в бездне. (И все выходы в ней). Не утверждай, не отрицай. Верь и не верь. Остальное — приложится тебе. А догматизм оставь, потому что ты — маленький человек — «инфузория», «догадавшаяся о беспредельности».

*

26 марта

26 марта я познакомился с Мережковскими⁹⁸. Зинаида Николаевна дала мне философию Бугаева⁹⁹. Вот отрывки <и критика (?)>:

Уже года два я испытывал ни с чем несравнимое чувство... Я ждал, кто заговорит... И вот началось. Раздались трубные призывы... Вл. Соловьев прочел лекцию «О конце всемирной истории». Д. С. Мережковский упомянул о «проснувшихся слишком рано» (Толстой и Достоевский, т. I).

И природа и люди как бы не те, что прежде. «Конец мира близится». «Стучит у дверей». Так ли? Или это только кажется?

Так или иначе, но руки отваливаются от всякого дела. Всё поздно. Ждепшь...

Можно ли верить милой, но бредной сказке? Но тоска растет, переходит в священный ужас. И невольно веришь, что если сроки не сократятся, то никто не спасется....

Мы молчим, но события не минуют нас. «Или мы или никто» (слова Мережковского), быть может мы только предтечи «запечатленных», при которых «оно» совершится. Так или иначе, но мы — участники (хоть бы и косвенные) совершающейся мистерии.

...Что касается «знания», то на мой взгляд, м[ожет] б[ыть] и вполне ошибочный, г. Мережковский или ничего не знает или же знает слишком много, не * недоговаривает... Да и для чего будить, если еще рано [потому] ч[то], ведь — «горе проснувшимся слишком рано».

* Здесь у Блока, очевидно, описка — нужно «но». — Вл. О.

В моем письме нет ничего кроме мучительной просьбы быть откровеннее, подать «явный знак», или совсем не упоминать о «скрываемом», если «оно» существует.

Моя критика: нет ли здесь у Бугаева некот[орого] сомнения в существовании «его»? Если есть — ужасно, ибо ведь выйдет уже не «поверженный», а «отрицаемый» бог!? «Томление духа» есть бездна смерти и явится здесь, если еще не явилось, как опрокинутое «веселие духа».

Каждое явление имеет четыре круга понимания, входящих друг в друга, четыре стадии.

1) Явление, как таковое, т. е. научное его толкование, где прослеживается механическая причинность, породившая во времени данное явление. Отсюда — важность исторического понимания.

2) Явление, как аллегория чего то, лежащего вне исторического процесса, метафизическое понимание явления, т. е. посредственное знание исторического, как проявления сверх-исторического.

3) Явление, как символ вневременного, как соединения временного и вневременного, соединение еще происходящее, но не произошедшее до конца. Здесь мы имеем непосредственное «знание» явлений, переходим от исторического к сверх-историческому, освобождаясь окончательно от внешних историч[еских] оболочек.

4) Явление, как уже совершившийся синтез, соединение «до конца». Здесь мы низводим сверх-историческую сущность после освобождения ее от внешних механических аллегорич[еских] оболочек в историю, возвращаемся обратно к пониманию причинности, но уже не механической, но внутренней. Здесь мы свободно читаем в истории ее душу, здесь мы понимаем в каждой вещи ее сущность («вещь саму по себе»).

С т[очки] зр[ения] понимания в явлениях воплощения Вечного стадии научного, метафизического и символического понимания являются чем то предшествующим, посредственным. Религиозная т[очка] зр[ения] начинается с символизма и кончается воплощением этого символизма в историю. Вот почему историческое христианство важнее символического, которое явл[яется] посредством «вечным» звеном между наукой, философией и историч[еским] христианством. Это — мост, средство, но не цель, не пристань. Кроме того: в символич[еском] христ[ианстве] мы подвергаемся риску открыть доступ многим языческим символам благодаря некот[орой] близости их с христианскими символами...

...Историч[еское] христ[ианство], а не символическое, должно быть нашей путеводной звездой; совершившееся воплощение нам важнее совершающегося.

.....
Нельзя соединить бездну верхнюю с бездной нижней... Мы не знаем, как соединить...

«И да и нет сольются» (З. Гипп[иус])...¹⁰⁰. Сольются ли?

«← 2» + «+ 2» = 0»...

Далее идет несколько схоластическое и туманное математическое рассуждение.

Я понимаю святой хаос и горящий светоч под ним... Есть «святой хаос»... Но после грехопад[ения] людям засветил еще огонек над этим хаосом. Огонек «Денницы». Итого — два огонька — раздвоение нижней бездны. Вот где срыв для всех, кто захочет смотреть в «нижнюю бездну». Христос недаром занавесил нижние бездны, упразднив Ветхий Завет и оставив лишь путь к «бездне верхней» — к соединению в св[ятом] духе (грядущее третье царство). Рассудок, пройдя ступени ума, разума, мудрости, а физиологич[еское] ощущение — ступени чувства, настроения, вдохновения соединятся в Высшую Мудрость, в «Эпи

ческий» экстаз, соединятся в св[ятом] духе при условии занавешенности до времени нижней бездны. «До времени», потому что всё откроется в св[ятом] духе, откроется и «путь к отцу» сам собою, естественно, без напрасных исканий и тщетных потуг. Св[ятой] дух, от отца исходящий, спустится в виде Голубя освятить нас, и мы в свою очередь, преобразившись, воскреснем и вознесемся к отцу (небо спускается, а земля растет в небо. Соединение того и другого — в третьем царстве). Соединение необходимо, но не бездн, а рассудка и чувства — в Божественную Волю для облегчения пути к верхней бездне при одном условии: не оглядываться на нижнюю бездну, чтоб не уподобиться жене Лота. Когда же будет достигнута верхняя бездна, сами бездны соединятся*. Тут тайна. Смеем ли мы прикоснуться к ней?

Истинный аскетизм легок, весел, благ, победителен. Ист[инный] аскетизм — это своего рода духовное эпикурейство. Разве в наши дни мы не имеем истинных, веселых аскетов (старец Амвросий, старец Серафим)...

А что, если христ[ианский] аскетизм — плотина, о кот[орую] долж[ны] разбиться волны оргазма? Прилив этих волн повысит тогда уровень оргазма до самого неба, где сдержанный оргазм переродится в нечто иное, более тонкое, что с своей высоты видит и нижнюю бездну, но бездну отца, а не Денницы.

Повторяю: важна энергия, а не форма ее (тепловая, световая, электрическая)... Иным аскетизм вреден, другим полезен..... Любовь (всякая) не исчезает в аскетизме. Она превращается, разливается до самого неба, горит вечерним закатом и звездным светом. Не переносится ли при помощи аскетизма вопрос о поле в самое небо, где этот вопрос уже является в ином свете? Не про[ясня]ется ли разгадка поля в смерти?.. Любовь и смерть...

Нам не страшна смерть... Всё одно: земное и надземное... Все вопросы одним своим концом здесь, а другим там... В перенесении многих вопросов за пределы смерти сказывается отнюдь не пессимизм, но легкое веселье.

Всё что угодно, только не постное лицо и не разодранные ризы явл[яются] спутниками христианского аскетизма...

«Безмирность» любви, аскетизм любви, любви Иоанновой (I-ое послание св. Иоанна) белой, не явл[яется] ли высшей формой всякой любви (социальной, личной, половой и т. д.)?

Всё письмо Бугаева кончается 10-тью положениями, «с которыми приходится считаться всякому, прикоснувшемуся к главному». Вот некоторые из них:

- 4) Священная тоска становится нестерпимой.
- 5) В этом скоплении ужаса узнаешь приближение Антихриста.
- 6) В воздухе носится «вечная женственность» (жена, облеченная в солнце, долженств[ующая] родить младенца мужского пола, которому надлежит пасти народы жезлом железным).
- 7) Но и великая блудница не дремлет.
- 8) Христианство из розового должно стать белым, Иоанновым («убелили седины кровью Агнца», «белый всадник», белые одежды, белый камень, белый престол, белоснежные серафимы, матушка ты наша белая — см. записки Серафимо-Дивеевской обители). Белый цвет — соединение семи церквей, семи принципов, семи рек, текущих из рая в поток, скачущий в жизнь бесконечную, семи светильников; соед[инение] семи чувств (осознания, обоняния, вкуса, слуха, зрения, ясно-видения — шестое открывающееся чувство, интуиции). Соед[инение] голосов семи громов, снятие семи печатей; это — наше христианство.

10) Нужно готовиться к неожиданному, чтобы «оно» не застало врасплох, п[отому] ч[то] близка буря и волны бушуют, и что-то смутное подымается из вод.

Подписано: Студент естественник.

* Подчеркнуто Блоком.— Вл. О.

*

2 апреля 1902. Спб.

М-ме Мережковская дала мне еще Бугаевские письма. Следует впоследствии обратить на них внимание больше — на громаду и хаос, юность и старость, свет и мрак их. А не будет ли знаменьем некое «конца», если начну переписку с Бугаевым? Об этом нужно подумать¹⁰¹.

А пока еще раз ИЗУЧИТЬ длинное письмо Бугаева о синтезе цветов, любви, рассудка, чувств. Он, испытывая в высших напряжениях (одни из высших), постигает очевидно многое, но так хаотично, ибо громадно. Сила его прозрений может разрешиться в некоторое величие успокоения «вблизи от милой стороны». «Колокола»-же его уже теперь перезванивают «лиру»¹⁰² — знак-ли это? Сегодня я буду у Мережковских.

*

2 апреля

Во 2-ой главе Ев[ангелия] от Иоанна описано первое чудо и первое «снадание ревностью по дому» отца. Значит не было еще всей мудрости у Христа? Что же умудрило его? Или жизнь? (1).

А вот из 3-ей главы: Иоанн Креститель сказал своим ученикам: «Имеющий невесту есть жених; а друг жениха, стоящий и внимающий ему, радостью радуется, слыша голос жениха. Сия-то радость моя исполнилась. Ему должно расти, а мне умяться. Приходящий свыше и есть выше всех; а сущий от земли земный и есть и говорит, как сущий от земли; приходящий с небес есть выше всех» (29, 30, 31)... «Ибо не мерою даст бог духа» (34)... «Должно вам родиться свыше (7); если кто не родится от воды и духа, не может войти в царствие божие» (5), сказал Иисус.

А еще сказал Иоанн: «Не может человек ничего принимать на себя, если не будет дано ему с неба» (27).

Да неужели же и я подхожу к отрицанию чистоты искусства, к неумолимому его переходу в религию. Эту склонность ощущал я (только не мог формулировать, а Брюсов, Д. Мережк[овский] и З. Гипп[иус] вскрыли) давно (см. критика на декад[ентство])¹⁰³. Excelsior! (словце Мережковского). Дай бог вместить всё, ведь и Полонский, чистый «творец», говорил:

Как ни громко пой ты — лиру
Колокола перезвонят.

Прочешь Мережк[овского] о Толстом и Достоевском. Очень мне было важно. Чтож, расплывусь в божестве, разольюсь в мире и буду во всем тревожить Ее сны. «Всё познать и стать выше всего» (формула Мих[аила] Крамера)¹⁰⁴ — великая надежда, «данная бедным в дар и слабым без труда».

*

13 апреля. Накануне пасхи 1902

Завтра в сумерки встретимся мы.
Ты протянешь приветливо руки.
Но на памяти — с прежней зимы
Непонятно тоскливые звуки.

Ты, я знаю, запомнила дни
Заблуждений моих и тревог.
И когда мы с тобою одни
И безмолвен соседний порог,

Начинают незримо летать
 Одинокие искры твои,
 Начинаю тебя узнавать
 Под напевами близкой любви,

И на миг ты по прежнему — ты,
 Легкой дрожью даешь вспоминать,
 О блаженстве протекшей зимы,
 Отдаленной, но верной мечты,

Под напевом мороза и тьмы
 Начинаешь дрожать и роптать
 И, как прежде, мгновенную речь
 Я стараюсь во тьме подстеречь...¹⁰⁵

*

См. стихи:

1. Не призывай. И без призыва
2. Я умирал
3. Лениво и тяжело
4. Не призывай и не сули
5. Новый блеск
6. Последний пурпур
7. Аурафа дбурата *
8. Я знаю — смерть близка
9. Я возвращусь стопой
10. В полночь глухую рожд[енная]
11. Я вышел. Медленно
12. Тихо вечерние тени
13. Ты отходишь в сумрак
14. Всё бытие
15. За туманом, за лесами
16. Приобщенный к жизни <Внемля зову
жизни смутной>
17. Входите все
18. Ты прошла голубыми
19. Наступает пора
20. Ищу спасенья
21. Поле за Петерб[ургом]
22. Я жду призыва
23. Медленно, тяжело
24. Медленно в двери
25. Хранила я
26. Кругом далекая равнина
27. Предчувствую тебя
28. Твой образ чудится неволью
29. Ранний час
30. Не пой ты мне
31. Я понял смысл твоих стремл[ений]
32. Ветер принес
33. Сумерки, сумерки
34. Она росла
35. Одинокий, к тебе прихожу
36. Вчера я слышал
37. Уж легкие неведомые

* Неписанные догматы.

38. Синие горы вдали
 39. Смотри — я отступаю в тень
 40. Скрипнула дверь
 41. Вечереющий сумрак, поверь
 42. Лежат холодные туманы
 43. Бегут неверные дневные тени
 44. Там, в полусумраке собора

До 7—8 ноября 1902 г.! *¹⁰⁶

*

2010

Firenze. Galleria Uffizi.
 Vergine Adolorata.
 G. Salve detto il Sassoferrato.
 (Riproduzione Interdetta)¹⁰⁷.

*

13 мая

Мы встречались с тобой на закате,—
 Ты веслом рассекала залив.
 Я любил твоё белое платье,
 Утонченность мечты разлюбив.

Были странны безмолвные встречи.
 Вечеру на песчаной косе
 Загорались какие-то свечи,
 Кто то думал о <мертвой> красе.

Приближений, сближений, сгораний
 Не приемлет лазурная тишь.
 Мы встречались в вечернем тумане
 Где у берега рябь и камыш.

Ни мечты, ни любви, ни обиды—
 Всё померкло, прошло, отошло:
 Белый стан, голоса панихиды
 И твоё ** весло¹⁰⁸

*

22 мая

Были утренние сумерки
 Сегодня в ночь — железной полосой
 Уходишь ты...
 Был вечер безначально ясный¹⁰⁹

На голос твой стихи мои слагались

*

Промыслитель Прометей был титан, сын Иапета и Климены (или Фемиды?) — брат Атланта, Менетия, Эпиметей.

Зам[ечательна?] философская сторона мифологии (как и фактическая) у Любкера¹¹⁰, превосходна.

На двух фронтонах Казанского собора над группами эллинского типа написано: «Достойно есть яко во истину блажити тя, богородицу, приснобла-

* Эта строка приписана Блоком позже.— Вл. О.

** Пробел в рукописи.— Вл. О.

женную и пренепорочную и мать бога нашего». А на среднем: «Благословен грядый во имя господне».

*

2 июня

Ἦος — λάθος* — черная глыба — γῆ**.

Ἦεν ἐν κυκλῶ — πᾶν ἔστι***.

Lux ex tenebris**** — только и возможен:

все элементы — свет и мрак.

Отсюда: свет только из мрака.

Из мира — безмирное.

» тьмы » свет¹¹¹.

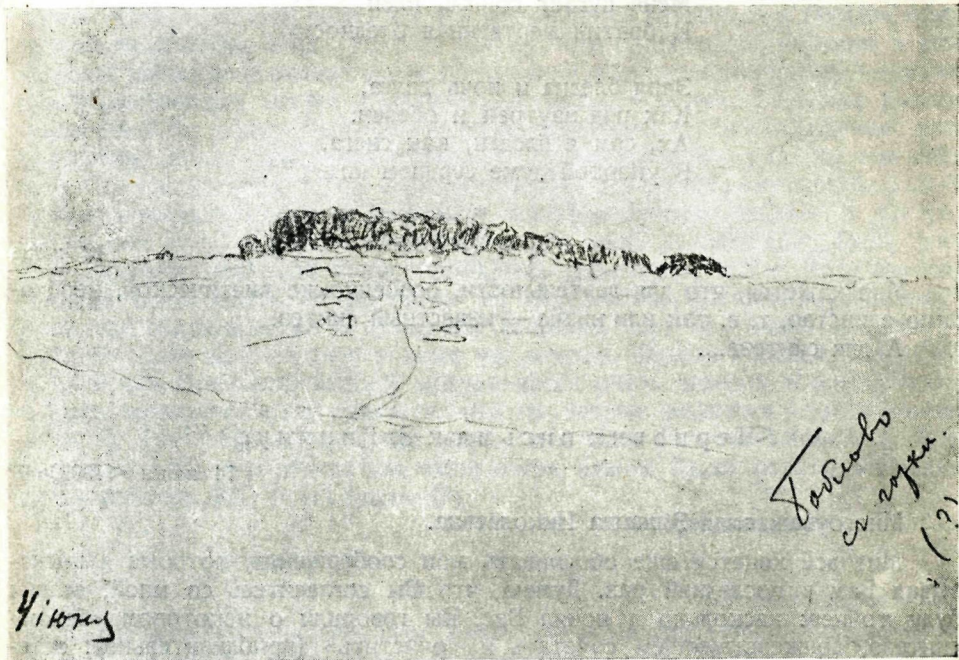

РИСУНОК АЛЕКСАНДРА БЛОКА: «БОБЛОВО С ГОРКИ», 1899 г.

Собрание М. А. Бекетовой, Ленинград

NB Мышление антитезами часто неудовлетворительно, пропадает очень много тонкостей (Лапшин)¹¹². Научно — правильно; мистически — менее. Имеет raison d'être.

Тьма — безначальный хаос «оформленный».

Свет — безнач[альный] хаос «очищенный».

*

11 июня

Брожу в стенах монастыря,
Безрадостный, угрюмый инок.

Что вечер — пасмурней заря,

Слежу мелькания снежинок.

* Жизнь — судьба.

** Земля.

*** Единство в круговом обращении есть вселенная.

**** Свет из тьмы.

Ах, ночь длинна, заря бледна
 На нашем севере утрюмом.
 У занесенного окна
 Упорным предаюся думам.

Кругом всё снег --- еще белей,
 Нетронутый, как риза Девы.
 За службой — желтый воск свечей,
 И в церкви мирные напевы.

Мне странен холод здешних стен,
 И непонятна жизни бедность.
 Меня пугает сонный плен
 И братий мертвенная бледность.

Заря бледна и ночь долга,
 Как ряд заутрен и обеден.
 Ах, сам я бледен, как снега,
 В упорной думе сердцем бедеч¹¹³.

*

12 июня

Мне кажется, что для деятельности, особенно-же мистической, необходимо единство, т. е. так или иначе — известный синтез.

А для синтеза....

*

<Черновик письма к З. Гиппиус>¹¹⁴

14 июня <1902>¹¹⁵

Многоуважаемая Зинаида Николаевна.

Мне всё хочется еще обосновать мои соображения, которые я высказывал Вам в последний раз. Думаю, что Вы согласитесь со мной, если я буду точнее: насколько я понял Вас, Вы говорили о некотором «белом» синтезе, долженствующем сочетать и «очистить» (приблизительно): эстетику и этику, эрос и «влюбленность», язычество и «старое» христианство (и дальше — по тому же пути). Спорил же я с Вами только относительно возможной «реальности» этого сочетания, потому что мне кажется, что оно не только и до сих пор составляет «чистую возможность», но и конечные пути к нему еще вполне скрыты от нашей «логики» (в том широком смысле, в каком мы в последний раз употребляли это слово, т. е. будь то логика плоти или логика духа). Вы, если я понял до конца, считаете эти пути доступными нашему логическому сознанию даже настолько, что мы можем двигаться по ним не нарушая и (более того) поддерживая связь с жизнью, не отталкивая преднамеренно «шумы» жизни, дабы они не заглушали Великого шороха. Мне иногда кажется, что рядом с этим более «реальным» синтезом, но еще дальше и еще желаннее его, существует и уже теперь дает о себе знать во внутреннем откровении (подобном приблизительно Платиновскому и Соловьевскому) *, но отнюдь не логически, иной — и уже окончательный «апокалипсический» — синтез, именно тот, о котором сказано: «И ничего уже не будет проклятого». «И дух и невеста говорят:

* В этом месте Блок приписал: «вставл[ены] стихи — всё видел я и все одно лишь было»¹¹⁶.

прииди». «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, Первый и Последний»¹¹⁷. Кажется же мне это не на одном основании «беспредметности» (которая, впрочем, играет здесь некоторую роль), а также и на следующих основаниях: во первых—к тому единству мы можем деятельно стремиться, это-же явится «помимо» воли. «И внезапно внидет в дом свой господь», а нам возможно только «учувать ветр с цветущих берегов»¹¹⁸. Истинный «конец» ведь и помыслить трудно. А во вторых (и главное) всякий, сколько ни будь реальный синтез есть «человеческий» угол зрения. Мы видим только образ грядущего, как видим только образ божий, а не самого бога; а потому—не заключены ли мы по самой природе своей в рамки одного ожидания и относительного (по отношению к последнему) бездействия? Ответ Ваш на последний пункт был бы для меня ощутительно важен даже по практическим причинам (ведь этот вопрос граничит уже с образом жизни). Сам я всё еще редко и с трудом решаюсь пускаться в твердое обособование всей «сути века», главное потому, что органически не имею в себе большой части необходимого для построений матерьяла, например—сознания общественных связей и древне-христианской этики. Еще мне ужасно важно было бы узнать Ваше разрешение некоторой частности, именно: если в понятии Эроса совсем отсутствовала «влюбленность», как Вы говорили (т. е.—«тоскованье», мечта о невозможном, дон-Кихот, «рыцарь бедный»), то как понимать Орфея и Евридику, «платоновскую» любовь и Сапфо? <Если они могут служить возражением, то лишь условным?> Ваша формула открыла для меня такие громадные горизонты, что у меня явилась большая потребность ее проверки на частностях, которые очень могут оказаться исключениями с известной стороны, чего мне очень хочется.—Извините меня за этот ряд, и даже уж наконец филологических, вопросов; очень боюсь Вам наскучить. Я живу в месте очень зеленом и очень тихом и опять начинает чаще казаться, что на высоте решается «таинственное дело»¹¹⁹. Тут и покоится ноша мира сего. Если Вы мне напишите, буду Вам благодарен, потому что для меня очень важны Ваши ответы. Решаюсь также просить Вас и о стихах (?).

Преданный Вам

*

26 июня, перед ночью

Сегодня почти весь день сеет дождь. Ночь ужасно темная. Еще вечером, за чаем толкнул меня ужас—вспомнилось одно Бобловское поверье (миф, см. ниже)*.

Диде очень дурно¹²⁰. Мне чудится его скорый конец, сегодня—особенно.

Шорох дождя не всегда обыкновенен. Странно пищало под полом. Собака беспокоится. Что то есть, что то есть. В зеркале однако еще ничего не видно, но кто то ходил по дому.

Вот одно из сказаний.

В Иванов день (24) я ходил с Анной Ивановной¹²¹ вдвоем мимо «театра» к березовой аллее. Она рассказала мне: недавно(?) был в Боблове неурожай. Мужики нуждались в деньгах. Она задала им какую-то, в сущности ненужную, работу (земляную) и указала бугорок, который много лет был уже среди парка. Крестьяне на незначительной глубине (?) нашли под бугорком скелет и непременно потребовали.....**. Она согласилась. Спрашивали Смирнова¹²², не древность-ли это? (недавно около Боблова и еще в друг[ом] месте—к Дмитрову, найдены древние городища; одно из

* В скобках—позднейшая приписка.—Вл. О.

** Многоотчие в рукописи. Первоначально было: «и спросили, что делать».—Вл. О.

них разрыто и найдены — черепки, стрела, два скелета, у одного на руке кольцо — железное или чугунное). Смирнов не подтвердил этих археологических догадок. В прошлом году у Надежды Яковлевны¹²³ зашел разговор об этом при Фоме (?) — хозяйине ее (в Семичеве). Фома положительно утверждает, что скелет принадлежит человеку, убитому здесь бывшим управляющим. Церкви и кладбища на этом месте не запомнят. Тело было зарыто не так, как хоронят покойников — с руками на груди, — а с руками в утыми руками. И так, значит, в нескольких шагах от трупа жили и не знали об этом. Так она кончила свой рассказ. Она и сама боится.

В зеленый пруд парка, говорят, брошено мертвое тело.

Но — ужаснее и «глубиннее» всего поверье о том, что «она» «мчится» по ржи¹²⁴. Как оно попало в народ? Кто занес эту страшную легенду? С нами крестная сила.

*

Собирая «мифологические» матерьялы, давно уже хочу я положить основание мистической философии моего духа. Установившимся на и более ее началом смело могу назвать только одно: женственное.

Обоснование женств[енного] начала в философии, теологии, изящной литературе, религиях.

Как оно отразилось в моем духе.

Внешние его формы (антитеза).

Я, как мужской коррелят «моего» женственного. «Эгоистическое» исследование.

Миф есть в сущности своей мечта о странном — мечта вселенская и мечта личная, так ск[азать] — менее и более субъективная (но никогда не объективная, ибо никакая «мечта» не мож[ет] б[ыть] объективной. Она только больше и меньше объективизируется, — путем кристаллизации своего содержания во вселенной, его очистки от туманностей одинокого духа. Притом — вопрос еще, что выше — объективированная или еще первобытно-туманная мечта, мечта как таковая). Так[им] обр[азом], миф проходит стадии: эстетика (одинокое страдание, индивидуальное, *αἰτία* *), этика (сострадание, вселенское «ничто», *διπλάδι* **). Далее последний и высший синтез миф[ологии] эст[етической] и миф[ологии] эт[ической], — претворяет мифологию в религию: последняя кристаллизация — *καθαρόν*, — очищение (объект восприятия уже для *pater ecstasticus* — «новое» христианство, тогда как эстетика — *pater profundus* — поэты — любодей — Изида — язычество, а этика — *pater seraphicus*, средняя область — «старое» христианство)¹²⁵. Посл[еднее] относ[ительно] эст[етики] и этики верно только исторически (как последовательность). Ибо одна не уступает другой и не превышает ее (?).

Мифы — цветы земные. Они благоуханны только до предела религии. Выше — мифу нет места.

Всё великое, земное
Разлетается как дым¹²⁶.

Высшая область слила и претворила (а для каждого — разное сливает и претворяет) в религиозном созерцании те две области, о которых трактует мифология — эстетику (высшая ее сфера, т. н. «религиозное искусство» отнюдь еще не религия, и мифология, хоть и высокая) и этику (благодаря этой сущности второй области, историческое христианство, когда про-

* Сострадание.

** Бесстрастие.

шло время гонений и прочих «раздражающих» и раздувающих пламя факторов, так и не допрыгнуло до религии. Оно осталось еще мифологией; здесь есть уже намеки на Лицо Логоса, но еще по земному — туманное, не по небесному — ясное).

Это всё — отрицательное в мифологии, ее небытие.

Положительное в ней: она повествует о тайном сочетании здешнего и нездешнего, земного и небесного; она — «отрезок радуги» (письмо Вл. Соловьева к Фету)¹²⁷. Через нее очищается здешнее (религиозное искусство, одухотворенное добро — ст[арец] Зосима на земле). Иное через нее сходит сюда (Апокалипсис). Таким образом определение мифологии будет двойственно. Она еще двулика, как Астарта (это неминуемо: Астарта — у[г] *); она — вечный полет и вечное воплощение.

Мифология в узком смысле есть средина (aurea!) между землей (эст[етика] и эт[ика]) и небом (религия), — т. к., отделившись от земли (красоты и добра) нет возможности миновать порог истины; этот порог и есть мифология. На нем кладутся последние поклоны, совершаются омовения; пилигримы осеняются крестным знаменем и оглядываются в последний раз: видят мутносиний туман своей влажной матери. Но она уже не имеет над ними власти, ибо: «Оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей; и будут два в плоть ** едины». Перед нами Невеста — будущая Жена — дверь блаженства. Тайна сия велика есть. «И Дух (очищение лица) и Невеста (очищение вселенной) говорят: прииди».

В основном существе своем эстетика и этика не различаются; первое — искусство красоты, второе — искусство добра. Искусство же есть подражание великому; в нем земля подражает небу (оттого-то два указанные дела и суть наилучшие на земле). Но Красота и Добро еще неумело («мифологически», следуя нашей терминологии) подражают Истине¹²⁸.

Оба основные цикла мифов (мифы о красоте и мифы о добре) говорят о земном небожительстве. Тут-то и есть главное отлич[ие] миф[ологии] от религии; последняя трактует о б[ожественном]:

И будет час иных явлений,
Иных торжеств и похорон ***.

Что-же собственно есть «земное небожество», о котором говорит мифология? Это, очевидно:

- 1) нечто двойственное (что заключ[ается] в сам[ом] понятии: 1) земного 2) небож[ительства]), а потому
- 2) если приближается к «нечто», то
- 3) неминуемо должно приблизит[ься] к основному противоположению или противному кореллату этого «нечто».

Присматриваясь к земной природе (в обшир[ом] смысле), всю ее разделим на основании одного проникающего ее начала: это — фаллистическое начало пола ****. Вместе с тем это начало удовлетворяет основному признаку в нашем определении мифологии — двойственности (пол женский и мужской). Так[им] обр[азом], на наш вопрос о том, что так[ое] «земное небожество», мы получим ответ: земн[ое] небожество выражается в понятии пола; это и есть опрокинутое небо, небо исковерканное, обезображенное. Земля в образе вселенской проститутки хохочет над легковер-

* Земля.

** Плоть — символ воскресенного духа (новая плоть). (Примечание Блока. — Вл. О.)

*** Там же, — лиру перезвон[ят] колокола¹²⁹. (Примечание Блока. — Вл. О.)

**** «Земля» без фаллизма желательна не более, чем животное без половых органов. В обоих случаях будет аномалия. Лучше прямо взглянуть в глаза фаллизму, чем закрывать глаза на извращение. (Примечание Блока. — Вл. О.)

ным «язычеством» (восточным!), курящим ей фимиамы. Но та-же земля бледнеет и прячет раскрашенное лицо перед надвигающимся (с Востока-же!) Великим и «Несмутимым». Последний «процесс» весьма не чужд нашему времени, а это и обуславливает право на существование настоящих слов. Кажется, здесь есть кое-какие разъяснения.

Из всего вышесказанного ясно вытекает, что действительный (небесный), а не лживый (мифологический) свет может воссиять только из тьмы. Истина возникает не из ничего, а как синтез добра и красоты (см. выше). Так[им] образом полное освобождение от земной юдоли происходит лишь путем полного *πάθος* * в земной оболочке (тема Достоевского, проникающая всё его мировоззрение).

Свет из тьмы. Над черной глыбой
и т. д.

(Вл. Соловьев) ¹³⁰

[Иное дело — временное, минутное постижение тайны, этот ранний, нераскрывшийся «цвет завета» ¹³¹, без которого «мы» не могли бы существовать. Такое испытание «мига» доступно нам, как явствует из жизни, учений и пророчеств древних и новых «богоискателей»]**.

Возвращаясь опять к стих[отворению] Соловьева «Свет из тьмы» (стр. 29, 3-его издания стихов), зададим себе вопрос, кто ЭТА «Ты» этого и многих подобных стихотворений (они есть у всех поэтов)? Ответим-же словами прежде всего Гете, а потом и всей позднейшей гениальной плеяды ему подобных: *das ewig Weibliche****. Вот что говорит Соловьев в статье «Поэзия Полонского»: «Счастлив поэт...» и т. д. (см. стр. 370; из Лит[е]ратурного Прил[ожения] к Ниве, 2-ая стр. статьи) ¹³².

Итак, поэтов занимает «Царь Девица».

*

<Черновик письма к З. Гиппиус> ¹³³

Многоув[ажаемая] Зин[аида] Никол[аевна].

В Шахматове, действительно, 1 июля скончался мой дед. Однако, образ жизни не изменился и я даже не ездил в Петербург, где были похороны, оставался здесь во внешнем (но не внутреннем) мире, однако, с памятью о непрестанном мерцании свеч надгробных, которые, конечно, приняли мистические образы, в чем виновата, единственно, натура ¹³⁴. Однако, уверяю Вас, что я ощущаю (как подросток Аркадий Долгорукий ¹³⁵) желание «трех жизней» (это, несмотря на видимую безжизненность и склонность к «паникхидному» умозрению). Здесь в одной из соседних деревень ходит странное (и уж исторически совсем необъяснимое) поверье: «она мчится по ржи» ¹³⁶ (букавально — и больше ничего). Кажется, что теперь эта «она» исчезла до времени. Тут есть ведь совпадение, какая-то трудно уловимая, но ощутительно одна мечта и с тем Петербургом, который «поднимается с туманом» (у Достоевского) ¹³⁷ и с Вашим «невидимым градом Китежем» ¹³⁸: все они возвратятся иными «в последний день», т. е. — хоть в последний день для каждого из отдельных, желающих проникнуть. Наглядно и «практически» это будет хоть в виде конечного разрешения личной «жизненной драмы» (Соловьевский термин), т. е. личной мечты (у кого-же жизненная драма больше самой большой мечты! Ведь всякая «серьезная» драма и есть раздвоенные мечты и жизни — «Дел и дней» (Гезиодовых). Если я пойму свой

* Страдание.

** Квадратные скобки принадлежат Блоку. — Вл. О.

*** Вечно-женственное.

личный конец (или хотя бы неличный, конец известного духовного периода), как символ вселенского *, то ведь во всяком случае примирюсь хоть немного с кажущейся неудовлетворенностью апокалипсических ожиданий. Пока еще там какая-то «жизнь мировая» вращается «в стремлении смутном», я буду хоть и со слезами «золотого мальчика» (не примите за аллегория), но уверенно ждать свой «беспечальный Век Златой». И дождусь, хоть бы пришлось прожить ужасы «трех жизней». Тогда в смертном сне должна явиться эта мечта воскресения — «она, мчащаяся по ржи», как Достоевскому явится «новый град Петербург, сходящий с неба» (в этом случае «играя в Апокалипсис», вспоминаю автора «Симфонии»¹³⁹). Что у кого запечатлелось, то и пригрезится «тогда». Ведь те, кто запомнил что либо из этого «милого»

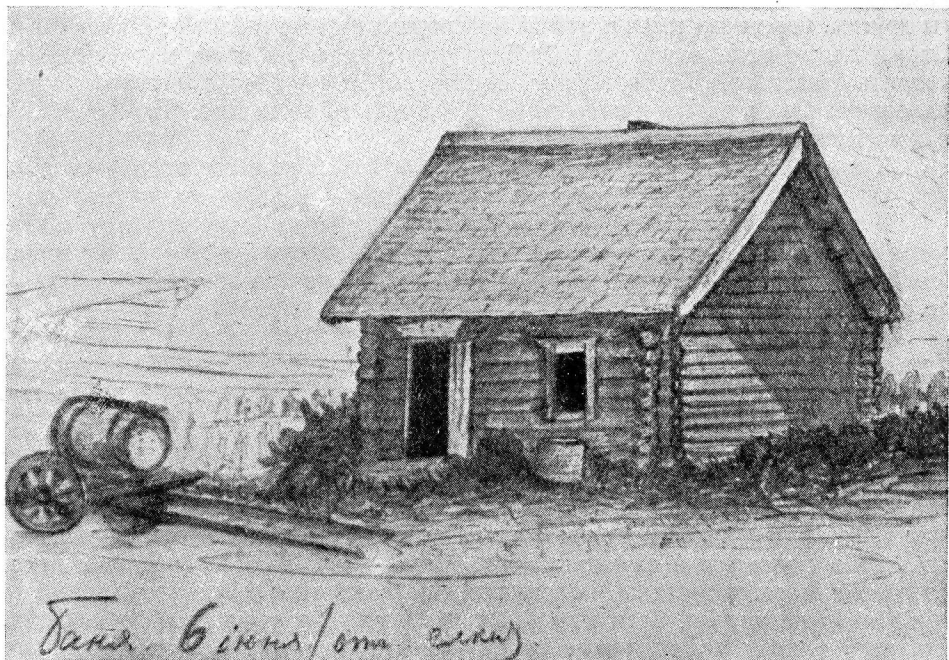

РИСУНОК АЛЕКСАНДРА БЛОКА: БАНЯ В ШАХМАТОВЕ, 1899 г.

Собрание М. А. Бекетовой, Ленинград

и «грустного» круга безмирных понятий, имеют, по крайней мере, одно не-отъемлемое преимущество: они не преступили заповедь: «Но имею против тебя то, что ты оставил первую любовь твою»¹⁴⁰. Если всё это декадентничанье будет Вам неприятно, пожалуйста напишите мне только на предыдущие «объективные» вопросы и что-нибудь о Китеже, потому что мало что на свете лучше «Китежей» (по правде сказать, их и нет на свете!). Поздравляю Вас и Дм[итрия] Серг[еевича] с разрешением «Нового Пути» и заранее ужасно радуюсь ему, как новому мистическому дополнению нескольких неизвестных мне существований (между прочим и собственного моего)¹⁴¹. Пожалуйста, передайте Дмитрию Серг[еевичу] мои самые лучшие и самые искренние пожелания.

Псылаю Вам два, по возм[ожности] мистич[еских] стих[отворения].

Пред[анный] В[ам]

* Тут что то, кажется, не так? (Помета Блока. — Вл. О.)

Написаны стихи:

- 1) Когда святого забвения.
- 2) Я отрок зажигаю свечи*.

*

21 июля 1902 г. Шахматово. Ночь

Сейчас я вернулся из Боблова (21 июля 1902 года, ночь). <Л. Д.> ** сегодня вернулась от Менделеевых, где гостила чуть не месяц. У нее хороший вид; как всегда почти — хмурая; со мной еле говорит. Что теперь нужно предпринять — я еще не знаю. Очень может быть, что произойдет опять вспышка. <Иначе и мирская логика трудно (а может быть и во все не) позволяет, потому что всегда всякий человек, пребывая известное количество моментов в одном положении, требует заполнить следующие моменты другим. Огромный плюс к этому неоспоримому еще не что: стоит ли? Стоит ли, то-есть, отвлекаться? Мало того: имею ли я мировое право не творить ужасного? Таков вопрос, весьма согласующийся с натурой вопрошающего: беспринципностью. Иначе быть не может. Что-же именно нужно делать?

Я хочу не объятий: потому что объятия (внезапное согласие) — только минутное потрясение. Дальше идет «привычка» — вонючее чудище.

Я хочу не слов. Слова были и будут; слова до бесконечности изменчивы и конца им не предвидится. Всё, что ни скажешь, остается в теории. Больше испуга не будет. Больше презрения (во многих формах) — не будет.

Правда-ли, что я всё (т. е. мистику жизни и созерцания) отдал за одно; правда. «Синтеза»-то ведь потом, разумеется, добьешься. Главное — овладеть «реальностью» и «оперировать» над ней уже. Corpus ibi agere non potest, ubi non est! ***>.

Я хочу сверх слов и сверх объятий. Я хочу того, что будет. Всё, что случится, того и хочу я. Это ужас, но правда. Случится, как ужь, всё равно, всё равно что. Я хочу того, что случится. Потому это, что должно случиться и случится — то, чего я хочу. Многие бедняжки думают, что они разочарованы, потому что они хотели не того, что случилось: они ничего не хотели. Если кто хочет чего, то то и случится. Так и будет. То, чего я хочу, будет, но не знаю, что это, потому что я не знаю, чего я хочу, да и где мне знать это пока!

То, чего я хочу, сбудется.

*

28 июля

Читаю талантливейшего господина Мережковского¹⁴². Вижу и понимаю, что надо побережь свою плоть. Скоро она пригодится. «Отречение от крайностей мистицизма» (мое) не столь просто. Это шаг не назад, а вперед — к «отрицанию». Здесь есть утверждение (сознательное) своего рода «неверия». Поберегусь¹⁴³.

NB Самоубийство одной моей знакомой. И далее — «по тому-же пути».

*

<Черновик письма к З. Гиппиус>

2 августа 1902. Шахматово

Мног[оуважаемая] З[инаида] Н[иколаевна].

Извините, что отвечаю Вам не сейчас же. Это проис[одит] от того,

* Две последние строки приписаны Блоком позже. — Вл. О.

** Инициалы «Л. Д.» (Менделеевой) густо зачеркнуты. — Вл. О.

*** Тело не может действовать там, где его нет.

что у нас посылают на почту только около 2-х раз в неделю. Ваше письмо и Ваши похвалы моим стихам были для меня неожиданно приятны и важны¹⁴⁴. Конечно я с величайшим удовольствием и согласием отдаю их в «Новый Путь». Ваше письмо еще было мне важно тем, что навело на новые разъяснения. Ведь «широкая белая лестница» (если не ошибаюсь, ее «лирическое истолкование» можно найти в словах:

И вплоть до зари, пробужд[ения] вестницы,
Я в мире свершений. Я радостно сплю.
Вот узкие окна... И белые лестницы...¹⁴⁵),

«рассекающая» сферу «здесьнего» по пути к «небу верхнему» — нездешнему — есть следовательно подъем. Чем выше, тем «слитнее» видно всё; значит видно и то, как сходятся внизу пропасти и как нет причины миновать одну для другой. Обо всем ведь надо помнить. И вот на вершинах лестницы вспоминаем мы м[ожет] б[ыть] то, что помнили только детьми (об этом есть у Дм[итрия] С[ергеевича]), вспоминаем «странность существования», открываем удивленные глаза. И вот тут, по слову Аристотеля («Ф и л о с о ф и я началась с удивления»), закипает на последн[ей] ступ[ени] лестницы ист[инный?] раз ум и присоединяется к «чужанью» второй ступени и к «примитивной грубости» и «чувственности» (однако, м[ожет] б[ыть], не лишенной «жизненной», живой, необработанной правды) первой ступени. Приблизительно такова «Ваша» лестница к синтезу; она таким образом, сама будучи мистической, избавляет от «крайностей» мистицизма, от его «декадентства». Ибо, еще не поднявшись на высшую ступень, мы увидим только одну пропасть, отразим в себе только ее правду, затоскуем, «размечтаемся» под ветхозаветным «кедром ливанским», забыв прекрасное древо «Нового Завета». И вот в этом пункте Ваши слова нашли мои мысли этих дней, ибо именно тут (перед получением Вашего письма) захотелось мне сойти с чисто мистической дорожки и спокойно взглянуть на нее сверху. И пришло Ваше письмо о третьей «разумной» ступени, о «требованьи понятности во имя Непонятого», о том «мире свершений», где сон — радостен, удивление разумно и видно далеко и «слитно» как весело странствуют «притихшие дети», бесстрашно ищут, высматривают «зарю, вестницу пробуждения». Ваша картина, поистине «эллински» гармоническая, однако открывает мне другие страны «уныния», «забвения». Здесь возникает мне параллельный, «схожий» образ других лестниц, переходов, «лесов»:

Мы бродим в неконченном здании,
По шатким, дрожащим лесам,
В каком то тупом ожидании
Не веря вечерним часам.

(Вал. Брюсов. T[ertia] V[igilia]).

Об этом иногда страшно думать, потому что и это «действительно», хоть и «до времени». Это — опрокинутый бог, человек забывший свое «подобие божие». Вот, сейчас провалится леса, город тихонько вздрогнет и поднимется, испарится, прилетит большая птица Человеческой Надежды, совьет, разовьет крылья и исчезнет. А куда — неизвестно. Вот оно — неверие, «декадент[ст]во» <, «реализм действительной жизни-с»>*. Ваши слова о двух синтезах примирительны; но я не всегда могу принять их. Иногда из за логической гармонии смотрит мне в лицо безмирное отрицание. И я всё еще не могу решить, что это: только ли «страх со змеиною колючею ласкою», или «страх божий», боязнь испытывать. В последнем случае м[ожет] б[ыть] еще сильны романтические когти.

* Вычеркнуто в рукописи. — Вл. О.

Еще раз благодарю Вас, З[инаида] Н[иколаевна], за письмо, также за приглашение приехать к Вам. Но не знаю в точности, до как[их] пор буду в деревне. Здесь также не было лета, а только осень, теперь уж скоро настоящая, желтая, красная.

Преданный Вам Ал. Блок

*

13 августа

Я облачаюсь перед битвой
В доспехи черного слуги.
В сношеньи с тайною молитвой
Мои проклятые круги.

Как медленно влекутся дуги!
Как жадно светел их отлив!
На голос царственной подруги
Влекусь, святыни истребив.

Мужайся, сердце! Мгложу черной
Дохни на бога здешних дней!
С Женой упрямой и тлетворной <....> *

Клинок мой диаволом отточен
В груди — клокочущее зло.
Залог побед за мной упрочен
Бесцельно, пусто и светло.

Ты не спасешь себя молитвой,
Дрожи, скрывайся и беги!
Я облачаюсь перед битвой
В доспехи черного слуги ¹⁴⁶.

*

14 августа 1902. Ante lucem ¹⁴⁷

Мой скепсис — суть моей жизни.

Та ли будет суть моей смерти? Нет. Наступит время (момент), когда я твердо узнаю, что моя смерть нужна для известного момента (или...). Говорю в скобках «или», потому что смерть нужна неизвестно для чего: для момента ли, или для лица; или для себя, или для перехода, или как условие, или физиологически — и т. д., и т. д.

Этот момент будет отличаться от других моментов тем, что будет содержать в себе особенно интенсивное накопление твердой уверенности в необходимости прекратить его — притом: не непременно в силу отчаянья («умри в отчаянья»), а скорее в силу большого присутствия силы, энергии потенциальной, желающей перейти в кинетический восторг (έξοτασις). Κίνησις восторга (высшего) будет заключаться в высшем поступке. Высшее телеологически стремление человека — применить наибольшую из своих способностей к наибольшему, что у него есть. Наиб[ольшая] способность — «прекратиться», наиб[ольшее], что есть в руках — собственная цель (τέλος — конец — finis — finalis). Так[им] обр[азом], наивысш[ая] способность и наивысш[ая] цель совпадают в одном (τέλος). Человек может кончить себя. Это — высшая возможность (власть) его (suprema potestas). Для сего он выбирает момент, в который остальные его возмож-

* Строфа не дописана.— Вл. О.

ности (как-то — возможность жить, а не скончаться и другие — помельче) не мешают. Вместе с этим — высшая цель человека — стремление вперед — и притом скорейшее (наибольшими шагами). Очевидно (ясно), что выражение самого скорого стремления будет самым большим шагом (*summus passus*). Это — скачек из того состояния, которое в настоящее время поглощает в себе все остальные его состояния, — в другое. Состоянием, поглощающим в себе все остальные, никто не усумнится счесть жизненное состояние. Человек прежде всего живет, потом уже добр, зол, счастлив, несчастен, любит, любим и пр. Следовательно *summus passus* будет из этого состояния — именно из жизни. А из нее выйти некуда, кроме смерти (человеку не дано иное). Так [им] обр[азом] *summus passus* в смерть будет выражением самого напряженного стремления — осуществлением высшей цели путем приложения своей высшей способности. Кончив себя (разумеется, в момент наиболее для этого удобный), человек осуществит свою *summa proptestas* путем *summus passus*.

P. S. Известно, на какой момент намекаю я. Спросить у..... * (см. завешание, тетрадь I, стр. 29—30) ¹⁴⁸.

*

СТИХИ

«Обыкновенная» сегодня в духе:
Она сидит и думает о муже.
(О чем и думать — но таков закон:
Когда у ней нет в мысли Рогачева ¹⁴⁹ —
Всё остальное вовсе нездорово).
Кто-ж будет тот, кто назовется: «он»?
**

A[nte] I[ucem]

Прикорнувши под горою,
Мистик*** молит о любви.
Но влеченье половое
Скептик чувствует в крови.
Как тут быть? Деревня близко,
А усадьба далека.
Грязью здешней одалиски
Не смутишь ты дурака.
Лошадь ходит на веревке,
Да и кляча — не возьмут!
С приближеньем к <чернобровке>****
Скептик чует <.....> <зуд>...*****:
Мистик***** в поле — (экий дурень!)
Стосковался и заснул.
Скептик ловок и мишурен (!)
В деревеньку заглянул.
Видит он — на сеновале
Дева юная храпит,

* Многогочие в рукописи. — Вл. О.

** Сии строки, предполагавшиеся, пропущены не даром. Хотя они и не были сочинены, но были бы нецензурны. *Censor scepticus*. (Примечание Блока — Вл. О.)

*** Первоначально было: «Циник».

**** Зачеркнуто.

***** Одно густо зачеркнутое слово не поддается прочтению. Второе прочтено предположительно.

***** Первоначально было: «Циник».

На узорном одеяле,
Распластавшись, лежит.

.....*

*

14 августа 1902. Ante lucem

Тебе, тебе — с иного света,
Мой друг, мой ангел, мой закон.
Прости безумного поэта —
К тебе не возвратится он.

В гробу я слышу голос птичий,
Весна близка, земля сыра.
Мне золотой косы девичьей
Понятна томная игра.

Ты, мимолетная, из ночи
Дохнула мне и замерла.
И долу опуская очи,
Мою ты музу приняла.

Всё, чем ты дышишь — здесь мне свято,
Любовь по прежн[ему] жива,
Безмолвно приняла когда то
Ты эти грубые слова ¹⁵⁰.

*

14 августа, a[nte] l[ucem]

Всё, чем дышал я,
Чем ты жила
Вчера умчал я
В пустыню зла.

Гам насажу я
Мои цветы
И, как вздохну я, —
Услышишь ты.

Могилу вскрою,
Возьму опять
Тебя с собою
Вспоминать

Об этой дали
Великих лет,
Когда мы знали
Вечерний свет ¹⁵¹.

*

<Черновик письма к З. Гиппиус>

16 августа 1902

Мног[оуважаемая] З[инаида] Н[иколаевна].

Отвечаю Вам не сразу, потому что несколько дней подряд чувствовал ужасный упадок духа; вероятно это временно, хотя и до сих пор не прошло, а вообще бывает периодами. Теперешняя моя жизнь не богата происше-

* Строка точек в рукописи.— Вл. О.

ствиями, потому что лето как будто какое то переходное. Может быть скоро придется оставлять всё здешнее, а я к нему страшно привязан, потому что почти из года в год провожу здесь одни и те же летние месяцы¹⁵². Прежде я имел смелость играть в соседнем именьи Гамлета, Чацкого и Скупого рыцаря. Подмостки были маленькие и зрителей настоящих мало <, а всё крестьяне>. Но были костюмы, грим, рампа, подъем духа — такая полнейшая иллюзия театра, что я несколько лет подряд упорно собирался на сцену и даже в Петербурге играл в отвратительном кружке в зале Павловой. Это, преимущественно, меня и отвало¹⁵³. Теперь бы не хватило, пожалуй, и духа опять играть Гамлета, да и летний театр расстроился; в этом году не сыграли ни одного водевиля. Я всё читал, а книги надоедают. Близкие люди у меня есть (схожусь я с ними, конечно, разно — то в том, то в другом, кроме мамы, с которой — во всем), и вид из окна великолепный — зеленый и тихий сад, розы, рябина, липы, сосна. Но нет места, где бы я не прошел без ошибки ночью или с закрытыми глазами. Поэтому, иногда, хочется нового. Да и больные кругом всё лето; не говоря о недавней смерти¹⁵⁴ — всё это не способствует оживлению. Вся жизнь медленная, ее мало, мало противовеса крайнему мистицизму. А он ведь влечет за собой «непобедимое внутреннее обмеление», эти Ваши слова я очень оценил. Вы спрашиваете о Бугаеве¹⁵⁵, но я не имел о нем никаких известий. Читал только рецензию на «Симфонию» в «Новом Времени». Стихи Брюсова я очень люблю, некоторые особенно — в обоих выпусках «[Северных] Ц[ветов]» (прошлого и этого года)¹⁵⁶. В Петербург поеду, вероятно, в начале сентября. Пожалуйста, напишите мне, когда Вы предполагаете выпустить «Новый Путь»?

Преданный Вам Ал. Блок

*

Месяц вышел, солнца нет
Лишь зари вечерний свет.
Отдаленного набата
Голос тягостный плывет.
Но душа цвела когда-то
И теперь еще цветет.

Некрасиво.

Месяц вышел, солнца нет,
Лишь краснеющие зори¹⁵⁷.

*

<29 августа 1902>

Над осеннею долиною
Ты проходишь, нем и дик,
Замирает журавлиный
Удаляющийся крик.

Замер, кажется, в зените
Грустный голос, долгий звук...
Бесконечно тянет нити
Обездоленный * паук.

Сквозь прозрачные волокна
Солнце, света не тая,
Праздно бьет в слепые окна
Опустелого жилья.

* Вариант: «Торжествующий» с пометой: «мама» (т. е. предложенный Блоку матерью). — Вл. О.

Золотистые одежды
 Осень солнцу отдала —
 Уходящие надежды
 Вдохновенного тепла ¹⁵⁸.

*

<Черновик письма к Л. Д. Менделееву>

29 августа

Пишу Вам, как человек, желавший что то забыть, что то бросить — и вдруг вспомнивший, во что это ему встанет. Помните Вы-то эти дни — эти сумерки? Я ждал час, два, три. Иногда Вас совсем не было. Но, боже мой, если Вы были! Тогда вдруг звенела и стучала, хлопываясь, эта дрянная, мещанская, скаредная, дорогая мне дверь подъезда. Сбегал свет от тусклой желтой лампы ¹⁵⁹. Показывалась Ваша фигура — Ваши линии, так давно знакомые во всех мелочах, изученные, с любовью наблюденные. На Вас бывала должнобыть полумодная шубка с черным мехом, не очень новая; маленькая шапочка, под ней громадный тяжелый золотой узел волос — ложился на воротник, тонул в меху. Розовые разгоревшиеся щеки оттенялись этим самым черным мехом. Вы держали платье маленькой длинной согнутой кистью руки в черной перчатке — шерстяной или лайковой. В другой руке держали муфту, и она качалась на ходу. Шли быстро, немного покачиваясь, немного нагибаясь вправо и влево, смотря вперед, иногда улыбаясь (от Марьи Михайловны) ¹⁶⁰. (Мне всё дорого). Такая высокая, «статная», морозная. Изредка, в сильный мороз, волосы были спрятаны в белый шерстяной платок. Когда я догонял Вас, Вы оборачивались с необыкновенно знакомым движением в плечах и шее, смотрели всегда сначала недружелюбно, скрытно, умеренно. Рука еле дотрагивалась (и вообще то Ваша рука всегда торопится вырваться). Когда я шел навстречу, Вы подходили неподвижно. Иногда эта неподвижность была до конца. Я путался, говорил ужасные глупости (м[ожет] б[ыть], пошлости), падал духом; вдруг душа заливалась какой то душной волной («В эти сны, наяву непробудные» ¹⁶¹). И вдруг, страшно редко, — но ведь было же и это! — тонкое слово, легкий шопот, крошечное движение, м[ожет] б[ыть] мимолетная дрожь, — или всё это было, лучше думать, одно воображение мое. После этого, опять еще глуше, еще неподвижнее.

Прощались Вы всегда очень холодно, как здоровались (за исключением 7 февраля). До глупости цитировались мной стихи. И первое Ваше слово — всегда легкое, капризное «Кто сказал?», «чья?». Как будто в этом всё дело. Вот, что хотел я забыть; о чем хотел перестать думать. А теперь то что? Препятнее, или еще хуже?

Р. С. Всё, что здесь описано, было на самом деле. Больше это едва ли повторится. Прошу впоследствии иметь это в виду. Записал же, как столь важное, какое редко и было, даже, можно сказать, просто в моей жизни ничего такого и не бывало, — да и будет ли? Всё вопросы, вопросы — озаченные, полужлобные... Когда же это кончится, господи?

*

29 августа 1902. Шахматово

Один только раз мы ходили очень долго. — Сначала пошли в Каз[анский] Собор (там бывали и еще), а потом — по Казанской и Новому переулку — в Исакиевский. Ветер был сильный и холодный, морозило, было солнце яркое, холодное. Собор обошли вокруг, потом вошли во внутрь. Тихонько пошептались у дверей монашки (это всегда — они собирают в кружки) — и за-

мерли. В Соборе почти никого не было. Вас поразила высота, громада, торжество, сумрак. Голос понизили даже. Прошли глубже, встали у колонны, смотрели наверх, где были тонкие нитки лестничных перил. Лестница ведет в купол. Там кружилась, наверное, голова¹⁶². Вы стали говорить о самоубийстве, о том, как трудно решиться броситься оттуда вниз, что отравиться — легче. Есть яд, быстродействующий. Потом ходили по диагонали. Солнце лучилось косо. Отчего Вам тогда хотелось сумрака, пугал Вас рассеянный свет из окон? Он портил собор, портил мысли, что же еще?—... Потом мы сидели на дубовой скамье в противоположной от алтаря части, ближе к Почтамской. А перед тем ходили весь день. Стало поздно, вышли, опять пошептались монашки. Пошли по Новому и Демидову переулкам, вышли на

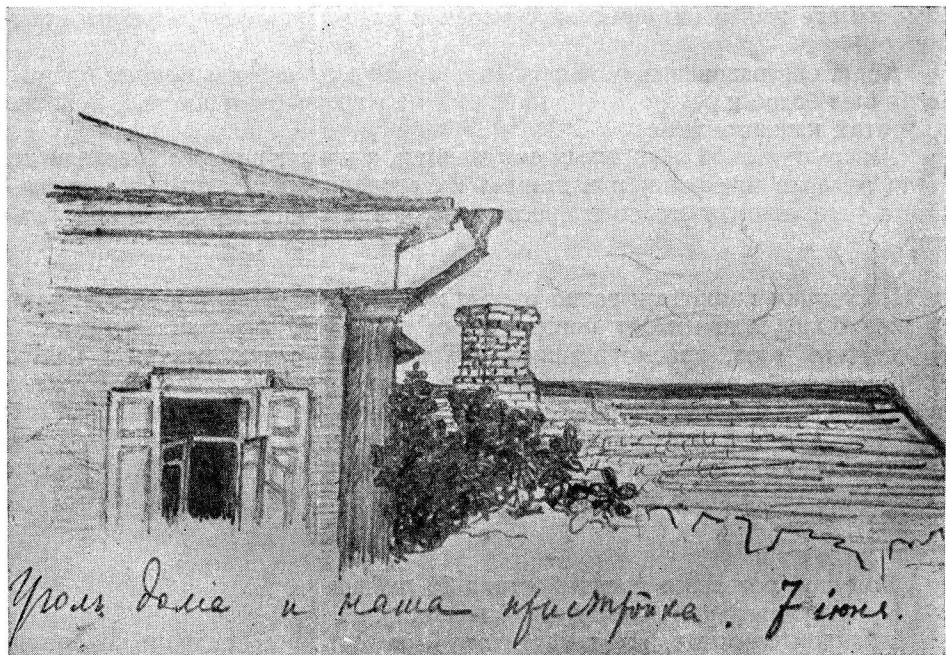

РИСУНОК АЛЕКСАНДРА БЛОКА: «УГОЛ ДОМА [В ШАХМАТОВЕ]
И НАША ПРИСТРОЙКА», 1899 г.

Собрание М. А. Бекетовой, Ленинград

Сенную. Мне показалось ужасно близко. Вы показали трактир, где сидел Свидригайлов¹⁶³. Вышли к Обуховскому мосту, дошли до самой Палаты¹⁶⁴. Еще с моста смотрели закат, но Вам уже не хотелось остановиться. Это было в последний раз. Кто то видел нас. Следующий раз были уже на Моховой, на углу Симеоновского переулка и набер[ежной] Фонтанки и на Невском около Глазунова¹⁶⁵, близ Казанского Собора. Это уже лучше и не вспоминать и не напоминать. Это было 29 января, — а уж 7 февраля — полегче. Это было необыкновенно, кажется, очень важно, разумеется для меня. Для Вас — мимолетность. Но чтобы я когданибудь забыл чтонибудь из этого (и Р. Келер *¹⁶⁶ и т. д. — подробности Вам знакомые) — для этого нужно чтонибудь совсем необыкновенное, притом того-же порядка.

* В Москве я видел его-же. (Позднейшее примечание Блока. — Вл. О.)

*

2 сентября

Встретившиеся в сентябре на Фабричной улице были: Богач и Лазарь. Тот, которого звали Богачем, имел тогда в глазах нечто связное и бодрящее. Он был силен, высок и красив лицом.

Лазарь был оборван, пьян и унижен.

Оба смотрели прямо в глаза друг другу. Оба знали одно и то же в прошедшем, но разное — в будущем. Это и соединяло и делило их. Но пока они были заодно и вели богословский разговор о богородице. Лазарь выслушивал догматы — и не спорил, потому что был во всем согласен с Богачем. Это была лучшая минута в его жизни.

Моросил дождик. Качались облетающие деревца. И они, и Богач, и Лазарь, вместе ждали октябрьских сумерек и радовались быстро укорачивающимся дням.

Когда они разошлись, у Лазаря чуть слышно зашлепали мокрые опорки. Богач шел бодро и весело, звеня каблуками по тротуарным плитам, будя эхо в воротах каждого дома.

Лазарь думал об обещанных ему деньгах, а вокруг смотрел безразлично. Богач замечал прохожих и заставлял их сторониться. Некоторые взгляды-вали с удивлением в его смеющиеся глаза, читая в них мнимое самодовольство.

По улицам проходили разно одетые женщины. К сумеркам их лиц нельзя уже было отличить от богородичных ликов на городских церквах¹⁸⁷. Но опытный глаз, присмотревшись, чувствовал смутную разницу. Только в богородичный праздник по улицам проходила неизвестная тень, возбуждавшая удивление многих. Когда ее хотели выследить, ее уже не было. Однажды заметили, как она слилась с громадным стенным образом божьей матери главного городского собора. Но не все поверили этому. У тех, кто еще сомневался, было беспокойно на душе.

*

Для памяти

Большой револьвер военный стоил 26 рублей

Купить маленький карманный (сколько?).

Запирать туда же, где тетради эти — и черновые стихи, и ее письма (2), и ее портреты — и прочее.

*

6 сентября 1902. Петербург

<Влажный холод>

Я вышел в ночь — смотреть и знать
Далекий шорох, близкий ропот,—
Несуществующих принять,
Поверить в мнимый конский топот.

Дорога, под луной бела,
Казалось, наполнилась шагами.
Там только чья то тень брела —
И скоро скрылась за кустами.

И слушал я — и услышал
Во мраке, в ужасе, в смятении —

* Это всё та же тема о несчастливце и счастливец (двойники) (счастливец несостоятелен). 4 июня 1911 г. Шахи[атово]. (Позднейшее примечание Блока. — Вл. О.)

Далеко, звонко — конь скакал,
Но было ясно приближенье....

Но здесь, и дальше — каждый звук.
Душа томительно боролась.
И я не знал — откуда стук,
Откуда будет слышен голос!...

И вот — яснее звон копыт
И белый конь ко мне несется....
И было слышно, кто молчит
И на пустом седле смеется.

<И встали дыбом волоса,
И пел я, простирая длани....
А там — промчались голоса
В сыром серебряном тумане.> * 188.

I — bis.

Ал. Блок

*

6 сентября

Безрадостные всходят семена.
Холодный ветер бьется в голых прутьях.
В моей душе открылись письма,
Я их таю, — в селеньях, на распустьях.

И крадусь я, — как тень у лунных стен, —
Меняются, темнеют, гложнут стены.
Мне сладостно от всяких перемен, —
Моя любовь рождает перемены.

О, как я жив, как бьет ключами крови!
Я здесь родной с надземными ключами.
Мгновенья тайн — и вечная Любовь!
Я понял вас! Я с вами! Я за вами!

Растет, растет великая стена,
Холодный ветер бьется в голых прутьях.
Я вас открыл, святые письма,
Я вас храню с улыбкой на распустьях! 189.

*

<Черновик письма к З. Гиппиус>

6 сентября

Многоуважаемая З[инаида] Н[иколаевна]

Благодарю Вас за письмо, которое мне уже переслали из деревни в Петербург. 1 сентября я был в городе — и ужасно обрадовался, потому что и наше лето было темное, сонное и мокрое. Даже грозы были какие то странные, больше обыкновенного насыщенные чертовщиной — и в этих чертах при этом тоже какое-то сверхприродное «благоразумное полубе-

* Эта строфа в рукописи зачеркнута. Вариант ко 2-му стиху:

И люди сонные в тумане....

Вл. О.

зумие»¹⁷⁰, так что нѣ на чем душу отвести, нѣчего пугаться и нечему радоваться. Мне странно то, что Вы пишете о сцене, о том, что с нее нельзя говорить о будущем¹⁷¹. Мне иногда кажется, что, несмотря на всё внешнее опошление современного театра, стоит актеру иметь талант (а это не так уже редко), чтобы сейчас запахло литургией. И даже в самой закулисной личности актера иногда заметна священная черта, какое-то внутреннее бескорыстие и глубокая важность, медлительность и привычка быть королем, жрецом... и немного пророком. Прáво, мне это думается не отвлеченно, а на основании виденных мной даже не знаменитых итальянцев, а просто наших русских актеров императорской и частных сцен, например г-на Далматова в «Короле Лире». Никогда не забуду ему этой роли, да и вообще она ему зачтется впоследствии, потомучто такие моменты никогда не проходят даром¹⁷². О первом представлении «Ипполита» я давно уже думаю, рассчитывая... на Шувалова...¹⁷³. Так как не я один хочу видеть его, то прошу Вас, если Вам это не трудно, написать мне несколько слов о том, как и где лучше достать билеты; я очень боюсь, что они будут расписаны еще перед началом продажи в кассе. Не будет ли билетов у Вас или у когонибудь из Ваших знакомых в городе? Будьте так добры написать мне об этом, и также о том, когда первое представление, объявления о котором всё еще нет.— Моя «меланхолия» миновала, все краски опять резкие, осенние, не робкие. Петербург располагает к деятельности. Когда, приблизительно, соберетесь Вы с Дмитрием Сергеевичем в город и начнется деятельность религиозно-филос[офских] собраний? Посылаю Вам обе части моего стихотворного «диптиха» [1. Брожу в стенах монастыря. 2. Инок шел и нес святые знаки] *

Преданный Вам

*

10—11 сентября

Могилы под кустами роз
Кресты
В затихшем воздухе берез
Струятся ветви золотые¹⁷⁴.

<И наступила тишина
Замолкнул
Растаял, истощился голос.

Струятся кудри золото
Та, что хмурила брови

Легли задумчивые росы
Струились золотые косы

И льются косы золотые.>

*

11 сентября

Смолкли нарядные шутки,
Входили, главы обнажив.
Был воздух задумчиво жуткий, —
В углу раздавался призыв.

Призыв к Неизвестной Надежде —
И после опять тишина.

* Прямые скобки принадлежат Блоку. — Вл. О.

Там женщина в черной одежде
Читала, крестясь, письма.

Но люди, не помня святыни,
Искали на бледном лице
Мечты об утраченном сыне,
Печали о раннем конце....

Она-же, собравшись в дорогу,
Твердила молитвы святых.
Так было ей ближе к богу
И праздничней всех живых ¹⁷⁶

*

11 сентября

Запевающий голос, поблекнувший цвет,
Улетающий день, погасающий свет.

Нагибаясь в окно, услышал я сирень.
Это было весной в улетающий день.

Это было весной — и на томный карниз
Передвинулись тени ликующих риз

И не знал я, откуда дохнула в лицо,
Запевая, сгорая, вошла на крыльцо.

Ах, дремота взяла угасающий день,
Ранней, ранней весной услышал я сирень ¹⁷⁸.

*

<13 сентября>

Сегодня в пятницу 13 сентября (канун двух праздников) ¹⁷⁷ я вел себя прескверно (как будто действительно скоро уж мне — капут (caput); — умопомешательство; quem Deus vult perdere — prius dementat *). Однако был под окнами. Триптих столовой освещен и слева ** одно. В воротах — фигурки (это почти всегда). Сорвал объявление о пожаре в 32-м доме и артистки г-жи Читау на Гагаринской набережной. В 19-м давно уже надорвал ¹⁷⁸. Но стоят городской, извозчики, дворник. Идут люди. Да и швейцар не дремлет. Я ведь у него вероятно на подозрении. В другой раз. Прочерно-вил письмо от курсистки О. Л. ¹⁷⁹ к г-же Пантелеймоновской (на Гагар[инской] набер[ежной] вблизи от зимних мостков). Остальное, что делал — нехорошо-с. Но есть твердое основание. Здесь и там (например: Universitas Petropolitana и Демидов переулочек — см. мемуары). Всё сие принять во внимание.

О самоубийстве курсистки О. Л. *** ходили темные слухи. Говорили, что у нее был знакомый студент С., который изготовил для нее в колбочке какого-то ядовитого вещества. Этот студент, якобы, имел с нею соглашение давно уже — и всё подстроил преартистически. Мать ее, женщина не совсем обыкновенная, превратилась быстро в совсем обыкновенную: затуманилась, перестала понимать выражения русского и других, до тех пор ей

* Кого бог захочет наказать — сначала лишает разума.

** К этому слову в рукописи относится следующая позднейшая помета Блока: «да нет!». — *Вл. О.*

*** Ольги Любимовой. (Позднейшая помета Блока. — *Вл. О.*)

знакомых, языков и послала за доктором, вместо священника. Доктор, разумеется, мог констатировать только случай отравления, впрочем сомневался в составе яда и предложил вскрытие, за что был спущен с позором с лестницы ревушим и беснующимся отцом. Братья и сестры вели себя весьма различно, как и подобает в интеллигентном семействе. Кухарки, горничные и другие личности, по редкости взятые из публичных домов, вели себя, как подобает преданным слугам: причитали. Всё вообще было как бы заранее подстроено — и предупредительное товарищество похоронных процессий (I-й разряд, конечно) дополнило впечатление искуснейшими и эффектнейшими подборками белого газета, электрических лампочек, рессор у дрог и т. п. Священнослужителю заплатили 1000 рублей за грех, взятый им на душу¹⁸⁰. Впрочем, он не замедлил очиститься святым причастием в ближайшую проскомидию. Похороны происходили на Смоленском кладбище в присутствии нескольких подруг и знакомых покойной — довольно, конечно, по семейному. Приходил также на кладбище один замухрышка, но скоро ретировался, не желая беспокоить и без того опечаленное семейство. Он перекрестился у ворот (ибо был благочестив), отвесил поклоны храмам, и показал в тот день свои заплатки на многих линиях Васильевского острова (день был сероват). Некоторые из подруг покойницы видели его мельком и тотчас пошептались. Им казалось, что он играл какую-то роль и был не простым соглядатаем. Семейство, щедро одаря милостынькой кладбищенских побирущек, двинулось домой в каретах товарищества похоронных процессий. По правде говоря, оно было действительно обездолено, ибо дочка была очень любима и подавала какие-то надежды.

*

13 сентября

Наступило утро того самого дня, в который должно было случит[ь]ся нечто особенное. Солнце пробилось из тумана и пока еще стояло красноватое, только-что умывшееся. День должен был быть солнечный напролет, но короткий, потому что Петербург переживал октябрь месяц.

Дворник дома № * по * улице, всходя на лестницу заправлять 3 плохенькие лампы, недочелся предуведомления о пожаре, вывешенного по приказу полиции, а также объявления о переезде на другую квартиру доктора по душевным болезням, жившего когда-то в этом доме. Швейцар дома № * по * улице со своей стороны заметил, что объявление от этого самого врача, жившего теперь в этом доме, сорвано, причем на стекле подъезда остались кусочки бумаги. Так как дома были недалеко один от другого, весть разнеслась быстро, и явная связь событий навела на подозрения. Дали знать в полицию, начался розыск, который так, впрочем, и не привел ни к чему. Да и факты были уж очень безобидны, чтобы серьезно обращать на них внимание. Потолковав, решили, что ночью шли балагурь в нетрезвом состоянии, и сдирали бумажки, которые им понравились.

Когда прошел день, наступили его сумерки (октябрьские сумерки), и многим нервным женщинам столицы стало жутко и боязно (от чего? уж верно не без причины) — тогда на нескольких улицах одновременно видели человека с задумчивыми глазами, в потертом платье. Он ходил очень красиво, несколько деланной походкой — и обращал потому на себя внимание. Он не пропускал ни одного зеркала и ни одного сколько-нибудь отражающего стекла или магазинной витрины. Фатишка смотрелся всюду, оправляя пальто, видимо хотел нравиться проходящим дамам, но каждый раз печально покачивал головой и отходил, вздохнув. Костюм его, что ли ему не нравился? Правда, он был потерт, зато воротнички безукоризненны. Ими то всё и искупалось.

* Пропуски в рукописи. — Вл. О.

Вечером сторож Смоленского кладбища открыл, только благодаря своей храбрости, отвратительную штуку. Он поймал какого-то бродягу, занятого раскапыванием свежей могилы в I-м разряде. Повидимому, оборванец хотел поживиться и был пойман только случайно. Он успел уж докопаться до гроба и развинтить крышку. Тут то сторож и накрыл его — и поднял такой неистовый крик, что скоро подоспели на помощь и потащили тщедушнейшую фигурку прочь. Тот что-то лепетал, выбивался, но, представ перед приставом, назвалса Лазарем (в подлинности имени тотчас-же усумнились); в остальном однако Лазарь заперся и ничего не сказал, несмотря на все угрозы. Всё происшедшее в этот день однако не превысило обыкновенной скандальной хроники. Случай был непомерный и единственный, но однако-же

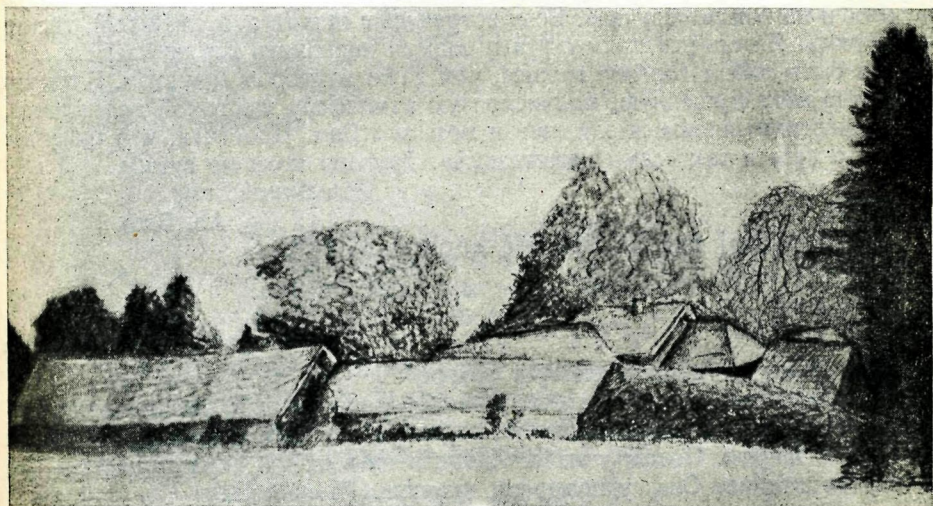

РИСУНОК АЛЕКСАНДРА БЛОКА: СЛУЖБЫ В ПШАХМАТОВЕ, 90-е ГОДЫ
Собрание М. А. Бекетовой, Ленинград

возможный, хотя и страшно редкий. Зато дальше началась такая метафизика, что мы принуждены распрощаться со скептическим читателем и итти далее, имея вокруг себя лишь тесный кружочек правоверных.

*

<Черновик письма к З. Гиппиус>

14 сентября

Многоуважаемая Зинаида Николаевна.

Прежде всего, извините меня за отсутствие адреса в предыдущем письме. Это случилось кажется в первый и надеюсь в последний раз. О господине Далматове мне хочется с Вами поговорить, потомучто я согласен, как с тем, что Вы о нем пишете¹⁸¹, так и с собственным мнением. Одно не исключит другого в известной обстановке, при известном направлении мистических мерцаний души. Или — я по временам очень грубею и становлюсь более толстокожим, чем нужно для справедливой оценки. Знаете, я кажется не виноват на этот раз, потомучто в одну сторону (по крайней мере) вижу теперь очень далеко и в эти серые сонные дни Петербургск[ой] осени, и вечером и ночью. Душа горит опять «как в первый день». Там опять всё — помыслы, поступки и сказки всего сущства. Должно быть, даже я на этот раз, добьюсь чего-то; пора уже вдохнуть новое и несказанное, чего давно и безуспешно я пытаюсь достичь. Падают желтые листья и с ними жестокие, об-

манные химеры. Открылся уголок «мистического реализма», открылась возможность строить здание не на песке, нашлись ощутимые средства и простые орудия. Если будет и дальше всё в таком роде, моя литургия и моя симфония будет достойна тех надежд, которые я возлагаю на нее с давних пор. Мне очень хотелось бы говорить с Вами и быть у Вас в Луге, но мне этого исполнить теперь нельзя¹⁸². Вы будете в городе вероятно уже очень скоро, боюсь, что окончательно убедитесь в моем декадентстве. Декаденты ведь Ангелы не забывшие о своем начальстве, но «оставившие» свое жилище. Всегда брежит в памяти иной смысл, когда кругом отбивается такт мировой жизни. Припомню окончательно то, что мне было когда то завещено, и тогда уже без колебаний исполню, чего бы это ни стоило; по всему этому я надеюсь на плодотворную и не робкую зиму этого сезона. Чувствую «перст» и не боюсь «случая». Если встречу с ним (а это случится), только зажмурюсь. Я ведь всё таки слуга и должен исполнить все заветы Господина, — а быть рабом гораздо важнее, чем даже доктором Фаустом. Пока что разрежаю мою гущенную, молниеносную атмосферу жестокой арлекинадой, которой стихотворное выражение и посылаю Вам. Простите, что пишу всё только о себе и так «самоутверждаюсь». Другому пока не судьба

Преданный Вам

Ал. Блок

[Прил[ожено] стих[отворение] «Арлекин»] * 183.

*

16 сентября. Канун именин

Это пока не продолжение, а другое¹⁸⁴.

Однажды шла по улице некто NN — торопливо шла. Сзади плелся бродяжка. Вдруг он подошел и сказал: здравствуйте. NN обернулась и сначала не поняла ничего. Потом узнала. Приняла письмо. Он сказал: надеюсь, всё останется втайне. Она, удивленная, кивнула. Разошлись.

*

<Черновик письма к Л. Д. Менделеевой>

16 сентября

Прошу Вас прочесть это письмо до конца. Оно может быть интереснее, чем Вы думаете. Я, пишущий эти строки (он-же — податель письма) не думаю говорить ничего обыкновенного. Потому, не примите скандальную обстановку за простые уловки с моей стороны. Дело сложнее, чем кажется.

Приступлю прямо к делу. Четыре года тому назад я встретил Вас в той обстановке, которая обыкновенно заставляет влюбляться. Этот последний факт не замедлил произойти тогда-же. Умолчу об этом времени, потому что оно слишком отдаленно. Сказать можно не мало, однако — не стоит. Теперь положение вещей изменилось настолько, что я принужден уже тревожить Вас этим документиком не из простой влюбленности, которую всегда можно скрывать, а из крайней необходимости. Дело в том, что я твердо уверен в существовании таинственной и мало постижимой связи между мной и Вами. Слишком долго и скучно было бы строить все перебранные уже мной гипотезы, тем более, что все они, как и должно быть, бездоказательны. Потому я ограничиваюсь констатированьем своего внутреннего убеждения, которое (продолжаю) приводит меня пока к решению, вероятно довольно туманному для Вас. Для некоторого пояснения предварительно замечу, что т[ак] н[азываемая] жизнь (среди людей) имеет для меня интерес только там, где она соприкасается с Вами (это, впрочем, чаще, чем Вы мо-

* Прямые скобки принадлежат Блоку. — Вл. О.

жете думать). Отсюда совершенно определенно вытекает то, что я стремлюсь давно уже как-нибудь приблизиться к Вам (быть хоть Вашим рабом что-ли — простите за тривиальности, которые не без намеренья испещряют это письмо). Разумеется это и дерзко и в сущности даже недостижимо (об этом еще будет речь), однако меня оправдывает продолжительная и глубокая вера в Вас (как в земное воплощение пресловутой Пречистой Девы или Вечной Женственности, если Вам угодно знать). Другое оправдание (если нужно оправдываться) — всётаки хоть некоторая сдержанность (Вы, впрочем, знаете, что она иногда по мелочам нарушалась). Итак, веруя, я хочу сближений — хоть на какой-нибудь почве. Однако, при ближайшем рассмотрении, сближение оказывается недостижимым прежде всего по той простой причине, что Вы слишком против него (я, конечно, не ропщу и не дерзну роптать), а далее — потому что невозможно изобрести форму, подходящую под этот весьма, доложу Вам, сложный случай отношений. Я уж не говорю о трудностях, заключающихся во внешней жизненной обстановке, которые Вам хорошо известны. — Таким образом всё более теряя надежды, я и прихожу пока к решению. . . . *

*

29 сентября

Под старость лет, забыв святое,
Сухим вниманьем я живу.
Когда-то, там — нас было двое, —
Не то во сне — не наяву.

Смотрю на бледный цвет осенний,
О чем-то память шепчет мне...
Но, как поверить поздней тени,
Мелькнувшей в юношеском сне?...

Всё это было или мнилось?
В часы забвенья старых ран
Мне иногда подолгу снилась
Мечта, ушедшая в туман.

Но глупым сказкам я не верю,
Томясь под игом седины.
Пускай другой отыщет двери,
Какие мне не суждены ¹⁸⁵.

*

<11 октября>

11 октября post Lucem ¹⁸⁶
опять украл главное объявление. В него оказалось вложено прежнее, старое, древнее, моей юности. Так вложена душа моя в могучее неисчерпанное дело Отчаянья Последнего.

Мать Света!
Мать Света!
Мать Света!
Я возвеличу Тебя.

* Строка точек в подлиннике. — Вл. О.

*

11 октября

<Выезжал из заморской страны
Голубой>

Здесь не было ни сел, ни городов.
Над широтой нетронутой пустыни
Из края в край провиделись богини
Царившие над золотом песков.

<Они мерцали>

<И мерцали их ресницы
Над>

Здесь был дворец Неузнанной Жены ¹⁸⁷.

*

12 октября

Пересмотрите также после меня и мои книги. Они интересные, на некоторых надписи. Есть и хорошие книги. Попрошу также раздать некоторые, кому я впоследствии назначу — и надпишу. Список помечу в этих же листках (будущие страницы, вероятно только еще в книжке с золотой лирой покойной бабушки, если там не будет стихов) ¹⁸⁸.

*

Мережковским 12 * стихотворений:

1. Стран[н]ых и новых
2. Мы встречались
3. Золотистой долиной
4. <Был вечер поздний>** . Тебя скрывали туманы
5. Под старость лет
6. Благословляя свет
7. <Явился он> . Верю в Солнце Завета
8. Гадай и жди
9. Мы преклонились
10. Там в полусумраке
11. Медленно в двери
12. Передо мной — моя дорога
<Сбежал с горы> ¹⁸⁹.

*

Полон чистою любовью,
Верен сладостной мечте,
Л. Д. М. — своею кровью —
Начертал он на щите ¹⁹⁰.

*

31 окт[ября]

Посвящ[ается]

Любови Дмитриевне Менделеевой

Будет день, словно миг веселья.
Мы забудем свои имена.

* Переделано из «13». — Вл. О.

** Заключенное в угловые скобки в рукописи зачеркнуто. Новые заглавия приписаны позже. — Вл. О.

Ты сама придешь в мою келью
И пробудишь меня ото сна.

По лицу, объятому дрожью,
Угадаешь все думы мои.
Но прежнее станет ложью,
Чуть блеснут иные струи.

И, как встарь, с безгласной улыбкой
Ты прочтешь на моем челе
О любви неверной и зыбкой,
О любви, что цвела на земле.

Но тогда, величавей и краше,
Без сомнений я всё приму
И, испив, передам Тебе чашу,
И прильну к Лучу Твоему.¹⁹¹

*

31 октября. Перед ночью

Мне было бы страшно остаться с Вами. На всю жизнь тем более. Я и так иногда боюсь и дрожу при Вас незримой. Могу или лишиться рассудка, или самой жизни. Это бывает больше по вечерам и по ночам. Неужели же Вы каким-нибудь образом не ощущаете этого? Не верю этому, скорее думаю наоборот. Иногда мне чувствуется близость полного и головокружительного полета. Это случается по вечерам и по ночам — на улице. Тогда мое внешнее спокойствие и доблесть не имеют границ, настойчивость и упорство — тоже. Так уже давно и всё больше дрожу, дрогну. Где-же кризис — близко или еще долго взбираться? Но остаться с Вами, с Вами, с Вами ***¹⁹².

*

Лучшее стихотворение Владимира Васильевича
Лапина (†)¹⁹³

Præcatio

Dum genitores erant, potui illos semper adire
Omnibus in rebus, morbis in gravibus.

Nunc, ubi, mi pater, estis, ubi, mater mea rara?
Te patrem Dominum, Te matremque rogo.

Bello perpetuo trio me contrario vexant:
Cor leve duraque mens corpusque impatiens, —

O, Deus, in me sit Tecum concordio mentis
Spiritus sit cum corpore concilium*.

* Перевод: Пока живы были родители, я всегда во всех делах, в тяжких болезнях, мог прибегать к их помощи. А ныне где ты, отец мой, где, моя желанная мать? К тебе взываю, отец всемогущий, к тебе, мать. Тремя различными борениями меня непрерывно терзают: непостоянное сердце, суровый ум и слабое тело. О, боже, да будет во мне с тобой согласен ум, да будет согласие духа и тела.

*

7 ноября 1902 года
 Город Петербург
 Курсовой вечер в Дворянском собрании.
 Маловернии бога узрят.
 Матерь Света! Я возвеличу Тебя!

Поэт Александр Блок

*

Сегодня 7 ноября
 1902 года совершилось
 то, чего никогда еще
 не было, чего я ждал
 четыре года. Кончаю
 как эту тетрадь, так
 и тетрадь моих сти-
 хов сего 7 ноября (в
 ночь с 7-ого на 8-ое)¹⁸⁴.

Прикладываю билет, письмо,
 написанное перед вечером¹⁸⁵
 и заканчиваю сегодня но-
 чью обе тетради. Сегодня —
 четверг. Суббота — 2 часа
 дня — Казанский Собор¹⁸⁶.
 Я — первый в забавном
 русском слоге о добродетелях
 Фелицы возгласил¹⁸⁷.

А. л. Блок

Город Петербург. 7—8 ноября 1902.

Приложение

<Заметка о Мережковском>

13 дек[абря] 1902. Спб.

Вот, м[ожет] б[ыть], самое основное и главное и наиболее по существу возражение на теорию Мережковского:

Теория в основании безукоризненная (оставляя м[ожет] б[ыть], частности). Но — это констатированье мирового процесса, который во всей своей разоблаченности и представляет титаническую скуку до своего разрешения. Констатированье без разрешения. Скука потенциального (а не совершившегося) конца всемирной истории. Скука, потому что это не конец мира, а только исторического процесса. Усталый взгляд назад, конспект углубленного разделения (не мир, но меч). Обетование без провиденья. Нет сил для пророчества, — стремления-же сверхнауки сверхискусства и т. д. — до сверхжизни. Так[им] обр[азом] — констатированье собственной внутренней трагедии, субъективное, лирика между двух стульев. Болезнь при прикосновении к прошедшему, слишком здоровое прикосновение к будущему. Жизненная драма человека (ангелы не забывшие своего начальства, но оставившие свое жилище) и общественного деятеля (полупробужденность вселенского сознания). Неудача в жизни (приходится стоять на сквозняке), в творчестве (поздно, не то мало — не то много), в религии («Скорей, скорей. Зина¹⁸⁸, скоро-ли? — (через несколько лет:)... Еще долго. У меня в моем новом романе — вечное углубление, вечное раздвоение... Хоть бы ктонибудь плюнул в мою сторону... У меня великая грусть... Попы, Ипполит,

журнал¹⁹⁹... всё равно: Зина, ты так кричишь, что через все двери слышно!) Нет и не будет последнего вопроса, все вопли — предпоследние. Договорил всё, пришло время кричать — простудился, нет голоса. Поехал лечиться к Симановскому²⁰⁰ — вернулся, испугавшись мороза.

Внезапно в доме № 24 по Литейной²⁰¹ сверху до низу во всех этажах раздадутся звонки. На пустой лестнице застучат — не шаги, не бегодня, не вздохи. Ни старые, ни молодые ничего не поймут. Все будут смотреть в темноту. Он поймет. Он услышит и не взглянет. Но медленно, удрученный тяжелой мозговой ленью, пройдет в загроможденный кабинет к ленивому ужасу бесконечных томов и бумаг, ляжет на жесткий диван; бедный, скромный, больной, измученный, истоптанный, заброшенный. И... уже нельзя будет даже сойти с ума. А как нужно, как своевременно, как жалко.

Р. С. Доказательство «скуки» на примере: встречаются термины: 1) язычество и христианство, 2) центробежный и центростремительный. — По духу теории (ясно без объяснения) — они требуют перекрещиванья. И, без сомнения, язычество центробежно, христианство центростремительно. Как будто намек на «что-то». Мигающий фонарь. На самом деле (в этом случае) — только узел религии с физикой. Таких узлов бесконечно много (всех не перечислил конечно и сам [Мережковский], да и нет нужды — дана руководящая нить). Узлы настоящего, а не будущего. Будущее совершеннее узловатого. Зная это, он дает рассудочный выход, говорит: «Ей гряди господи, как будто — «Зина, нет ли молока?» Фонарик мигнул и потух — до следующего мигания. Рот хохочет, глаза молчат (и так всегда). Скука миганий. Нам он примигался. Мы «привыкли» — ужасное, для него, уж наверное, невыносимое слово. Привыкли к его миру, а он пережил, забыл и отстал от наших содроганий. Болотце обходимее и безопаснее наших трясиин²⁰².

ПРИМЕЧАНИЯ

«Дневник» печатается с автографической рукописи, хранящейся в собрании Л. Д. Блок. Рукопись представляет собою пять «ученических» тетрадей, перенумерованных римскими цифрами в сопровождении следующих дат: I. 1901—1902; II. 1901—1902. Декабрь—май; III. 1902. Май—август; IV. 1902. Август—сентябрь; V. 1902. Сентябрь — 7-8 ноября. В рукописи не везде выдержана хронологическая последовательность записей: более поздние записи перебиваются в ряде случаев более ранними. В настоящей публикации текст «Дневника» хронологически упорядочен; отдельные даты, проставленные в рукописи в иных случаях в начале записей, в других случаях — в конце их, систематизированы и везде вынесены в начало записей.

Текст «Дневника» воспроизводится полностью, за исключением вложенных в первую тетрадь отдельных листочков, на которых расписаны «по ролям»: водевиль Потапенко «Букет», отрывок из трагедии Шекспира «Ромео и Джульетта» (действие II, сцена 4) и роль Мизгирия из пьесы Островского «Снегурочка».

В качестве «Приложения» к «Дневнику» присоединена неопубликованная заметка о Мережковском, относящаяся к декабрю 1902 г. и сохранившаяся в тетради Блока, озаглавленной: «Моя декламация, роли, заметки, стихи разных поэтов, выписки из книг и пр. — 1898 и позднейшие университетские времена» (собрание Л. Д. Блок).

Стихотворения Блока, содержащие в рукописи «Дневника» варианты и различия сравнительно с печатными текстами, даны в первоначальных редакциях; мелкие варианты и различия при этом не учитывались, — равно как и различные пометки Блока на рукописи, не имеющие существенного значения.

«Дневник» печатается с сохранением особенностей орфографии и пунктуации подлинника, — с незначительными отступлениями в части прописных букв в некоторых словах и пр. Круглые скобки везде принадлежат Блоку, прямые и угловые — редактору; в прямых скобках даны окончания слов, оставшихся в рукописи недописанными, в угловых — вычеркнутые Блоком строки и дополнения редактора.

Звездочками отделены друг от друга разновременные записи (в некоторых случаях недатированные).

Приношу благодарность Л. Д. Блок, предоставившей мне рукопись «Дневника» для опубликования.

¹ Это стихотворение Блоком напечатано не было; впервые оно было опубликовано по тексту «Дневника» в Собрании сочинений Блока, т. IV, Л., 1932, стр. 148.

² Этот отрывок был впервые опубликован по тексту «Дневника» в Собрании сочинений, т. IV, Л., 1932, стр. 244.

³ Обе записи от 27 декабря 1901 г. относятся к написанному в этот же день стихотворению «Двойнику», впервые опубликованному во втором издании «Стихов о Прекрасной Даме» (1911):

Ты совершил над нею подвиг трудный,
Но, бедный друг! о, различил ли ты
Ее наряд, и праздничный и чудный,
И странные весенние цветы?..

Я ждал тебя. А тень твоя мелькала
Вдали, в полях, где проходил и я,
Где и она когда-то отдыхала,
Где ты вздыхал о тайнах бытия...

И знал ли ты, что я восторжествую?
Исчезнешь ты, свершив, но не любя?
Что я мечту безумно-молодую
Найду в цветах кровавых без тебя?

Мне ни тебя, ни дел твоих не надо,
Ты мне смешон, ты жалок мне, старик!

Твой подвиг — мой, — и мне твоя награда:
Безумный смех и сумасшедший крик.

⁴ Эти две строфы относятся к вышеприведенному стихотворению «Двойнику»; они не были введены Блоком ни в печатный текст, ни в беловой автограф.

⁵ Этот набросок был впервые опубликован по тексту «Дневника» в Собрании сочинений, т. IV, Л., 1932, стр. 244.

⁶ Альманах «Северные Цветы» за 1901 год, собранные книгоиздательством «Скорпион», М., 1901. Вспоминая в «Дневнике» 1918 г. весну 1901 г., Блок писал: «А. В. Гиппиус показывал мне в эту весну только что вышедшие первые «Северные Цветы» «Скорпиона», кот[орые] я купил, и Брюсов (особенно) окрасился для меня в тот же цвет, так что в след[ующее] за тем «мистическое лето» эта книга играла также особую роль» (Собрание сочинений, т. I, Л., 1932, стр. 275). В неопубликованной заметке в записной книжке, относящейся к осени 1901 г., Блок указал, что «крестами на страницах» им были отмечены следующие произведения из помещенных в первом выпуске альманаха «Северные Цветы»: драма З. Гиппиус «Святая кровь» (стр. 1), стихотворение Анастасии Миrowsич «Anima sola» (стр. 102), стихотворения В. Брюсова «И снова ты, и снова ты» (стр. 129) и «Отрывки из поэмы» (стр. 132) и литературно-философские заметки В. Брюсова «Истины», — именно: IV (стр. 192) и VII (стр. 194).

⁷ Ср. написанное в тот же день (29 декабря 1901 г.) стихотворение «Мы, два старца, бредем одинокие» (Собрание сочинений, т. I, Л., 1932, стр. 167).

⁸ Стихи Вл. Соловьева «А. А. Фету».

⁹ Этому наброску предшествует записанный Блоком 30 октября 1901 г. конспект статьи Иванова-Разумника о декадентстве (см. «Записные книжки Ал. Блока», Л., 1930, стр. 8—10). К конспекту примыкает следующая неопубликованная заметка в записной книжке Блока, представляющая собою, очевидно, план статьи о декадентстве:

«Определив общее, напр[имер] франц[узской] нов[ой] поэзии (А. Энг. * и др.), указав на ее отцов — определить начала нов[ой] поэзии у нас (источники — Фет, Тютчев, Соловьев, идеи), как вполне самобытные, вызванн[ые] требованиями нашими историч[ескими] и другими. Отделить новую поэзию вообще от частн[остей?] декад[ентства?].»

К тому же времени относится следующий неопубликованный библиографический список литературы, составленный Блоком, несомненно, для задуманной им статьи о декадентстве (дополнения в угловых скобках — мои):

«Источники

из «Смеси»

* Вероятно, Блок имел в виду какую-нибудь критическую работу сотрудницы журнала «Вестник Иностранной Литературы» А. Э. Энгельгардт.

Вл. Соловьев. Поэзия Полонского <«Нива», 1896, №№ 2 и 6>. (З. Гиппиус. Среди мертвых) <Рассказ, напечатанный в журнале «Северный Вестник», 1897, кн. III>.

Бальмонт. Белый лебедь <см. Бальмонт К., Тишина. Лирические поэмы, СПб., 1898, стр. 37>.

Тетрадка с запис[анными] стихами <:>

Стих. Ап. Коринфский <sic>

Стих. Ив. Бунин

Стих. Мережковского (2)

Бальмонт. Тишина.

Стихи Фета, Тютчева, <Вл.> Соловьева, Минского, Бальмонта, Соллогуба <sic>, Гиппиус З., Гиппиуса В., Мережковского, <Ал.> Добролюбова, Брюсова (сборник «Русские символисты» <I, II — 1894, III — 1895>, Метерлинка, Миропольского, Перцова, <Апол.> Майкова, <Б.> Никольского, Фофанова, Эредиа, Allegro <П. Соловьевой>, Случевского, Будищева, Асныка, Лохвицкой.

З. Венгерова («Вестник Европы» 1892, IX). Поэты символисты во Франции.

А. Усов («Северный Вестник» 1893, VIII). Несколько слов о декад[ентах].

Мережковский. О причинах упадка <и о новых течениях> совр[еменной] русской литерат[ур]ы 1891 <sic — нужно: 1893>.

Михайловский. Литерат[урные] воспом[инания] и современная смута (т. II, 1900).

Баженков. Симв[олисты] и декад[енты] (психиатрич[еский] этюд). М. 1899.

Мир Искусства (статья Дягилева о декад[ентах?]).

Булгаковский журнал <«Новый журнал иностранной литературы, искусства и науки» под ред. Ф. И. Булгакова; выходил с 1897 г.; в этом журнале деятельно сотрудничали мать и тетка Блока>.

Книжн[ые] изв[естия] Вольфа.

Записн[ая] книжка <очевидно, имеется в виду указанный выше конспект статьи Иванова-Разумника>.

Словарь <Брокгауза и> Ефрона.

Стихи: Боделара, Верлена, Mallarmé, Ришпена, Прюдома, Фруга, Льдова, (Аннунцио — проза), Вилье де Лилль Адан, (Гамсун — проза), Балтрушайтиса, А. Мирович, Курсинского, Жданова, Федорова, Коневского (N B), Фридберга.

Повесть <Вл.> Соловьева <очевидно, не известная «Краткая повесть об Антихристе», а беллетристический рассказ «На заре туманной юности...», напечатанный в журнале «Русская Мысль», 1892, № 5> (поискать в комедию <юношеская «мистерия-шутка» Вл. Соловьева «Белая лилия или Сон в ночь на Покрова», напечатанная в «Художественно-литературном сборнике. На память», М., 1893>). <В.> Розанов (последний фельетон!). Сергей Соловьев — тема.

¹⁰ Откуда взят этот эпиграф — установить не удалось; возможно, что четверостишие принадлежит самому Блоку.

¹¹ Стихи Фета «Чем тоске, я не знаю, помочь!».

¹² Блок писал отцу 5 августа 1902 г.: «...все еще мне мечтается о крутом (не внезапном ли?) дорожном повороте, долженствующем вывести из «потомок» (хотя бы и «вселенских») на «свет божий» («Письма Александра Блока к родным», Л., 1927, стр. 76).

¹³ Портрет Ф. И. Тютчева, приложенный к его Сочинениям, изд. 1900 г. Фет писал Тютчеву:

Мой обожаемый поэт,
К тебе я с просьбой и поклоном:
Пришли в письме мне твой портрет,
Что нарисован Аполлоном!

¹⁴ Стихи Блока «Смотри — я отступаю в тень», датированные 20 сентября 1901 г.

Ср. стихи Вл. Соловьева:

Всё, кружась, исчезает во мгле,
Неподвижно лишь солнце любви.

¹⁵ Стихи Фета «Чем безнадежнее и строже».

¹⁶ Стихи Тютчева «Еще земли печален вид»:

Или весенняя то нега?
Или то женская любовь?

¹⁷ У профессора Ф. Ф. Зелинского Блок слушал зимой 1901/02 г. (на первом курсе историко-филологического факультета Петербургского университета) лекции по истории преческой литературы. В октябре 1901 г. он писал отцу о Зелинском, как об «истинно-интеллигентном и художественном» человеке, «пони-

маюшем всю «суть классической древности» («Письма Александра Блока к родным», Л., 1927, стр. 68). Об увлечении Блока лекциями Зелинского сообщает М. А. Бекетова («Александр Блок», изд. 2-е, Л., 1930, стр. 67).

¹⁸ Стихи Сергея Соловьева (см. прим. 81-е).

¹⁹ Стихи Вл. Соловьева «В тумане утреннем неверными шагами»:

И до полуночи неробкими шагами
Всё буду я итти к желанным берегам,
Туда, где на горе, под новыми звездами
Весь пламенеющий победными огнями,
Меня дождется мой заветный храм.

²⁰ Стихи Вл. Соловьева (из поэмы «Три свидания»).

²¹ Блок имеет в виду VII параграф «Истин» В. Брюсова («Северные Цветы», 1901, стр. 195), где, между прочим, читаем: «В обычной жизни глубокие чувства редко бывают осязательными, для большинства они открываются только в мгновениях. Но если такой миг пройдет между двумя лицами, если их души взглянут одна в другую до глубины, — они связаны навсегда, и много надо житейской косности, чтобы заставить себя забыть эту таинственную связь». Именно этот параграф «Истин» Брюсова был отмечен Блоком в его экземпляре «Северных Цветов» (см. прим. 6-е).

²² Здесь Блок имеет в виду свои собственные стихи, написанные в 1900—1901 гг. (до знакомства с поэзией Вл. Соловьева), в которых, независимо от Соловьева, нашли выражение мистические идеи, близкие соловьевским.

²³ Стихи Блока «Твой образ чудится невольно», датированные 22 сентября 1900 г.

²⁴ Контаминация отдельных образов из двух стихотворений Блока — 25 января 1901 г.:

Я вышел. Медленно сходили
На землю сумерки зимы.
Минувших дней младые были
Пришли доверчиво из тьмы...

и 29 января 1901 г.:

Ветер принес издалека
Песни весенней намека...

(в первоначальной редакции второй стих читается: «Песни весенней язык»).

В «Дневнике» Блока 1918 г. к первому из этих стихотворений относится заметка: «Гулянье на Монетной <улица в Петербурге.— Вл. О.> к вечеру в совершенно особом состоянии» (Собрание сочинений, т. I, Л., 1932, стр. 274).

²⁵ Контаминация образов из двух стихотворений Блока — «Тихо вечерние тени» (2 февраля 1901 г.):

Песни твоей лебединой
Звуки почудились мне,

и «Я понял смысл твоих стремлений» (26 февраля 1901 г.):

Но риза девственная зрима,
Мой день с тобою проведен...

В «Дневнике» Блока 1918 г. к этим стихотворениям относится заметка: «В конце января и начале февраля <1901 г.> ... явно является Она. Живая же оказывается Душой Мира (как определилось впоследствии), разлученной, плененной и тоскующей (стихи... особенно — 26 февраля, где указано ясно Ее стремление отсюда для встречи «с началом близким и чужим» (?)) — и Она уже в дне, т. е. за ночью, из которой я на нее гляжу. Т[о]е[сть], Она предана какому то стремлению и «на отлете», мне же дано только смотреть и благословлять отлет» (Собрание сочинений, т. I, Л., 1932, стр. 247).

²⁶ Четверостишие Блока, датированное 13 мая 1901 г.

²⁷ Стихи Полонского «Недавно ты из мрака вышел».

²⁸ Стихи Владимира Г. (В. В. Гиппиуса), — альманах «Северные Цветы», 1901, стр. 96.

²⁹ Стихи Полонского «Тень ангела прошла с величием царицы».

³⁰ Известный черносотенный журналист и критик В. П. Буренин (1844—1926) изощрялся в газете «Новое Время» в площадной ругани по адресу декадентов и символистов; впоследствии он всячески поносил и Блока.

³¹ Неясно, на какое издание Верлена «ссылается Блок; очевидно, на «Романсы без слов» в переводе В. Брюсова (М., 1894), — здесь на стр. 11 помещен перевод стихотворения «Вот видите: кой-что нам надобно прощать». Вторая ссылка — на книгу Д. Мережковского «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» (1893), в которой на отмеченных Блоком

страницах дан общий очерк «новых течений» в искусстве, трактуемых, как «возмущение против удушающего мертвенного позитивизма»; в качестве «главных элементов нового искусства» Мережковский называет три следующих: «ми стическое содержание, символы и расширение художественной впечатлительности» (стр. 43; подчеркнуто Мережковским).

³² Стихи Пушкина «Возрождение»:

Но краски чуждые, с летами,
Спадают ветхой чешуей;
Созданье гения пред нами
Выходит с прежней красотой.

³³ Стихи Вл. Соловьева «Мы сошлись с тобой не даром»:

Свет из тьмы. Над черной глыбой
Вознестися не могли бы
Лики роз твоих,
Если б в сумрачное лоно
Не впиался погруженный
Темный корень их.

³⁴ Апостол Петр, по церковному преданию, был распят (при Нероне) вниз головой.

³⁵ Из стихотворения Тютчева «Видение»:

Лишь Музы девственную душу
В пророческих тревожат боги снах.

³⁶ Стихи Вл. Соловьева (из поэмы «Три свидания»).

³⁷ Цитата из Апол. Майкова (трагедия «Два мира», ч. III).

³⁸ Стихи Н. Минского «Как сон, пройдут дела и помыслы людей», — см. его «Стихотворения», изд. 3-е, СПб., 1896, стр. 114.

³⁹ Стихи Вл. Соловьева «L'onda dal mar'divisa».

⁴⁰ Стихи Вл. Соловьева «Хоть мы навек незримыми цепями:

Но и в цепях должны свершить мы сами
Тот круг, что боги очертили нам.

⁴¹ Ср. стихи Ал. К. Толстого «Слеза дрожит в своем ревнивом взоре»:

В одну любовь мы все сольемся вскоре,
В одну любовь, широкую, как море,
Что не вместят земные берега.

⁴² Стихи Тютчева «Я очи знал — о, эти очи!».

⁴³ См. стихотворение Вл. Соловьева «Имману-Эль».

⁴⁴ Стихи Пушкина «Свободы сеятель пустынный».

⁴⁵ Стихи Тютчева «18 августа 1865 г. Дорогой», откуда взята и следующая цитата.

⁴⁶ Стихи Тютчева «Н. Ф. Щербине».

⁴⁷ Слова панихидной молитвы.

⁴⁸ Стихи Вл. Соловьева «Неопалимая купина».

⁴⁹ Стихи Вл. Соловьева «Неопалимая купина»:

Трепещут боги Мицраима,
Как туча слава их пройдет,
И купиной неопалимой
Израиль в мире расцветет.

⁵⁰ Стихи Вл. Соловьева:

День прошел с суетой беспощадною.
Вкруг меня благодатная тишь,
А в душе ты одна, ненаглядная,
Ты одна нераздельно царишь и т. д.

⁵¹ Из стихотворения Тютчева «День вечереет, ночь близка».

⁵² См. прим. 29-е.

⁵³ См. прим. 51-е.

⁵⁴ См. стихотворение Вл. Соловьева «В тумане утреннем неверными шагами».

⁵⁵ Блок не слишком ценит стихи Н. Минского, — ср. его позднейший (1908 г.) отзыв о них в статье «Письма о поэзии» (Собрание сочинений, т. X, Л., 1935, стр. 152—159). В 1910 г. Блок писал матери: «Восьмидесятники, не родившиеся символистами, но получившие по наследству символизм с запада (Мережковский,

Минский) растратили его, а теперь пинают ногами то, чему обязаны своим бытием. К тому же они мелкие люди...» («Письма Александра Блока к родным», II, Л., 1932, стр. 100).

⁵⁶ Из стихотворения Тютчева «Я помню время золотое».

⁵⁷ Из стихотворения Тютчева «Плавание».

⁵⁸ Из стихотворения Тютчева «В душном воздухе молчанье».

⁵⁹ Из стихотворения Тютчева «Люблю глаза твои, мой друг».

⁶⁰ Из стихотворения «Осенний день был тускл и скуден» (альманах «Северные Цветы», 1901, стр. 128).

⁶¹ См. стихотворение Вл. Соловьева «А. А. Фету, 19 октября 1884 г.» («Перелетев на крыльях лебединых»).

⁶² Из стихотворения Вл. Соловьева «С новым годом».

⁶³ См. прим. 46-е.

⁶⁴ См. стихотворение Вл. Соловьева «В землю обетованную»

⁶⁵ Стихи Баратынского «Уверение»:

Другим курил я фимиами,
Но вас носил в святые сердца;
Молился новым красотам,
Но с беспокойством староверца.

⁶⁶ Отсюда Блок заимствовал заглавие для сборника своих ранних (1898—1903) стихотворений — «За гранью прошлых дней» (1920), указав в предисловии, что эти стихи Фета «некогда были» для него «путеводной звездой».

⁶⁷ Вторая строфа стихотворения Фета «Когда мои мечты за гранью прошлых дней» начинается так:

Не жаль мне детских игр, не жаль мне тихих снов,
Тобой так сладостно и больно возмущенных...

⁶⁸ Соловьев Вл., Пoesия Я. П. Полонского. Критический очерк, — «Нива», 1896, №№ 2 и 6 (перепечатано в Собрании сочинений В. С. Соловьева, т. VI, стр. 619—642).

⁶⁹ Тема Гамлета и Офелии — одна из центральных лирических тем молодого Блока. Летом 1898 г. он познакомился с Шекспиром, и монологи Гамлета, Ромео и Отелло стали его основным декламационным репертуаром. 1 августа 1898 г. по инициативе Блока в имени Менделеевых Боблово были поставлены сцены из «Гамлета»; на фоне этого спектакля, в котором Блок исполнял роль Гамлета, а Л. Д. Менделеева — роль Офелии, развертывался его «лирический» роман с невестой, нашедший свое первоначальное (еще до «Стихов о Прекрасной Даме») поэтическое выражение в образах Гамлета и Офелии, — см. стихотворения 1898—1900 гг.: «Я шел во тьме к заботам и веселью» (в рукописи озаглавлено: «Воспоминание о «Гамлете» 1 августа в Боблове»), «Есть в дикой роше у оврага», «Офелия в цветах, в уборе», «Мне снилась снова ты в цветах на шумной сцене», «Песня Офелии» («Разлучаясь с девой милой»), «Прошедших лет немеркнущим сияньем»; сюда примыкает вторая «Песня Офелии» («Он вчера нашептал мне много»), написанная в ноябре 1902 г. Тема Гамлета и Офелии возникает у Блока еще раз много лет спустя, в 1914 г., — см. восьмистишие «Я — Гамлет. Холодеет кровь» (первоначальный набросок относится к 1909 г.).

⁷⁰ Стихи Вл. Соловьева «А. А. Фету».

⁷¹ В «Объяснении второй части» гетевского «Фауста» (см. «Фауст. Трагедия Гете»). Перевод А. Фета, СПб., 1901, стр. CVIII).

⁷² Заключительные стихи второй части «Фауста» («Chorus mysticus») в переводе Фета.

⁷³ В стихотворении «Silentium».

⁷⁴ Стихи Фета «Глубь небес опять ясна».

⁷⁵ Из стихотворения Фета «О, не зови! Страстей твоих так звонок...».

⁷⁶ Стихи Фета «Узник»:

Веселые лодки
В дали голубой.
Железо решетки
Визжит под пилой.
Бывалое горе
Уснуло в груди:
Свобода и море
Горят впереди.

⁷⁷ См. стихи Полонского «В день пятидесятилетнего юбилея А. А. Фета»: «Игру эту боги затеяли... В их мировую игру Фет замешался и пёл...».

⁷⁸ Стихи Блока — набросок «День вечерел. Знакомые туманы» (см. выше, стр. 308).

⁷⁹ Ссылки на страницы «сделаны Блоком по изданию. Полное собрание стихотворений Я. П. Полонского в пяти томах, тт. I, II и III, (СПБ., 1896 (ниже «стихи Полонского, указанные Блоком по первому стиху, мною не называются»)

⁸⁰ У Полонского:

Священный благовест торжественно звучит,
Во храмах фимиама, во храмах песнопенья;
Молиться я хочу; но тяжкое сомненья
Святые помыслы души моей мрачат.

⁸¹ В автографической тетради стихов Блока за 1900—1902 гг. (собрание Л. Д. Блок) переписано Сергеем Соловьевым, в числе прочих, и следующее его стихотворение, датированное февралем 1901 г.:

Силы последние мрак собирает.
Тщетны они.
В дымном тумане уже возникают
Новые дни

Стоя пред вечным, отбрось все сомненья.
Горе пройдет.
И из тумана земного мученья
Солнце взойдет.

⁸² У Полонского:

Там, среди чудес природы,
Током вод принесена,
Отдыхать от непогоды
На песок легла она.

Но напрасно, там в пространстве,
Слышны всплески, крик и стон:
Непробуден в нашем царстве
Вашей девы сладкий сон.

Так рассказывали волны
Про морские чудеса,—
Бурно пенились волны,
Мрачны были небеса,
И глядел я, грусти полный,
— Чьи мелькают паруса?!..

⁸³ У Полонского (стихотворение «Уже над ельником, из-за вершин колючих»):

И голос твой пророческий был сладок,
Так много в нем дрожало тайных слез,
И мне пленительным казался беспорядок
Одежды траурной и светлорусых кос.

Но грудь моя тоской невольною сжималась,
Я в глубину глядел, где тысячи корней
Болотных трав невидимо сплеталось,
Подобно тысяче живых, зеленых змей.

И мир иной мелькал передо мною,
Не тот прекрасный мир, в котором ты жила...
И жизнь казалась мне суровой глубиною,
С поверхностью, которая светла.

⁸⁴ Блок имеет в виду свое стихотворение, написанное 23 апреля 1901 г.:

Ночью сумрачной и дикой —
Сын бездонной глубины —
Бродит призрак бледнолицый
На полях моей страны,
И поля во мгле великой
Чужды, хладны и темны...

И Т. Д.

⁸⁵ У Полонского:

Сам не знаю, за что я люблю тебя, ночь,
Так люблю, что, страдая, люблюсь тобой!
Сам не знаю, за что я люблю тебя, ночь...
Оттого, может быть, что далек мой покой

⁸⁶ У Полонского.

Но боюсь, если путь мой протянется
Из родимых полей в край чужой,
Одинокое сердце оглянется
И сожмется знакомой тоской.

⁸⁷ У Полонского («Зимняя песня русалок»):

Мы, как рыбки в реке,
Затрепещемся,—
Сквозь туман рыбакам
Померещимся.

⁸⁸ Ср. текст, стр. 336.

⁸⁹ Это стихотворение не было вписано Блоком в тетради его стихов; впервые опубликовано оно было по отдельному автографу (с вариантом в первом, десятом и одиннадцатом стихах) в сборнике «А. Блок. Незаданные стихотворения», Л., 1926, стр. 102; там же уточнена дата (12 января 1902 г.). По тексту «Дневника» стихотворение было опубликовано в Собрании сочинений, т. IV, Л., 1932, стр. 149.

⁹⁰ См. текст, стр. 334. Об этом поверье («Она мчится по ржи») Блок упоминает в статье 1908 г. «Стихия и культура» (сборник «Россия и интеллигенция», изд. 2-е, П., 1919, стр. 37). Б о б л о в о — имение Менделеевых, вблизи Шахматоза (имения Бекетовых и Блока).

⁹¹ 29 января—5 февраля 1902 г. датировано неопубликованное письмо Блока к Л. Д. Менделеевой, в котором он, по собственному его выражению, пользуясь «сумасшедшими терминами», пишет о своем «мистическом восприятии» Л. Д. Менделеевой. Приводим несколько выдержек из этого пространного письма:

«То, что произошло сегодня, должно переменить и переменяло многое из того, что недвижно дождалось случая три с половиной года. Всякая теория перешла непосредственно в практику, к несчастью, для меня — трагическую... Теперь передо мной впереди ныне только чистая Вы, и, простите за сумасшедшие термины, — по отношению к Вам, — бестрепетно-неподвижное Солнце Завета... Моя жизнь, т. е. способность жить, немислима без Исходящего от Вас ко мне некоторого непознанного, а только еще смутно ощущаемого мной Духа».

5 февраля Блок продолжал:

«Наступает уже то время, когда всё должно двинуться вперед далеко. Прежде в стихах изливалась неудовлетворенность стремлений, — теперь и стихи не могут помочь, и страшное мое влечение приняло размеры угрожающие духу. Надежда еще где-то высоко в небе звенит вдохновительно для слуха. Я призываю Вас всеми заклятиями. Откликнитесь и поймите, что молчанье не может продолжаться и кончится если не так, то иначе... Ибо возврата на старые пути нет — эти пути одряхлели для моей жизни».

В эти же дни, между 29 января и 7 февраля 1902 г., Блок написал ряд стихотворений на темы, затронутые в «Дневнике» и письмах к Л. Д. Менделеевой (среди них: «Я укрыт до времени в приделе» и «Сны раздумий небывалых»).

⁹² Без третьего четверостишия («А там, юдна, одинокая» и т. п.) и с незначительными вариантами это стихотворение вошло в канонический текст первого тома «Стихотворений» Блока (впервые оно было напечатано в сборнике «Стихи о Прекрасной Даме», 1905 г.). В основу стихотворения положено следующее событие: Л. Д. Менделеева и Блок были приглашены на маскарадный вечер в знакомую им семью Боткиных: однако, поэт не пошел туда и провел весь вечер, расхаживая под окнами боткинского дома.

⁹³ Эти наброски были опубликованы по тексту «Дневника» в Собрании сочинений, т. IV, Л., 1932, стр. 244.

⁹⁴ Читау Мария Михайловна — актриса, руководительница частных драматических курсов, которые с осени 1901 г. посещала Л. Д. Менделеева.

⁹⁵ Стихи В. Брюсова «Когда опускается штора» (сб. «Tertia Vigilia», изд. 1-е, 1900); первый стих Блок цитирует неточно, нужно: «Со мной любимые книги».

⁹⁶ Стихи Вл. Соловьева «Прощанье с морем».

⁹⁷ Стихи Полонского «Вечерний звон» (первый вариант); Блок изменил первый стих; у Полонского: «И будет мир иных явлений».

⁹⁸ Блок зашел к Мережковским записаться на билет на лекцию Д. Мережковского, — см. Гиппиус З., *Мой лунный друг*, — «Судьба Блока», сост. Ю. Немецовой и Ц. Вольпе, Л., 1930, стр. 71 (З. Гиппиус ошибочно относит знакомство с Блоком к «началу марта»). З. Гиппиус еще до личной встречи с Блоком слышала о нем от Андрея Белого (см. Бекетова М. А., Александр Блок, изд. 2-е, Л., 1930, стр. 72).

⁹⁹ «Философия Бугаева» — статья Андрея Белого (Б. Н. Бугаева) по поводу книги Д. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский» (тт. I и II, изд. 1-е журнала «Мир Искусства», 1901—1902; печаталась в «Мире Искусства» в 1900—1901 гг.), несколько позже напечатанная в извлечениях (выписки Блока не целиком совпадают с печатным текстом) в журнале «Новый Путь», 1903, январь, стр. 155—159 (в отделе «Из частной переписки») за подписью: «Студент-естественник» (Андрей Белый был в то время студентом естественного факультета Московского университета).

¹⁰⁰ Это стихотворение З. Гиппиус («Электричество»), напечатанное в журнале «Мир Искусства», 1901, № 5, Блок тогда же целиком переписал в свою записную книжку.

¹⁰¹ Переписка между Блоком и Андреем Белым завязалась только в январе 1903 г., когда они оба, одновременно и независимо друг от друга, обменялись письмами и истолковали это совпадение мистически. Комментированное издание «Переписки» Блока и Белого готовится под моей редакцией Литературным музеем.

¹⁰² Стихи Полонского «Вечерний звон»:

И как ни громко пой ты, — лиру
Колокола перезвонят.

¹⁰³ См. текст выше, стр. 313—314.

¹⁰⁴ Михаил Крамер — герой одноименной драмы Гергардта Гауптмана (1900).

¹⁰⁵ Это стихотворение не было вписано Блоком в автографические тетради его стихов; впервые опубликовано оно было по тексту «Дневника» в Собрании сочинений, т. IV, Л., 1932, стр. 158—159.

¹⁰⁶ Трудно сказать, по какому принципу составлен этот перечень 44 стихотворений, выбранных из нескольких сотен, написанных за время с октября 1899 по ноябрь 1902 г. Очевидно, Блок относил эти стихи непосредственно к своему роману с Л. Д. Менделеевой. Дата 7—8 ноября 1902 г. в биографии Блока играет особую роль. Это был день его решительного объяснения с Л. Д. Менделеевой; этой датой заканчивается цикл «Стихов о Прекрасной Даме» в тетради белых автографов и в изданиях 1916 и 1918 гг., а также и настоящий «Дневник».

¹⁰⁷ Очевидно, Блок забиблиографировал какую-нибудь репродукцию (или запись в каталоге) «Скорбящей» Мадонны Джамбаттиста Сальви (1605—1685), прозванного Сассоферрата. Много лет спустя, в 1909 г., Блок при посещении Флорентийского музея Уффици отметил: «Моя молодая Adolorata — принадлежность многих небольших церквей — в синем и красном своем наивном платье» («Записные книжки Ал. Блока», Л., 1930, стр. 114). В кабинете Блока постоянно висела репродукция этой Мадонны, купленная им в 1902 г. за портретное сходство с Л. Д. Менделеевой.

¹⁰⁸ Первоначальный набросок стихотворения, впервые напечатанного в журнале «Новый Путь», 1904, кн. 6-я.

¹⁰⁹ Этот набросок был опубликован по тексту «Дневника» в Собрании сочинений, т. IV, Л., 1932, стр. 244.

¹¹⁰ Русское издание книги Любкера «Реальный словарь классической древности» (1885) было куплено Блоком именно в это время.

¹¹¹ Запись относится к стихам Вл. Соловьева «Мы сошлись с тобой не даром».

¹¹² Лапшин И. И. — философ-идеалист, в то время доцент Высших женских курсов и Петербургского университета.

¹¹³ Первоначальная, черновая, редакция стихотворения, впервые напечатанного в сборнике «Стихи о Прекрасной Даме» (1905).

¹¹⁴ Блок, вероятно, начал переписку с З. Гиппиус несколько раньше, так как серия ее писем к Блоку (хранящаяся в собрании Л. Д. Блок) открывается письмом от 22 апреля 1902 г.

¹¹⁵ Дата установлена на основании ответного письма З. Гиппиус, в котором она пишет: «Ваше письмо от 14 июня я получила».

¹¹⁶ Стихи Вл. Соловьева (из поэмы «Три свидания»):

Всё видел я, и всё одно лишь было, —
Один лишь образ женской красоты...
Безмерное в его размер входило, —
Передо мной, во мне — одна лишь ты.

¹¹⁷ Цитата из «Апокалипсиса» («Откровение св. Иоанна Богослова» — XXII, 3, 13 и 17).

¹¹⁸ Стихи Фета «Одним толчком согнать ладью живую».

¹¹⁹ Письмо написано из Шахматова. Цитата — из стихов Тютчева «18 августа 1865 г. Дорогой»:

Как бы таинственное дело
Решалось там — на высоте...

¹²⁰ Дидя — А. Н. Бекетов, дед Блока, скончавшийся в Шахматове 1 июля 1902 г.

¹²¹ Анна Ивановна — Менделеева, мать Л. Д. Блок.

¹²² Смирнов Яков Иванович — академик, археолог, сосед по имению и родственник Менделеевых.

¹²³ Надежда Яковлевна — Губкина, родственница Менделеевых, автор книги «Семейная хроника и воспоминания о Менделееве», СПб., 1908.

¹²⁴ См. прим. 90-е.

¹²⁵ «Pater ecstaticus», «Pater profundus» и «Pater seraphicus» — персонажи II части «Фауста» Гете. Ср. рассуждения Блока с знакомыми ему комментариями к «Фаусту», составленными Фетом: «Исполненный религиозного восторга Pater ecstaticus представляет нам не вполне оконченную духовную борьбу с житейскими побуждениями... Три за тем следующих анахорета соответствуют трем главным поясам святой горы. В низшем, соименный ему Pater profundus — представитель того периода духовной жизни, когда, в силу одной земной мудрости, человек доходит до простого понимания, что в цепи причинности одно звено не хуже другого, и что жизнь зиждется на разрушении... Pater seraphicus хотя уже вступил в область благодати, но не забывает земных страдальцев, стремящихся вознестись духом...» («Фауст. Трагедия Гете», перевод А. Фета, СПб., 1901, стр. СIII—CIV).

¹²⁶ Стихи Жуковского «Торжество победителей» (из Шиллера).

¹²⁷ «И хоть не над прудом, а над целым океаном человеческой бессмыслицы придется плакать, но есть и утешение, пока над этим мутным потоком недвижимо стоит светлая радуга чистой поэзии и заранее празднует будущий мир неба с землею. Бесценный мой отрезок настоящей неподдельной радуги, обнимаю вас мысленно...» (Соловьев Вл., Письмо к А. А. Фету от 27 января 1889 г., — альманах «Северные Цветы», 1901, стр. 154—155).

¹²⁸ Ср. заметку в записной книжке Блока, датированную 13 июля 1902 г.: «Красота (искусство) и Добро подражают Истине, но исчерпывают лишь малые ее элементы, которые в синтезе (не логическом) дают новое «нечто», чего нет ни в Красоте, ни в Добре.

Наука же есть только необходимый метод — чернорабочий».

(«Записные книжки Ал. Блока», Л., 1930, стр. 14).

¹²⁹ Стихи Полонского «Вечерний звон».

¹³⁰ См. прим. 111-е.

¹³¹ Выражение В. А. Жуковского — см. его стихотворение. «Цвет завета» (1819).

¹³² Вл. Соловьев писал по поводу стихотворения Полонского «Царь-девица»: «Счастлив поэт, который не потерял веры в женственную Тень божества, не изменил вечно-юной Царь-девице: и она ему не изменит и сохранит юность сердца и в ранние, и в поздние годы». В названном стихотворении Полонский, по мнению Вл. Соловьева, «яснее всех» из русских поэтов говорит о «женственной тени», которую «так или иначе знали и чувствовали все истинные поэты» (цитир. по Собранию сочинений В. С. Соловьева, т. VI, стр. 620—622).

¹³³ Письмо написано примерно между 12 и 20 июля 1902 г.

¹³⁴ 7 июля 1902 г. Блоком было написано стихотворение «Я, отрок, зажигаю свечи».

¹³⁵ Герой романа Достоевского «Подросток».

¹³⁶ См. текст выше, стр. 334, запись от 26 июня.

¹³⁷ См. «Подросток», гл. III, глава 1-я.

¹³⁸ Имеется в виду поездка З. Гиппиус на Керженец и озеро Светлояр, где, по преданию, находился «невидимый град Китеж».

¹³⁹ То-есть Андрея Белого, чья «Симфония» («Вторая, драматическая») была издана «Скорпионом» в начале 1902 г. В журнале «Новый Путь» 1903 г., № 4 (в отделе «Из частной переписки»), была помещена рецензия Блока о «Симфонии» Андрея Белого (перепечатана в Собрании сочинений, т. X, Л., 1935, стр. 212—213).

¹⁴⁰ «Апокалипсис» (II, 4).

¹⁴¹ Дмитрий Сергеевич — Мережковский. В неопубликованном письме от 9 июля 1902 г. З. Гиппиус сообщала Блоку: «Нам, наконец, разрешили журнал «Новый Путь». Надеюсь, дадите мне стихов (не декадентских, а мистических, какие у вас — есть)».

¹⁴² Блок, очевидно, читал книгу Д. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский».

¹⁴³ Блок писал отцу 5 августа 1902 г.: «Это лето проходит для меня в тихой и довольно медлительной отвлеченности (с внутренней стороны), чего я даже сам не совсем ожидал. Сквозь известную, так называемую, «разочарованность» (выразившуюся между прочим и для моего возраста в желании «объективничать», покидая чрезмерную сказочность моего недавнего мистицизма) — все еще мне мечтается о крутом (не внезапном ли?) дорожном повороте, долженствующем вывести из «потемок» (хотя бы и «вселенских») на «свет божий». Однако, этот свет, на иной взгляд, может оказаться еще метафизичнее, еще «страннее» потемок. Но ведь и здравый Кант для иных мечтателей не в меру. Вообще-то, можно сказать, что мой реализм граничит, да и будет, повидимому, граничить с фантастическим («Подросток Достоевского»). Такова уж черта моя» («Письма Александра Блока к родным», Л., 1927, стр. 76—77).

¹⁴⁴ Этого письма З. Гиппиус среди бумаг Блока не обнаружено.

¹⁴⁵ Стихотворение З. Гиппиус «Сны» (альманах «Северные Цветы», 1902, стр. 106).

¹⁴⁶ Первоначальная, черновая, редакция стихотворения «Боец», переработанного в 1915 г. и впервые напечатанного (без второй и третьей строф и с вариантами в остальных строфах) в газете «Утро России», 1916, от 10 апреля.

¹⁴⁷ Пометой «Ante lucem» («Перед светом») Блок обозначал время перед встречей с Л. Д. Менделеевой.

¹⁴⁸ См. текст выше, стр. 310, запись от 29 декабря 1901 г. На данную заметку имеется ссылка в записной книжке Блока 1902 г.: «14 авг[уста] [ante] [lucem]». В сей момент придется заняться самонаблюдением. Прискорбно, но делать нечего».

¹⁴⁹ Рогачево — село вблизи Шахматова и Боблова. (Ср. в записной книжке заметку о Л. Д. Менделеевой от 22 августа 1902 г.: «Без пяти минут четыре проехала на репетицию в Рогачево (иметь в виду)» («Записные книжки Ал. Блока», Л., 1930, стр. 17).

¹⁵⁰ Первоначальная, черновая, редакция стихотворения «Тебе, Тебе с иного света», переработанного в 1908 г. и впервые напечатанного (в сильно измененном виде) в «Общедоступном литературно-художественном альманахе», I, М., 1911.

¹⁵¹ Без третьей строфы и с незначительными вариантами во второй и четвертой строфах это стихотворение было впервые напечатано в газете «Слово», 1908, от 25 декабря.

¹⁵² Очевидно, после смерти А. Н. Бекетова в семье Бекетовых возник вопрос о продаже Шахматова.

¹⁵³ Начало театральных увлечений Блока восходит еще к 1896 г., когда в Шахматове открылась серия любительских спектаклей, организатором и главным участником которых был Блок. Летом 1898 г. спектакли были перенесены в соседнее имение Менделеевых — Боблово, где, в молотильном сарае, были поставлены: «Гамлет» (в отрывках), сцены из «Горя от ума» и «Сцена у фонтана» из «Бориса Годунова». В 1899 г. бобловская молодежь отметила столетнюю годовщину рождения Пушкина сценами из «Скупого рыцаря» и «Каменного гостя»; в репертуаре отводилось место также и современникам: шли «Горящие письма» П. Гнедича, «Букет» И. Потапенко и водевиль А. П. Чехова «Предложение». Первые роли неизменно исполняли Блок (Гамлет, Чацкий, Самозванец, Старый барон, Дон Жуан) и Л. Д. Менделеева (Офелия, Софья). Зрителями, кроме домашних и соседних помещиков, были местные крестьяне, которых набиралось до двухсот человек (Бекетова М. А., Александр Блок, изд. 2-е, Л., 1930, стр. 62—64; ср. Рыбникова М. А., Блок—Гамлет, М., 1923). В начале 1900 г. Блок, мечтавший о «большой сцене» и «внешним образом готовившийся тогда в актеры» (автобиография Блока), вступил в частный драматический кружок и однажды выступал, под фамилией Борский, в открытом спектакле — в «зале Павловой», в переводной пьесе Жоржа Оне «Горнозаводчик». М. А. Бекетова пишет: «В кружке пришлось ему выступать раза четыре, исключительно в ролях стариков, самых незначительных. Опытный жеппе premier не первой молодости явно не давал ему ходу. На это открыл ему глаза один из старых членов кружка... После разговора с ним Александр Александрович вышел из кружка, и актерская карьера перестала казаться ему столь заманчивой, а понемногу он и совсем отошел от этой мысли» (указ. соч., стр. 69).

¹⁵⁴ Болезнь и смерть деда — А. Н. Бекетова, болезнь бабушки — Е. Г. Бекетовой.

¹⁵⁵ Бугаев — Андрей Белый.

¹⁵⁶ В «Северных Цветах» были помещены следующие стихотворения В. Брюсова — в альманахе 1901 г.: «По поводу Tertia Vigilia» («Ребенком я, не зная страху»), «Я мотылек ночной. Послушно», «Осенний день был тускл и скуден», «В моих словах бесстыдство было», «И снова ты, и снова ты», «Я имени тебе не знаю», «И опять беспощадности радостей», «Мне грустно оттого, что мы

с тобой не двое», «Отрывки из поэмы» («Мы жили в городе, замкнутом безнадежно»), и в альманахе 1902 г.: «Мой песенник» («Вступление») и шесть песен — две «фабричные», «солдатская», «сборщиков», «детская» и «веселая»).

¹⁵⁷ Эти наброски были опубликованы по тексту «Дневника» в Собрании сочинений, т. IV, Л., 1932, стр. 245.

¹⁵⁸ Первоначальный набросок стихотворения «Золотистой долиной», впервые напечатанного (с вариантами) в «Журнале Для Всех», 1904, № 5.

¹⁵⁹ «Л. Д. <Менделеева> ходила на уроки к М. М. Читаю <драматические курсы. — Вл. О.>, я же ждал ее выхода, следил за ней и иногда провожал ее... (конец ноября, начало декабря 1901 года)» («Дневник» Блока 1918 г., — Собрание сочинений, т. I, Л., 1932, стр. 276). Об этом Блок писал в стихотворении, датированном 1 мая 1902 г.:

Там — в улице стоял какой-то дом,
И лестница крутая в тьму водила.
Там открывалась дверь звеня стеклом
Свет выбежал, — и снова тьма бродила

Там в сумерках белел дверной навес
Под вывеской «Цветы», прикреплен болтом
Там гул шагов терялся и исчез
На лестнице — при свете лампы желтом...

Ср. также стихотворения: «Я долго ждал — ты вышла поздно» (27 ноября 1901 г.) и «Высоко с темнотой сливается стена» (11 января 1902 г.).

¹⁶⁰ Читаю — см. прим. 94-е.

¹⁶¹ Стихи Вл. Соловьева «Вижу очи твои изумрудные».

¹⁶² См. стихотворение Блока «Мы преклонились у завета», датированное: «18 января 1902. Исаакиевский собор».

¹⁶³ Свидригайлов — герой романа Достоевского «Преступление и наказание» — провел ночь перед самоубийством в гостинице на б. Большом проспекте Петербургской стороны (см. ч. VI, гл. VI).

¹⁶⁴ Палата мер и весов (на б. Забалканском проспекте), в здании которой помещалась казенная квартира Д. И. Менделеева.

¹⁶⁵ Книжный магазин Глазунова.

¹⁶⁶ Парфюмерный магазин Р. Келер, куда часто заходили Блок и Л. Д. Менделеева во время прогулок.

¹⁶⁷ Ср. неопубликованную заметку от 22—23 августа 1902 г. в записной книжке Блока (московские впечатления): «Отдаленное сходство в чертах богородиц и проходящих женщин». Этот же образ встречается у Блока в стихотворении 1905 г. «Ты проходишь без улыбки»:

Как лицо твоё похоже
На вечерних богородиц...

¹⁶⁸ Первоначальный, черновой, набросок стихотворения «Я вышел в ночь — узнать, понять», впервые напечатанного (с вариантами) в альманахе «Северные Цветы» за 1903 г. Помета: «I—bis» относится к первой строфе.

¹⁶⁹ Это стихотворение с незначительными вариантами было впервые напечатано в газете «Речь», 1908, от 20 января.

¹⁷⁰ Слова З. Гиппиус — см. стихотворение 1902 г. «Что есть грех?» (Собрание стихов, М., 1904, стр. 127).

¹⁷¹ З. Гиппиус писала Блоку 1 сентября 1902 г.: «Есть странно, что вас увлекла сцена! ...Искусство ли это? Способность и практика... И слишком уж сцена — прошлое. Говорить о будущем со сцены нельзя, это факт».

¹⁷² Блок в молодости увлекался игрой известного драматического актера Е. П. Далматова, одной из «коронных» ролей которого была роль короля Лира в одноименной трагедии Шекспира. «И держать себя он старался по-актерски, — вспоминает про Блока один из мемуаристов. Его кумиром был Далматов, игравший в то время в Суворинском театре Лира и Ивана Грозного. Александр Александрович причёсывался, как Далматов (плоско на темени и пышно на висках), говорил далматовским голосом (сквозь зубы цедил глуховатым баском)» (Блок Г., Герои «Возмездия», — «Русский Современник», 1924, № 5, стр. 179). В 1912 г., в статье «Памяти К. В. Бравича», Блок вспоминал, как, будучи студентом-первокурсником, он «с трепетом» ждал в коридоре Суворинского театра В. П. Далматова, чтобы записаться на его бенефис; здесь он назвал Далматова «очень большим артистом», способным «ударить по сердцам с неведомою силой» (газета «Театр», 1912, № 78 от 15 ноября; перепечатано в Собрании сочинений, т. IX, Л., 1936, стр. 187).

¹⁷³ «И по ли т» — трагедия Эврипида в переводе Д. Мережковского («Вест-

ник Европы», 1893, кн. I, 1-е отд. изд., СПб., 1902) шла в Александринском театре 14 октября 1902 г. Блок был на премьере, когда Д. Мережковский читал вступительную речь — «О новом значении древней трагедии». Сообщая отцу 26 сентября 1902 г. о готовящейся постановке «Ипполита», Блок писал: «Всё это — религиозное дело, или — близко от него» («Письма Александра Блока к родным», Л., 1927, стр. 80). Шувалов Иван Михайлович — актер, с успехом исполнявший в «Ипполите» роль Тезея.

¹⁷⁴ Этот набросок был опубликован по тексту «Дневника» в Собрании сочинений, т. IV, Л., 1932, стр. 245.

¹⁷⁵ Первоначальный набросок стихотворения «Смолкали и говор, и шутки», впервые напечатанного в газете «Слово», 1908, от 25 мая, и вторично, в переработанной редакции (1918), в сборнике «За гранью прошлых дней» 1920 г. (см. также альманах «Дракон», I, П., 1921).

¹⁷⁶ Первоначальный набросок стихотворения «Запевающий сон, зацветающий цвет», переработанного в декабре 1902 г. и впервые напечатанного в сборнике «Стихи о Прекрасной Даме» (1905).

¹⁷⁷ На 14 сентября приходился церковный праздник «воздвижение»; о каком втором празднике пишет Блок, — остается невыясненным.

¹⁷⁸ Блок действительно срывал на улицах объявления «Драматических курсов Читау» (сообщено Л. Д. Блок).

¹⁷⁹ Ольги Любимовой. В записной книжке Блока 1902 г. имеется неопубликованный черновик письма, о котором идет речь в «Дневнике»; письмо обращено к «Марье Михайловне» — Читау, руководительнице драматических курсов (в «Дневнике» — «г-жа Пантелеймоновская»). Привожу текст письма:

Глубокоуважаемая Мария Михайловна. Я — величайшая поклонница Вашего таланта. Прошу Вас простить меня, я не решаюсь писать Вам прямо и откровенно. Будьте так любезны сообщите мне программу Ваших курсов. Мне очень трудно достать ее, потому что родные против моего отношения к сцене. Я жажду учиться у Вас и не знаю, что предпринять, что делать. Если можно — адресуйте в . . . * почтовое отделение. Еще раз простите меня, иначе поступить мне невозможно. Глубоко преданная Вам О. Л. (Ольга Любимова).

Вообще весь этот эпизод не поддается расшифровке; очевидно, он носил характер мистификации: «Ольга Любимова», по словам Л. Д. Блок, личность вымышленная (П. Н. Медведев почему-то называет ее «подругой К. Хрустальной», — см. «Дневник Ал. Блока 1917—1921», Л., 1928, стр. 274).

¹⁸⁰ По законам церкви самоубийцы лишались обряда христианского погребения.

¹⁸¹ З. Гиппиус писала Блоку 10 сентября 1902 г.: «Нет, нет! Прокляните меня за нетерпимость, но я всё таки признаюсь, что еслиб на завтра была назначена моя литургия, — я не пустила бы и к дверям «господина Далматова!» Я не видела его в Кор[оле] Лире, но видела . . . во всех видах. Подождем говорить о сцене. Лучше помолчать, нежели облекать Далматова в ризу священника».

¹⁸² Блок был у Мережковских в Заклиньи (под Лугой) 21—22 сентября 1902 г.

¹⁸³ Стихотворения, озаглавленного «Арлекин», у Блока нет, но речь идет, несомненно, о стихотворении «Свет в окошке шатался», написанном 6 августа 1902 г.

¹⁸⁴ То-есть не продолжение записи от 13 сентября.

¹⁸⁵ Черновой набросок стихотворения «Старик», впервые напечатанного (с вариантом в седьмом стихе) в журнале «Новый Путь», 1903, № 3. Позже стихотворение было посвящено академику А. С. Фаминщину.

¹⁸⁶ Пометой «post Lucem» Блок отмечал время после встречи с Л. Д. Менделеевой («после света»).

¹⁸⁷ Без зачеркнутых строк этот набросок был опубликован в Собрании сочинений, т. IV, Л., 1932, стр. 245.

¹⁸⁸ В тот же день, 12 октября 1902 г., Блок написал стихотворение «Ушел он, скрылся в ночь — также на тему о самоубийстве. Привожу его в первоначальной, неопубликованной, редакции (по рукописи):

Он ушел и скрылся в ночь,
И никто не узнал, куда.
На столе остались ключи,
В столе — указанье следа.

Но кто-же думал тогда,
Что он не придет домой?
Затихла ночная езда —
Он был обручен с Женой.

* Пропуск в рукописи. — Вл. О.

И там в холодном снегу
Он сам свое сердце убил.
И думал, что он в лугу
С Ней среди лилий ходил.

Вот брежит утренний свет,
Она онемела над ним.
А дома его всё нет.
Он был и ушел к Святым.

«Книжка с золотой лирой» — тетрадь, подаренная Блоку бабушкой, Е. Г. Бекетовой, куда Блок вписывал свои стихи в 1897—1900 гг.; никакого списка книг в этой тетради нет.

¹⁸⁹ Из этих стихотворений №№ 1, 5, 6, 7 и 8 (и еще пять здесь не перечисленных) были напечатаны в мартовской книжке «Нового Пути» за 1903 г. (первое выступление Блока в печати).

¹⁹⁰ Стихи Пушкина «Легенда» (в измененном виде вошли в «Сцены из рыцарских времен»). В третьем стихе у Пушкина стоит А. М. Д. («Ave Mater Dei» — «Славься, мать божья», слова католической молитвы). Блок заменил их инициалами Л. Д. Менделеевой.

¹⁹¹ Это стихотворение в переработанной редакции и без посвящения было впервые напечатано в журнале «Золотое Руно», 1908, № 1.

¹⁹² Запись относится к Л. Д. Менделеевой и, возможно, представляет собою черновик письма к ней.

¹⁹³ Это стихотворение В. В. Лапина (и еще одно — «Чай») Блок переписал в тетрадь, озаглавленную «Моя декламация, роли, заметки, стихи разных поэтов, выписки из книг и пр.—1898 и позднейшие университетские времена». В записной книжке Блока № 3 (август—осенние месяцы 1902 г.) имеется следующая заметка:

«Портрет самоубийцы ст[удента] Лапина. По мн[ению] М[арии] В[асильевны] он хотел жить, и самоуб[ийство] произошло от избытка жизненной силы (моя формулировка). Поза довольно напряжена: Левая рука в кармане тужурки, правая — на стуле. Старая тужурка и широкие штаны. Лоб высокий. За час до самоубийства. Борода, усы, толстые губы. Глаза напряжены, под глазами измято. Волосы редки. Цвет? Рядом — случайный солдат» (цит. по рукописи; в «Записных книжках Ал. Блока», Л., 1930, эта заметка напечатана с ошибками. Упоминаемая Мария Васильевна — сестра В. В. Лапина, знакомая матери Блока). Лапин покончил самоубийством в 1896 г. В октябре 1903 г. Блок писал С. М. Соловьеву, что, будучи с женой на кладбище, нашел «могилу студента самоубийцы, о котором я только слышал, видел его портрет (снятый в день самоубийства) и читал его стихи. Это не трудно «распечатать». Но я не распечатываю» («Письма Александра Блока», Л., 1925, стр. 56—57).

¹⁹⁴ 7 ноября 1902 г. состоялось решительное объяснение Блока с Л. Д. Менделеевой. 7—8 ноября 1902 г. («Вечер—раннее утро») помечено в рукописи стихотворение «Осанна! Тыходишь в терем», замыкающее вторую тетрадь беловых автографов стихов Блока (ср. прим. 106-е).

¹⁹⁵ О каком «билете» идет речь — неясно; вероятно, о билете на вечер в дворянском собрании.

«Письмо, написанное перед вечером», — записка о самоубийстве; призыву ее полностью с автографа (собрание Л. Д. Блок):

Мой адрес: Петербургская сторона, Казармы Л. Гв. Гренадерского полка, кв. полковника Кублицкого № 13.

7 ноября 1902 года

Город Петербург

В моей смерти прошу никого не винить. Причины ее вполне «отвлеченны» и ничего общего с «человеческими» отношениями не имеют. Верую в единую святую соборную и апостольскую церковь. Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века. Аминь.

Поэт Александр Блок.

¹⁸⁶ Время и место встречи с Л. Д. Менделеевой.

¹⁸⁷ Стихи Державина «Памятник».

¹⁸⁸ З. Гиппиус-Мережковская.

¹⁸⁹ «Ипполит» — трагедия Эврипида в переводе Мережковского (см. прим. 173-е). «Журнал» — «Новый Путь».

¹⁹⁰ Известный петербургский врач.

¹⁹¹ В этом доме жили Мережковские.

¹⁹² Блок пишет о книге Д. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский».

II. АЛЕКСАНДР БЛОК И АНДРЕЙ БЕЛЫЙ В 1907 ГОДУ

I

В истории русского символизма большой интерес представляет вопрос о полемике, разгоревшейся в лагере символистов в 1906—1907 гг. преимущественно вокруг теории «мистического анархизма». Poleмика эта явилась первым явным симптомом распада еще накануне, казалось бы, единого и сплоченного фронта декадентской литературы. В полемике приняли участие почти все виднейшие деятели символизма, но особые роли принадлежали в ней Блоку и Белому, неизданная переписка которых за 1907 г. служит предметом данного сообщения.

Согласно существующей традиции, взаимоотношения Блока и Белого трактуются, как пример идеальной личной и литературной дружбы. Между тем, это совершенно неверно. Их пылкая, экзальтированная, а по слову самого Белого, «истерическая», дружба в стиле немецких романтиков или русских юношей из кружка Сташкевича к 1906 г. терпит уже полное крушение и сменяется ожесточенной литературной полемикой, разрывом каких бы то ни было отношений, дуэльными вызовами.

«Сентиментально нас парить, — писал Белый о себе и о Блоке, — в «распре» страстей, дважды схватываясь за оружие, парились мы; лишь к 1910 году мы остыли до дружбы, холодной-духовной; в интимную жизнь наших личностей мы не глядели, минувя ее; и на этом основана «дружба», которая есть констатация: в том-то, и том-то, и том-то согласны; а в том-то — расходимся; если бы взгляды вались в интимные жизни друг друга, в живое течение идей, моральной фантазии, то вероятно, «распарились» бы опять до больших неприятностей». И в другом месте: «Мало кто мне так бывал близок, как Блок, и мало кто был так ненавистен, как он: в другие периоды; лишь с 1910 года выравнилась зигзагистая линия наших отношений в ровную, спокойную, но несколько далековатую дружбу, ничем не омраченную... Многие было, одного не было — идилии, не было «Блок и Белый», как видят нас сквозь призму лет»¹. Блок, в свою очередь, писал в 1908 г.: «Хвала создателю! С лучшими друзьями и «покровителями» (А. Белый во главе) я внутренне разделался навек. Наконец-то! (Разумею полупомешанных — А. Белый и болтунов — Мережковских)»².

Белый дважды подробно изложил историю своей «дружбы-вражды» с Блоком: в 1921—1922 гг. в «Воспоминаниях о Блоке», написанных и опубликованных тотчас же после смерти поэта³, и вторично — через десять лет — во втором и третьем томах своих мемуаров («Начало века» 1932 г. и «Между двух революций» 1933 г.). При этом образ Блока, воссозданный Белым в 1933 г., оказался столь отличным от того «серафического» образа, который был дан в «Воспоминаниях», что Белому пришлось специально подчеркнуть, что эти воспоминания были «продиктованы горем утраты близкого человека» и что «в них образ «серого» Блока произвольно вычищен». «Вторично возвращаясь к воспоминаниям о Блоке, — оговаривался Белый, — стараюсь исправить я промах романтики первого опыта; «вспоминать» в сторону реализма; может быть, — и тут я не попал в цель...»⁴.

Да, знакомясь с материалами полемики 1906—1907 гг., с перепиской Блока и Белого, раскрывая истинный смысл их расхождения, приходится признать, что Белый «не попал в цель». Его блестящие мемуары меньше всего бесстрастная летопись минувших событий; это — одновременно — памфлет и реабилитация. В силу того обстоятельства, что события и люди 900-х годов даны Белым в перспективе его зрения 1933 г., многое в мемуарах рисуется в искаженных чертах и нуждается в существенных коррективах. Искажена Белым, между прочим, и полемика его с Блоком. При этом речь идет не об изложении фактической стороны полемики (здесь Белый почти всегда бывает точен), но о самом ее истолковании, как борьбы с блоковской мистикой. Данные переписки Блока и Белого свидетельствуют об обратном: Белый боролся не с мистикой Блока, а с его тенденциями преодоления мистики соловьевского толка и вообще всей символистской ортодоксии.

II

После разгрома революции 1905 г., в условиях жесточайшей реакции, русская буржуазно-дворянская интеллигенция окончательно вступила на путь соглашения с самодержавием и в очень короткий срок сдала в архив свою былую «оппозиционность».

Развитие идей индивидуализма, богоискательства достигло в эпоху реакции своего апогея, свидетельствуя о полном разложении буржуазной мысли. Эта идеология распада приобрела, быть может, наиболее четкие очертания в декадентской литературе, превратившейся, по словам Блока, в мистико-эротический «словесный кафе-шантан», с необычайно пестрой программой эклектических «теорий», выражавшихся по преимуществу в жонглировании терминами: мезонизм, соборный индивидуализм, мистический анархизм, мистический реализм и т. д.

В то же время именно вожди декадентской литературы пытались обосновать принцип эстетизации искусства, начисто отвергая связь его с «жизнью», с «политикой». Боевая программа декадентства слагалась под знаком неприятия реализма и борьбы с писателями-реалистами во имя «чистого», свободного от «служения вопросам общественным, эстетизированного искусства, у которого «есть своя область — тайны человеческого духа» (Брюсов). В этом смысле показательно то, что писал в 1906 г. Брюсов — призванный вождь русского декадентства — Г. Чулкову по поводу издававшегося им альманаха «Факелы»: «Если «Факелы» только прикрываются флагом искусства и намерены под видом художественных произведений вести проповедь революции — в них не место «декадентам», которые прежде всего отстаивали и будут отстаивать свободу творчества»⁵.

Разумеется, не следует снижать до уровня «словесного кафе-шантана» всю буржуазно-дворянскую литературу эпохи реакции в целом. Наиболее видные символисты настойчиво стремились разрешить проблему философского обоснования символизма, как целостного мировоззрения. Каждый по-своему, они ощущали и сознавали кризис капиталистической культуры и искали выхода из этого кризиса, но искали его вне революционной, материалистической идеологии — на путях мистики, эсхатологии, мелкобуржуазного анархизма, неонародничества, — в философском идеализме, в неокантианстве, бывшем целиком антисоциалистической философией. Как правило, пути эти привели в лагерь контрреволюции, внешней и внутренней эмиграции. Только очень немногие, лучшие из символистов — Блок, Брюсов, Белый — сумели с большим или меньшим успехом преодолеть глубочайшее противоречие своего мировоззрения. Дальнейшее изложение отчасти покажет, какими запутанными путями шли к революции Блок и Белый.

В течение долгого времени центром русского символизма была Москва; здесь были объединены вокруг издательства «Скорпион» и журнала «Весы» основные кадры символистов старшего поколения. Второе существовавшее в Москве символистское издательство «Гриф» особой роли не играло. К 1906 г. положение резко изменилось. Границы символизма расширились: из школы он превращался в течение, захватившее множество второстепенных поэтов и беллетристов. Символисты-зачинатели, добившиеся к тому времени всероссийской известности, признанные литературной и читательской общественностью, вплотную столкнулись с явлением массового эпигонства. В символистскую литературу широким потоком шли «любители легкой мистической наживы» (Блок).

Попытки Брюсова ввести широко разлившееся течение в проложенное им русло с самого начала потерпели неудачу. Особо важную роль сыграло при этом обстоятельство, что, наряду со «Скорпионом» и «Весами», образовались новые центры, притягивавшие молодые литературные силы. Такими центрами были в Москве два журнала: «Золотое Руно» (основанное в 1906 г. меценатствующим капиталистом Н. Рябушинским) и «Перевал», а в Петербурге — издательство «Оры», объединившее группу петербургских символистов с Вяч. Ивановым и Блоком во главе, и примыкавшая к «Орам» группа участников альманаха Г. Чулкова «Фа-

келы». Периферийное положение занимало в Петербурге издательство «Шиповник», выпускавшее под редакцией Л. Андреева альманахи со смешанным составом участников — от Блока до Муйжеля.

Зарождение новых журналов и издательств знаменовало прежде всего тот факт, что декадентство переросло рамки небольших, интимных, кружковых объединений. Но меньше всего следует рассматривать это явление, как признак укрепления декадентско-символистской литературы. Новые журналы и издательства служили целям размежки декадентов, а не консолидации их сил. К 1907 г. уже окончательно определился разлад между «московскими» и «петербургскими» символистами. Кружки «Ор» и «Факелов» (т. е. Вяч. Иванов, Блок, Городецкий, Г. Чулков, примыкавший к ним Ф. Сологуб и др.) проявляли сепаратистские тенденции в отношении московского центра. Отчетливую картину создавшегося положения дает письмо Брюсова к отцу от 21 июня 1907 г.:

«Среди «декадентов», как ты видишь отчасти и по «Весам», идут всевозможные распри. Все четыре фракции декадентов: «Скорпионы», «Золоторунцы», «Перевальщики» и «Оры» — в ссоре друг с другом и в своих органах язвительно поносят один другого. Слишком много нас расплодилось и приходится поедать друг друга, иначе не проживешь. Ты читал, как мы нападаем на «петербургских интераторов» («Штемпелеванная калоша»): это выпад против «Ор» и в частности против А. Блока. Этот Блок отвечает нам в «Золотом Руне», которое радо отплатить нам бранью на брань. Конечно не смолчит и «Перевал» в ответ на «Трихину». Одним словом бой по всей линии»⁶.

Упомянутая Брюсовым статья «Штемпелеванная калоша» была написана Белым.

Таким образом, в результате размежки символистов, в основном закончившейся к 1907 г., Блок и Белый оказались в разных лагерях. Для широких литературных кругов того времени, а тем паче для читателей, запомнивших стихотворные послания Блока и Белого, которыми они обменивались в печати, и воспринимавших обоих поэтов, как литературных соратников, полемика их показалась неожиданной. На самом деле она имела серьезные и глубокие основания, при чем далеко не только личного, биографического порядка.

III

Блок и Белый сблизились в 1903 г. на почве увлечения философией и поэзией Вл. Соловьева. Разрабатывавшееся Вл. Соловьевым учение христианских неоплатоников о потустороннем, «незримом очами» мире «подлинной реальности», осложненное гностическими идеями «Софии-Премудрости», «Мировой Души» и «Вечной Женственности», послужило основной лирической темой молодого Блока. Философия Вл. Соловьева стояла также в центре внимания Белого и его друзей (С. Соловьев, Эллис и др.), составивших в Москве кружок «аргонавтов».

Здесь не место подробно говорить об идейно-философском содержании поэзии Блока периода «Стихов о Прекрасной Даме»; помимо неоплатоников и Соловьева, заметное влияние оказали на молодого Блока философия Канта, идеи нищезанятия и эстетика немецкого «рыцарского» романтизма, воспринятая по преимуществу в ее русском варианте (Жуковский). Но, оставаясь в пределах нашей темы, важно иметь в виду, что соловьевство Блока следует понимать более или менее ограниченно.

Глубоко усвоив провозглашенную Соловьевым мистическую идею «Вечной Женственности» — «Души человечества», понимаемой образно «женщиной, религиозно осмысливающей любовь» (А. Белый), и всецело разделяя эсхатологические настроения своих друзей-соловьевцев, Блок в то же время оставался в значительной мере чужд их теократическим увлечениям.

В этом смысле весьма показательны то, что Блок писал еще в июне 1904 г. своему confidentу Евг. Иванову: «Я ни за что... не пойду врачеваться к Христу. Я его не знаю и не знал никогда... Я в этом месяце силится одолеть «Оправ-

дание добра» Вл. Соловьева и не нашел там ничего, кроме некоторых остроумных формул средней глубины и непостижимой скуки. Хочется все делать напротив, на зло. Есть Вл. Соловьев и его стихи — единственное в мире открытие, а есть «Собр. соч. Вл. Соловьева» — скука и проза»⁷. С Соловьев в своих воспоминаниях о Блоке доказывает, что в 1903 г. «его настроение уже заметно менялось, «белая лилия» его поэзии отцветала... к идеям Соловьева он охладел»⁸.

После того, как была написана поэма «Двенадцать», Блок заметил в дневнике, что с «друзьями» его «разделил не только 1917 год, но даже 1905-ый»⁹. Действительно, 1905 год был для Блока годом рубежа. Всем ходом событий он был втянут в круг иных мыслей и настроений, нежели те, что питали его творчество в пору мистико-романтического служения Прекрасной Даме. В «кровавой заре» Порт-Артура, Цусимы и 9-го января Блок увидел «лицо проснувшейся жизни»¹⁰.

Известно, что Блок принял революцию восторженно. К прямым откликам Блока на революционные события относится ряд его стихотворений. В плане биографическом показательное значение имеет тот факт, что Блок, столь далекий от «служения вопросам общественным», принял участие в одной демонстрации и даже нес во главе ее красное знамя¹¹.

Но революционные увлечения Блока сказались не только в написании им стихов на революционные темы и участия его в демонстрациях, а значительно глубже — в сфере его идейно-творческой эволюции. 1905 год поставил Блока перед необходимостью пересмотреть свой творческий метод. Тема «Прекрасной Дамы» оказалась исчерпанной, дальнейшие вариации ее были бы только повторением сказанного. Тогда же «нашли себе исход» те «приступы отчаянья и иронии», о которых Блок писал в автобиографии. Ироническое переосмысление мистики соловьевского толка на целый период стало новой основной лирической темой Блока (стихи второго тома и особенно драматургия — «Балаганчик», «Незнакомка»).

В «Балаганчике» мистика осмеяна и унижена. Здесь Блок пародировал «эзотерический» жаргон мистиков. Белый и С. Соловьев восприняли иронию и пародию Блока, как личную обиду. С. Соловьев даже узнал самого себя в одном из карикатурных мистиков «Балаганчика». Для этого были некоторые основания. Известно, что Блоку претил тот внешне шутовской, но по существу глубоко мистический культ Прекрасной Дамы — Л. Д. Блок, который учредили в Шахматове его друзья; известно, что Блок с самого начала тяготился тем искусственным стилем «истерической» дружбы, который установился по почину Белого в их переписке и при личных встречах. Блок умел иронически, «двойственно» относиться к любому маскараду, в том числе и мистическому, и даже философской терминологией пользовался более чем вольно, называя свою тещу «субстанцией в Спинозовском смысле» — к искреннему возмущению С. Соловьева.

И совершенно неубедительны старания Белого доказать в мемуарах, что полемика его с Блоком была не чем иным, как борьбой с блоковской мистикой: «Факт: по мнению многих, — Соловьев и Белый тащили невинного Блока в невинницу; корень же «при» между нами: Блок нас усадил в неразбериху «свою»¹². Сущность полемики здесь искажена: Белый и С. Соловьев нападали на Блока за его «измену» заветам соловьевства, за то «попирание заветных святынь», которое сказалось в творчестве Блока в 1905 — 1906 гг.

У С. Соловьева есть стихотворение, обращенное к Белому:

Кто не плевал на наш святой алтарь?
Пора признать, мы виноваты оба:
Я выдал сам, неопытный ключарь,
Ключи *его* * пророческого гроба.

* Вл. Соловьева. — *Вл. О.*

АЛЕКСАНДР БЛОК

Фотография 1907 г. с дарственной надписью Андрею Белому
Собрание К. Н. Бугаевой, Москва

И вот заветная святыня та
Поругана, кощунственно открыта
Для первого нахального шута...

Каких орудий против нас с тобой
Не воздвигала темная эпоха?..
Глумленье над любимую мечтой
И в алтаре — ломанье скоророха!¹³

Стихи эти, явно направленные в адрес Блока, дают представление о том пафосе, с каким соловьевцы нападали на автора «Балаганчика».

В рецензии на второй сборник стихотворений Блока «Нечаянная Радость» Белый, указав, что в «Стихах о Прекрасной Даме» тема поэта была «глубокая», а цель его «значительная», писал следующее:

«Вдруг он все оборвал...

В драме «Балаганчик» горькие издевательства над своим прошлым. Последнее время злоупотребляли плохо понятой гностикой — это правда. Но правда и то, что издевательством не опровергнешь ни Платона, ни Плотина, ни Гёте, ни Данте. Ожидания могут быть неуместны. Но проблема остается проблемой. Она не терпит издевательства.

И вот во втором сборнике мы узнаем, что «Прекрасная Дам» не путешествует на пароходах¹⁴. Вместо «сиянья красных лампад»¹⁵ мы видим болотных чертенят, у которых «колпачки задом наперед»¹⁶. Вместо храма — болото, покрытое кочками, среди которого торчит избушка, где старик, старуха и «кто-то» для «чего-то» столетия тянут пиво»¹⁷. Нам становится страшно за автора. Да ведь это не «Нечаянная Радость», а «Отчаянное Горе»!..

Но, сбросив с себя идейный балласт, поэзия А. Блока расцвела махровым пышным цветком! Темы настроений утончились, стих стал виргуозней, гибче, роскошней. Прежде нам приходилось спорить с одним известным поэтом, утверждавшим, что «Стихи о Прекрасной Даме» не выражают истинный лик поэта. Поэт оказался прав. «Нечаянная Радость» глубже выражает сущность А. Блока. В этом отношении Блок настолько же выиграл как поэт, насколько он упал в наших глазах, как предвестник будущего, потому что мы предпочитаем оставаться при загадках, загаданных мудрецами (пусть не решенных, но требующих от нас жизни для решения), нежели при издевательствах (хотя бы и поэтических, прекрасных) над этими загадками»¹⁸.

Эта рецензия дает представление о принципиальной основе полемики Белого с Блоком, о направлении этой полемики, но она еще достаточно сдержана по тону и продиктована желанием «перевоспитать» Блока, вернуть его в лоно соловьевства. Это еще не вражеский выпад, а скорее дружеское предупреждение. В дальнейшем полемика нарастала crescendo. В мае 1907 г. Белый пишет рецензию на альманах «Цветник Ор», объединивший на своих страницах поэтов группы Вяч. Иванова — Блока — Чулкова. Здесь Белый уже с полной резкостью ставит вопрос о петербургском понимании задач современного искусства, враждебном духу и целям истинного символизма. О Блоке он пишет следующее: «Он неустанно кощунствует. В «Цветнике» его кощунство вызывает только зевоту — не более. Как это жаль! Жаль поэта! Сначала он выдвинул своих «дурачков» в пику Прекрасной Даме, которую хотел отправить на пароход. Потом обругался «Балаганчиком»: тут влетело и мистике, о которой поэт судит столь странно, что возникает сомнение в том, имеет ли он какое-либо представление о ней»¹⁹.

IV

В годы реакции Блоком овладело «неотступное чувство катастрофы», чувство неизбежной и близкой гибели буржуазного мира. Именно в это время крепнут антибуржуазные, антикапиталистические настроения Блока и оформляется

его «народолюбие», выражавшееся, по его собственным словам, в форме «очень отвлеченных оправданий в духе кающегося дворянина»²⁰. В 1906—1907 гг. Блок старается преодолеть в себе психологию декадентства и эстетического индивидуализма, ищет «простоты, здорового труда и вольных дум». В малоизвестной статье «О современной критике» он писал, как об «одном из очень характерных явлений эпохи», о «встрече» «реалистов» и «символистов». «Символисты идут к реализму, — писал Блок, — потому что им опостылел спертый воздух «келий», им хочется воздуха, широкой деятельности, здоровой работы. В этом есть что-то родственное «схождению в народ» русских интеллигентов»²¹.

В ряде статей 1907 г. («О реалистах», «О лирике», «О драме», «О современной критике», «Литературные итоги») Блок коренным образом пересматривает свое отношение к современной русской реалистической литературе, которую вожди декадентства ставили вне границ «подлинного искусства». «Думаю, — пишет Блок, — что теперь пора встретиться лицом к лицу со многими писателями из тех, к кому прежний полемический задор и тяжелые условия действительности заставляли поворачивать спину»²². Нельзя забывать, что Блок единственный из символистов высоко расценил роль и значение М. Горького: «Если есть это великое, необозримое, просторное, тоскливое и обетованное, что мы привыкли объединять под именем Руси, — то выразителем его приходится считать в громадной степени Горького»²³. О творчестве писателей-знамевцев Блок писал: «Эта литература нужна массам, но кое-что в ней необходимо и интеллигенции. Полезно, когда ветер событий и мировая музыка заглушают музыку отсрванных душ и их сокровенные сквознички»²⁴.

Не следует делать из этих заявлений слишком прямолинейных выводов. Но тем не менее тяготение Блока к писателям-реалистам, желание его прислушаться к «ветру событий» весьма показательны в смысле выяснения его идейно-творческой эволюции. С точки зрения ортодоксальных символистов это было изменой и «попиранием святынь». Из приведенного ниже письма Белого Блоку видно, как остро воспринял он статью «О реалистах».

Здесь нужно сделать следующее замечание. Белый был также в известной мере заражен пафосом отрицания капиталистической культуры, он так же искал выхода из круга декадентских мыслей и чувств. Политически Белый был настроен в годы реакции достаточно радикально. В 1907 г. было уже написано большинство стихотворений, составивших книгу «Пепел», некрасовская «тенденциозность» которой смутила даже ближайших друзей Белого. Но при всем этом Белый не сдавал своих идеалистических позиций, оставался ортодоксальным хранителем заветов соловьевства, не допускал ни малейшей ревизии символистской программы, отказывал реалистической литературе в правах «искусства» и философское обоснование теории символизма пытался дать на почве неокантианства. Такие парадоксальные противоречия, попытки примирить непримиримое — мистику с радикальными идеями — характерны для всей литературной биографии Андрея Белого²⁵.

Параллельно публицистическим и литературно-критическим выступлениям Блока Белый в 1907—1908 гг. в ряде статей, помещенных в «Весак», широко развернул защиту разработывавшейся им в свете положений и выводов неокантианской философии (Риккерт, Ласк) теории символизма.

«Перед нами лежит задача разработки вопросов искусства в свете современной философии», — писал он. — «Дается возможность облечь проповедь символизма броней несокрушимых методов. Но разве подзревают все это современные эпигоны символизма, занятые поставкой на рынок неореалистических свистулек? Разве интересно им знать, что «красивые» афоризмы Ницше (которые они по обязанности, с зевком, читали) не только красивы, а во многих отношениях убийственно верны! Что вопрос о ценностях в свете школы Риккерта и Ласка становится центральным вопросом и символизма, и теоретико-познавательных выводов?..

Символизм, это — знамя, вокруг которого должны отныне группироваться все силы, борющиеся за высоту искусства, за те, всем нужные, тайны мудрости, которые заключены в творчестве. Символизм — кульминационная точка роста искусства: отклонения вправо и влево в настоящее время ведут к профанации творчества. И не «п е в ч и м п т и ц а м»²⁶, не провокаторам символизма, вроде гг. Чулковых, колебать достоинство русского символизма»²⁷.

Полемика Белого и Блока развивалась в следующем направлении. Белый требовал верности заветам символизма, переключая их в плоскость идеалистической философии; Блок же, преодолевая идеологию декадентства, готов был, вместе с тем, отказаться от наследия символизма, бывшего в известной мере художественной формой этой идеологии.

Разумеется, было много приводящихся моментов, осложнивших отношения между Блоком и Белым и углубивших их идейное расхождение. Одним из таких — по существу приводящихся — моментов была также и дружба Блока с Вяч. Ивановым и Г. Чулковым, выступившими с проповедью идей «соборности» и «мистического анархизма», в которых Белый усматривал главную опасность «провокации» и «профанации» символизма.

«Мистический анархизм» Блока — понятие условное. В поисках выхода из символистских «келий», с их «спертым воздухом», Блок заинтересовался идеей «мистического анархизма», но отношение его к этой идее с самого начала было настороженное и критическое. Очень быстро Блок убедился в том, что «мистический анархизм» является одним из очередных проявлений ненавистного ему «мистического шарлатанства», и в решительной форме снял с себя всякую ответственность за эту невразумительную «теорию».

V

Пятнадцать лет спустя Г. Чулков охарактеризовал «мистический анархизм», как «попытку идеологически обосновать романтический опыт переоценки ценностей», — попытку, сделанную теми, «кто полусознательно вошел в круг предчувствий, связанных с первым революционным взрывом 1905—1906 гг.»²⁸. По словам Чулкова, «мистический анархизм» был «бунтом во имя утверждения личности, ее независимости, ее «свободы», «осознанием «кризиса индивидуализма», «криком о крушении западной цивилизации». В этом есть доля истины: идеи Чулкова в известной мере служили выражением чувства смятения и растерянности, овладевшего в годы реакции значительной частью русской буржуазной интеллигенции. В своей нашумевшей книжке «О мистическом анархизме» (1906) Чулков, пользуясь его позднейшей терминологией, ставил вопрос об «утверждении личности в общественности», поскольку «личность не может утверждать себя в своей оторванности от мира». Он призывал «мистических анархистов» принять участие в решении социально-политических проблем современности и даже сближал свою программу с социалистическими идеями: «Быть может [социалисты] из всех не переступивших грани мистицизма самые нам близкие люди, поскольку они искренно ненавидят собственность!». В конечном счете, однако, все рассуждения Чулкова сводились к такой махровой мистике, что гораздо законнее было бы назвать его теорию не «мистическим анархизмом», а «анархическим мистицизмом» с ударением на последнем слове. «Старый буржуазный порядок, — писал Чулков, — необходимо уничтожить, чтобы очистить поле для последней битвы: там, в свободном социалистическом обществе, восстанет мятежный дух великого человека — Мессии, дабы повести человечество от механического устройства к чудесному воплощению вечной премудрости»²⁹.

Не трудно убедиться, что «мистический анархизм» Чулкова и являющаяся «ближайшим определением» его идея «непрития мира данного во имя мира, долженствующего быть», выдвинутая Вяч. Ивановым³⁰, не имели ничего общего с социально-политической доктриной анархизма бакунинского или кропоткинського толка. На это указывали, впрочем, сами авторы «мистического анархизма». Вяч.

Иванов придавал термину «мистический анархизм» резко разграничительное значение в отношении, с одной стороны, «тех, кто называет себя анархистами, не делая последних выводов из своего же лозунга, а подчас и первых соображений о смысле анархии, как идеи метафизической», и, с другой стороны, «тех религиозных мыслителей, которые думают, что мистика ancilla theologiae и что можно быть мистиком, не утвердив прежде всего своей неограниченной внутренней свободы»³¹.

В то же время, отвечая на обвинения в эклектической путанице своей программы, в «оксиморности» самого термина «мистический анархизм», Вяч. Иванов писал: «Истинные анархисты не могут бояться, что их идея, в смысле конечного идеала их чаяний, будет ограничена в своей полноте тем или иным сочетанием с мистикой. Мы думаем напротив, что такой союз единственно ее оправдывает и утверждает до конца»³². Аргументация данного положения была слабейшим местом рассуждений Вяч. Иванова; точнее сказать, аргументации никакой не было, она заменялась громкими, но совершенно голословными утверждениями, вроде того, что «не трудно доказать, что мистика, будучи сферой последней внутренней свободы; уже анархия», или «истинный мистик уже есть eo ipso личность безусловно автономная», «равно как идея безвластия есть уже мистика».

Органом «мистических анархистов» был альманах «Факелы», задуманный Г. Чулковым еще в 1905 г., после прекращения журнала «Вопросы Жизни»³³. Всего вышло три выпуска альманаха (I — 1906, II — 1907, III — 1908) со смешанным составом участников: на ряду с сотрудниками прекращенных «Вопросов Жизни» (Вяч. Иванов, Блок, Сологуб, Чулков, Ремизов), в «Факелах» печатались посторонние символизму писатели (Л. Андреев, Сергеев-Ценский, Зайцев); в первом выпуске еще приняли участие Брюсов и Белый³⁴. В своих воспоминаниях Г. Чулков пишет, что «этот литературный эклектизм должен был... подчеркнуть, что «Факелы» представляют вовсе не какую-нибудь поэтическую школу, а объединяют ревнителей разных школ на одной идейной теме»³⁵.

Полемика, разгоревшаяся вокруг «Факелов» и статей Г. Чулкова и Вяч. Иванова, была крайне шумна и ожесточенна. На «мистический анархизм» нападали со всех сторон — и московские символисты (группа Брюсова и Белого), и «религиозные философы» (группа Мережковского — З. Гиппиус), и народники, и новоремзенцы, и мелкие фельетонисты бульварной прессы. Особенной резкостью отличались нападения московских символистов и, в первую очередь, А. Белого (участие самого Брюсова в полемике было незначительным). Москвичи усмотрели в «мистическом анархизме» попытку образования новой литературной школы. Так оно и было на самом деле, несмотря на благонамеренные оговорки Чулкова: «Мистический анархизм не противопоставляет себя декадентству как литературной школе, но он должен и может противопоставить себя декадентству как психологическому факту»³⁶. «Мистические анархисты» вели атаку на представителей «старого декадентства», равно на «парнасцев» (Брюсов) и на «богословствующих декадентов» (Мережковский, З. Гиппиус) по всем линиям. Исходя из констатации кризиса неокантианского идеализма и индивидуалистических концепций Ницше и Шопенгауэра, они пытались построить некую положительную эстетическую и литературную программу. Именно в порядке обоснования этой программы и выдвигались принципы «мистического реализма» и «мифотворчества». В декларативной статье 1907 г. «Молодая поэзия» тот же Г. Чулков прямо писал о «новом литературном течении, возникшем после «Весов» и связанном, в первую очередь, с именами Вяч. Иванова и Александра Блока».

Чулков утверждает, что Блок сначала искренно примкнул к «мистическому анархизму» и только потом «под влиянием всеобщей травли — смутился и отступил»³⁷. Это неверно. Блок не отступил под влиянием травли, а с самого начала относился к идеям Чулкова и Вяч. Иванова более чем сдержанно.

Уже в июле 1906 г. Блок пишет Чулкову: «Почти все, что вы пишете, принимаю отдельно, а не в целом. Целое (мист[ический] анархизм) кажется мне не-

выдерживающим критики, сравн[ительной] с частностями его; его как бы еще нет, а то, что будет, может родиться в другой области»³⁸. Через год, в июне 1907 г., он пишет Чулкову же: «Я все больше имею против мистич[еского] анархизма»³⁹. В конце июля он записывает в записной книжке: «Мистический анархизм. А есть еще телячий восторг. Ничего не произошло — а теленок безумствует»⁴⁰. К августу 1907 г. относится переписка Блока с Белым, приведенная ниже. Отчасти под влиянием писем Белого он записывает: «Действительно, с мистическими анархизмами в литературу проникла какая-то негодная струя. Отношение к культуре не бережно»⁴¹ и тогда же пишет письмо в редакцию журнала «Весы», в котором решительно отмежевывается от «мистического анархизма».

VI

В августе 1907 г. Блок счел нужным объясниться с Белым и отправил ему из Шахматова большое письмо. Но, прежде чем привести это письмо, нужно сказать несколько слов о конфликте Брюсова и его группы с издателем «Золотого Руна» Н. Рябушинским. Брюсов, озабоченный судьбой своего органа — журнала «Весы», — с первых же дней издания «Золотого Руна» принял все меры к тому, чтобы удержать журнал Рябушинского в направлении собственной ориентации. Однако, вскоре же он поссорился с Рябушинским, который, по словам Белого, «просунул свой нос в компетенцию Брюсова»⁴². Уйдя из «Золотого Руна», Брюсов настоял на том, чтобы Белый остался сотрудником этого журнала («чтоб туда не внедрили враги», пишет Белый). Рябушинский даже предложил Белому занять место редактора литературного отдела вместо С. Соколова-Кречетова, также «разругавшегося» с Рябушинским и основавшего собственный журнал «Перевал». Белый, в свою очередь, по соглашению с Брюсовым, предъявил Рябушинскому ультимативное требование «невмешательства в литературную тактику» и предоставления ему и Брюсову права veto в отношении подбора сотрудников и помещения литературного материала. Пока тянулись переговоры, произошло столкновение Рябушинского с мелким литератором А. Курским, временно исполнявшим обязанности заведующего литературным отделом «Золотого Руна». В результате этого конфликта, по словам Брюсова в письме к Ф. Сологубу от 31 августа 1907 г., «выяснилось окончательно, что отношения Рябушинского к своим сотрудникам и к писателям вообще таковы, что исключается возможность участия в его журнале для людей, себя уважающих»⁴³. Белый, возмущенный поведением Рябушинского, написал ему резкое письмо — «с вызовом: с него достаточно чести журнал субсидировать; он, самодур и бездарность, не должен в журнале участвовать»⁴⁴.

По словам Белого, это письмо и было причиной его окончательного разрыва с «Золотым Руном». Из письма же Брюсова к Сологубу выясняется, что конфликт Белого с Рябушинским имел дополнительные причины: Белый просил поместить в «Руне» свое «Письмо в редакцию» — в ответ на нападки Вольфинга (Э. К. Метнера), полемизировавшего со статьей Белого «Против музыки». Рябушинский сперва отказал Белому в его просьбе, а позднее согласился, но при условии, что Белый вернется в «Золотое Руно». Когда же письмо Белого появилось в «Перевале», Рябушинский печатно оклеветал Белого, после чего Белый и Брюсов окончательно разорвали с «Золотым Руном», а одновременно с ними Мережковский, З. Гиппиус, М. Кузмин, Ю. Балтрушайтис и М. Ликиардопуло⁴⁵. Потеря таких видных сотрудников, как Брюсов, Белый, Мережковский и Гиппиус, естественно, заставила Рябушинского установить новые связи, и, конечно, в первую очередь он обратился к писателям враждебного Брюсову и Белому лагеря — к группе петербургских символистов — Блоку, Вяч. Иванову и «нейтральному» Ф. Сологубу (цитированное выше письмо Брюсова к Сологубу характерно именно, как попытка «перетянуть» Сологуба на свою сторону).

В четвертой книжке «Золотого Руна» за 1907 г. появилось следующее извещение:

Милому брату
в знак дружбы и
руки моей сестры.
Здоровья, богибачей.

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

Фотография 1906 г. с дарственной надписью Александру Блоку
Собрание Л. Д. Блок, Ленинград

ОТ РЕДАКЦИИ

Вместо упраздняемого с № 3-го библиографического отдела редакция «Золотого Руна» с ближайшего № вводит критические обзоры, дающие систематическую оценку литературных явлений.

На ведение этих обзоров редакция заручилась согласием своего сотрудника А. Блока, заявление которого, согласно его желанию, помещаем ниже⁴⁶.

В заявлении своем Блок писал, между прочим, следующее: «Для того, чтобы успеть отметить своевременно все ценное, я намереваюсь объединить в каждом из первых очерков максимум того, что мне представляется возможным объединить. Так, я думаю, можно говорить о современном реализме, охватывая большой круг очень разнообразных писателей». Реализацией этого плана и явились статьи Блока: «О реалистах», «О драме», «О лирике», «Литературные итоги 1907 года» и статья «О современной критике», по случайным причинам напечатанная не в «Золотом Руно», а в газете «Час».

В своих мемуарах Белый дает такое освещение этому эпизоду:

«Руно»... повернулось к мистическому анархизму; нам в пику «мешок» [Рябушинский. — В.О.] пригласил редактировать Блока; и Блок, не учтя, что наш выход есть общее задание писателей в деле борьбы с обнаглевшим купчиной, идет на условия, мною отвергнутые (я считал их позорными); так петербуржцы ввалились в позиции, нами очищенные; в один день изменилась программа журнала, который теперь стал «народно-соборно-мистическим».

Блок?

С той поры каждый номер «Руна» посвящен его смутным «народно-соборным» статьям, переполненным злостью по нашему адресу и косолапым подшарком по адресу... Чириковых; все — «народушко», мистика, Телешев, Чириков, только — не Брюсов, не Белый...

Блок оказался штрейкбрехером.

С Брюсовым мы все же тцились журнал упорядочить путем обуздывания Рябушинского; Блок же использовал нашу борьбу с Рябушинским, чтоб нам насолить, объясняя аферу «идейными соображениями», делая вид, что ему неизвестен наш взгляд на конфликт; вспомнились слова В. Я. Брюсова мне:

— Блок, Иванов, Чулков, вы, Сергей Городецкий — одно: в борьбе с хамом, с мешком золотым...

Но Иванов и Блок посмотрели на дело иначе: пошли в «услужение» к хаму, глядевшему на редактировавших как на «служащих».

Я разразился посланием к Блоку, который ответил мне... вызовом. Стало быть я попал-таки в цель с обвинением в штрейкбрехерстве и с упором на то, что они в социальной борьбе против капиталиста нарушили этику⁴⁷.

Поразительны пристрастность и несправедливость этого рассказа. Во-первых, статьи Блока в «Золотом Руно» совершенно не служили целям пропаганды или защиты идей «мистического анархизма», также ни в одной из этих статей Блок не вступал в полемику с Белым и другими антагонистами Чулкова. Во-вторых, Белый существеннейшим образом искажает истинное положение вещей, утверждая, что его необычайно резкое письмо Блоку, на которое тот ответил вызовом на дуэль (письмо это приведено ниже, вторым по счету), было продиктовано морально-этическими соображениями борьбы с капиталистом Рябушинским и содержало обвинения Блока в «штрейкбрехерстве». Удар Белого был направлен совсем в иную сторону — на статью Блока «О реалистах», которая была названа Белым «прошением», т. е., иными словами, Белый обвинял Блока в заискивании из тактических соображений перед писателями враждебного символизму лагеря. И, наконец, не имеется данных, которые свидетельствовали бы о том, что Рябушинский предъявил Блоку какие-то особые условия в смысле контроля над его писаниями.

Из сказанного видно, каковы были внешние обстоятельства, осложнившие и без того сложные отношения Блока и Белого.

Привожу письмо Блока к Белому:

6. VIII 07

Многоуважаемый и дорогой
Борис Николаевич.

За последние месяцы я очень много думал о Тебе, очень внимательно читал всё, что Ты пишешь, и слышал о Тебе от самых разнообразных людей самые разнообразные вещи. Повидимому и Ты был в том же положении относительно меня; в виду наших прежних отношений и того, что мы оба служим одному делу русской литературы, я считаю то положение, которое установилось теперь, совершенно ненормальным. Не только чувствую душевную потребность, но и считаю своим долгом написать Тебе это письмо.

Начну с того, что было последней побудительной причиной. Тастевен⁴⁸ сейчас написал мне те условия, на которых Ты согласен возвратиться в «Зол[отое] Руно». Первое: чтобы «Руно» перестало опираться на группу. Идейное значение которой равно нулю». Я не понимаю, какую группу Ты разумеешь; «Руно» определяет ее чисто внешним образом: «петербургские литераторы» и понимает под этим в данный момент Вяч. Иванова, Городецкого и меня. Если Ты считаешь, что эти трое и внутренним образом составляют группу, и ищешь в ней значения, как в «группе», то Ты жестоко ошибаешься; впрочем, я буду говорить только о себе и только за себя, ибо в последнее время всё менее и менее чувствую свое согласие с кем бы то ни было и предпочитаю следовать завету — оставаться самим собой. Между тем, собрав отзывы обо мне из Твоих статей и заметок в «Весах», «Перевале» и Киевском журнальчике⁴⁹, я увидал, что Ты: 1) противоречишь себе на каждом шагу, а именно: называя меня одним из «корифеев русской литературы» (название, конечно, злое и ироническое)⁵⁰ и намекая на мою «скромность и честность»(?)⁵¹, находишь в моих стихах «идиотское»⁵² (вяжется ли это с «корифейством»?); говоришь, что я «неустанно кощунствую»⁵³ и что я хвалю Чулкова за то, что он меня похвалил (где же тогда честность? Где Ты прочитал, что я его хвалю, или как мог счесть за похвалу цитированье одного удачного стихотворения? Уж не думал ли Ты, что я его называю «светловзором»?)⁵⁴.

2) Исходя из понятия ненавистного Тебе «мистического реализма», Ты наклеиваешь на меня этот ярлык, с которым я ничего общего не имел и не имею, и с этой точки зрения критикуешь меня, уверяя, что я «описываю крендель булочной так, что волосы становятся дыбом»(?) и что я хуже Чехова (утверждение справедливое, но странное)⁵⁵.

Имею ответить на всё это следующее:

1) Критику на свои произведения и критику самую строгую хочу слушать и хочу ею руководствоваться.

2) С «мист[ическим] реализмом», «мистическим анархизмом» и «сборным индивидуализмом»⁵⁶ никогда не имел, не имею и не буду иметь ничего общего. Считаю эти термины глубоко бездарными и ровно ничего не выражающими. Считаю, что мистический анархизм был бы давно забыт, если бы все Вы его не раздували так отчаянно.

3) Критики, основанной на бабьих сплетнях (каковую позволила себе особенно Зин. Гиппиус в статье о «Перевале», по пов[оду] меня и Чулкова) — не признаю. Считаю, что такая критика должна оставаться на совести ее сочинителя⁵⁷.

4) Не считаю допустимым намеков на личные отношения в литературной полемике.

5) К Георгию Чулкову имею отношение, как к человеку и возмущаюсь выливанием помоев на голову его, как человека. Считаю это непорядочным. Вяч. Иванова ценю, как писателя образованного и глубокого, и как прекрасного поэта, мировоззрение же его («мифотворчество»)

воспринимаю, как лирику. Сергея Городецкого ценю, как прекрасного поэта. Твои произведения высоко ценю и со многими из Твоих принципов соглашаюсь.

6) Построением философских и литературных теорий сам не занимаюсь и упираюсь и буду упираться твердо, когда меня тянут в какую бы то ни было школу.

7) Думаю, что все до сих пор написанные мной произведения, которые я считаю удачными (а таковых немного), — символические и романтические произведения.

8) Считаю, что стою на твердом пути и что всё написанное мной служит органическим продолжением первого — «Стихов о Прекрасной Даме». В виду этого, не понимаю Твоего отношения к моей литературной деятельности, поскольку Ты считаешь мои новые произведения не связанными с прежними.

9) Упрек в кощунстве принимаю только ограниченно, считая, что все мы повинны в нем, и я не более остальных. Никакого «оргиазма» не понимаю и желаю трезвого и простого отношения к действительности.

Что касается второго условия, которое Ты поставил З[олотому] Руна, я не понимаю, почему Ты требуешь себе и В. Я. Брюсову права veto, которого нет у «петербургских» литераторов». Я считаю, что было бы справедливым иметь равные права обоим лагерям, если это действительно реальные, а не бутафорские лагеря, в чем я сомневаюсь.

Считаю долгом сообщить Тебе, что я принял приглашение «Зол[отого] Руна» вести критич[еский] отдел независимо ни от кого, и ничьих влияний и давлений испытывать несогласен. Считаю, что по отношению к людям я minimum имею право требовать от них честного и прямого к себе отношения — и обязанность — учиться у них тому, чего во мне недостает. Maximum'ов, т. е. любви, комплиментов и проч. (что часто связано с незаметным насаживанием на плечи) я не только не требую, но часто избегаю, ибо считаю себя достаточно сильным, чтобы быть одним.

Прошу Тебя ответить мне на это письмо. На Твои вопросы я готов отвечать. Что касается журнальной полемики, то я считаю своим неприятным долгом (потому что полемика, по моему, слишком мелочна и ставит в тупик читающую публику) кратко высказаться в post-scriptum'e одной из моих критич[еских] статей в «З[олотом] Руна»⁵⁸.

В заключение прошу Тебя, хотя бы кратко указать мне основной пункт Твоего со мной расхождения. Этого пункта я не улавливаю, ибо, повторяю еще раз, к новейшим куцым теориям отношусь также, как Ты.

Жму Твою руку.

Александр Блок

Адрес мой до 15 августа: Н. ж. д. ст. Подсолнечная, С. Шахматово.

VII

Между тем, Белый, независимо от письма Блока и, как видно, до получения его, отправил Блоку в Шахматово следующее резкое письмо:

Милостивый Государь

Александр Александрович,

спешу Вас известить об одной приятной для нас обоих весте. Отношения наши обрываются навсегда. Мне было трудно поставить крест на Вашем внутреннем облике, ибо я имею обыкновение серьезно относиться к внут-

ренной связи с той или иной личностью, раз эта личность называет себя моим другом. Потому то я и очень мучался, хотел Вас привлечь к ответу за многие Ваши поступки (что было неприятно и для меня и для Вас). Я издали продолжал за Вами следить. Наконец, когда Ваше «Прошение», *parдон*, статья о реалистах, появилась в «Руне», где Вы беззастенчиво писали о том, чего не думали, мне всё стало ясно. Объяснение с Вами оказалось излишним. Теперь, мне легко и спокойно. Спешу Вас уведомить, что если бы нам суждено когданибудь встретиться (чего не дай бог) и Вы первый подадите мне руку, я с Вами здороваюсь. Если же Вы постараетесь сделать вид, что мы незнакомы, или уклониться от встречи со мной, это будет мне тем приятнее.

Примите и прочее.

Борис Бугаев⁵⁹

Блок ответил Белому вызовом на дуэль:

Милостивый Государь
Борис Николаевич.

Ваше поведение относительно меня, Ваши сплетнические намеки в печати на мою личную жизнь, Ваше последнее письмо, в котором Вы, уморительно клевета на меня, заявляете, что всё время «следили за мной издали»,— и, наконец, Ваши хвастливые печатные и письменные заявления о том, что Вы только один на всем свете «страдаете», и никто, кроме Вас, не умеет страдать,— всё это в достаточной степени надоело мне.

Оскорбляться на всё это мне не приходило в голову, ибо я не считаю возможным оскорбляться ни на шпиона, выслеживающего меня, ни на лакея, подозревающего меня в нечестности. Не желая, Милостивый Государь, обвинять Вас в лакействе и шпионстве, я склонен приписывать Ваше поведение— или какому то грандиозному недоразумению и полному незнанию меня Вами (о чем я писал Вам подробно в письме, отправленном до получения Вашего), или особого рода душевной болезни.

Каковы бы ни были причины, вызвавшие Ваши нападки на меня, я предоставляю Вам десятидневный срок со дня, которым помечено это письмо, для того, чтобы Вы— или отказались от Ваших слов, в которые Вы не верите,— или прислали мне Вашего секунданта. Если до 18 августа Вы не исполните ни того, ни другого, я принужден буду сам принять соответствующие меры.

Александр Блок

8.VIII. 07.

Н. ж. д. Подсолнечная, С. Шахматово.

Тем временем Белый получил первое письмо Блока (от 6 августа) и в пространном письме дал подробный ответ на все его вопросы. Когда была написана примерно половина этого письма, 11 августа, Белый получил дуэльный вызов Блока и в тот же день отправил ответ. Таким образом, 10—11 августа Белый написал Блоку два письма. Приводим сначала первое из них, начатое 10 августа и посвященное «литературным недоразумениям».

Москва 10-го августа 07 года.

Милостивый Государь
Александр Александрович!

Имею честь ответить Вам на Ваше пространное изложение спорных пунктов наших литературных недоразумений.

Рекомендуя «Руну» не опираться на идейную группу, значение которой есть нуль, я прежде всего разумел неопределенно-расплывчатую группу лиц, прямо или косвенно проповедующих то «многolikoе» миросозерцание,

которое, если глядишь с одного боку, аттестуется «с о б о р н ы м и н д и в и д у а л и з м о м», с другого боку — «э р о т и з м о м», или «мистическим анархизмом». Всё же вместе так вообще в неопределенном и туманном смысле «мистическим реализмом» — он же «мифотворчество». (См. заявление Чулкова в «Товарище», где поставлен знак равенства между мифотворчеством и мист[ическим] реализмом⁶⁰, но ведь и ложь то же мифотворчество). Анализируя весьма поверхностно термин «соборный индивидуализм» (понять точный смысл претенциозной статьи Гофмана⁶¹ нет никакой возможности, ибо это — суп из всех возможных на свете соборностей), мы ничего не усматриваем в нем: все религии мира, если они — продукт мифотворчества, имеют отправной точкой «с о б о р н ы е и н д и в и д у а л и з м ы». Анализировать термин «эротизм» еще бесплоднее. Какой эротизм? В какой трактовке? Все вышеизложенные «и з м ы» суть — кое как сшитые кафтаны из старого хлама (иногда очень ценного): тут и лоскут парчи гностиков, и кусок из хитона, и ситец, и бархат и т. д. + безграмотность философская авторов (Иванова, Чулкова, Гофмана и пр.). Вопрос о методе отсутствует: а методов десятки. И потому все эти новые теории имеют «многозначительный смысл». Многозначительность хороша, когда одним методом (принятым за основной) освещают все иные методологические решения по данному вопросу, но при первом требовании: «Объяснитесь реальнее» — охотно идут на самый строгий анализ. Мистического анархизма нет: существует «настроение», так определяемое. Ну, а ведь только полная безграмотность в области специальной философии (которая, т. е. философия, при желани и преодолевается, но не обходится просто: так было бы легко всё на свете разрешить) — я говорю, только полная безграмотность способна из настроения создать теорию: может быть теория настроений, но не может быть из настроения — теория. Все эти анархизмы, эротизмы и пр. я понимаю, как веяние (хорошее, дурное, необходимое, случайное — это другой вопрос), но из веяния ничего не получается, ничто не преодолевается и т. д.: следовательно и крикливые заявления о преодолении символизма — «вздор», ибо символизм помимо «теории из настроения» способен дать теорию самих переживаний. Мы приглашаем заняться разработкой теории символизма: без этого передается наследство недавнего прошлого. Здесь же, т. е. на почве символизма, решаются проблемы индивидуализма и соборности не на почве легковесного строительства из настроения. Мы говорим: кто же в принципе против соборного творчества, но как это творчество реализовать в пределах существующей исторической фазы человечества? Нам как бы отвечают: «Вы еще не восчувствовали, а мы восчувствовали нечто». Предоставляю область реализации «восчувствованного» области искусства и определенного культа. В последнем случае об опытах реализации скромнее молчать, ибо тут начинается область эзотеризма, область действительной мистерии, а не криков о ней. Да и наконец сильно подозреваю, что и то немногое действительно восчувствованное принадлежит по праву тем, кто в настоящую минуту с полным правом нападают на весь этот вздорный гам (1) на том основании, что нападающие опытнее в сфере восчувствований и серьезнее относятся к действительным ценностям, 2) на том основании, что считают такие слова, какие раздаются кругом, профанацией у них же экспроприированного материала).

Но я уклонился в сторону. Возвращаюсь к основному предмету.

Итак, существует неопределенная группа лиц, которая преодолела все сложности философской мысли, антиномии в области морали и весь еще не разработанный материал, который принесло нам современное и прошлое искусство. Кто же эти герои? Я не понимаю определенно никого,

но я не имею права считать таковым одного Чулкова, ибо он говорит «мы, мы». И ссылается то на Вас, Александр Александрович, то на Иванова, Иванов на Городецкого, Городецкий еще на когонибудь. Итак образуется теплая дружеская компания (в нашем представлении: здесь из Москвы не видно же действительных отношений к тем или иным идеям, а слышен то «дружный гам: «Мы, мы, мы, которые умнее, новее, смелее» и т. д., то гробовое молчание, когда, столкнувшись с тем или иным лицом, пробуешь себе объяснить, как оно в действительности относится к этой литературной провокации).

Далее: направление, которое считает себя на почве чистого символизма и признает всю трудность работы для укрепления своих позиций, представляется отжившим часто лицами, которые обязаны развитием* своих идей этому же направлению. Мы говорим тогда: «Хорошо: вы нас преодо-

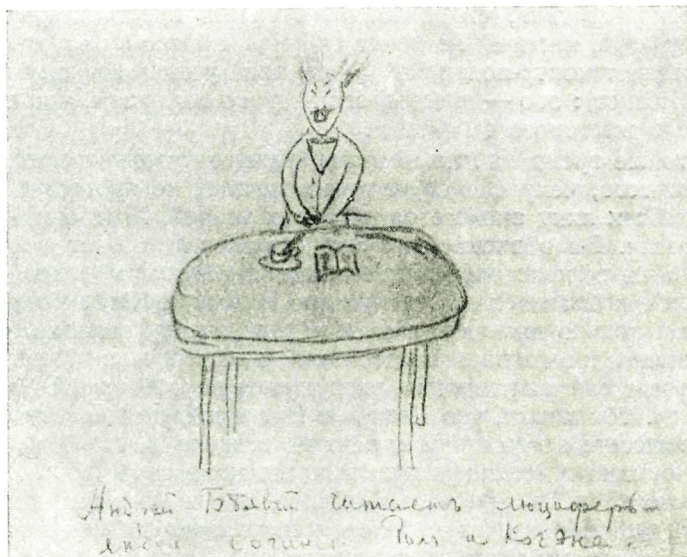

РИСУНОК АЛЕКСАНДРА БЛОКА: «АНДРЕЙ БЕЛЫЙ ЧИТАЕТ ЛЮЦИФЕРЬЯНСКИЕ СОЧИНЕНИЯ РИЛА И КОГЭНА»

Собрание Л. Д. Блок, Ленинград

лели; но ведь ваши исходные пункты в нас, и в этих исходных пунктах вы признаете нас стоящими на верном пути; а мы говорим вам: «Наши позиции еще не защищены от целого ряда вопросов, которые вы игнорируете только потому, что не знаете их. Хорошо: мы перестаем вас считать своими и ставим вас лицом к лицу с действительными врагами: психофизиологией, теорией познания, этикой и т. д. Пишу лишь о теоретическом обосновании того или иного течения, ибо смешно спорить о художественных вещах. Ведь весь спор не в том, кто пишет лучше стихи, а в том, что есть искусство, религия, мистика, философия и т. д. Впрочем иногда кажется, что новейшим сборникам до этого нет никакого дела, т. е. нет дела до культуры: ну тогда какое же право они имеют что либо провозглашать: странно ведь, если кафедру астрономии займет «костромской мужичек». Общее впечатление от новых теоретиков в их споре с культурой за варварство сводится к сле-

* В подлиннике описка: развитию.— Вл. О.

дующему диалогу между астрономом и пьяницей: Астроном: «Земля вертится, это доказал Коперник». Пьяница: «Коперник целый век учился, чтоб доказать земли вращенье. Дурак, зачем он не напился: тогда бы не было сомненья». Статьи в «Факелах» с пресловутым «Как же иначе»⁶², или книга Чулкова о мистическом анархизме, поскольку тут есть вылазки против символизма, производит именно такое впечатление. И потому то серьезной полемики со всем этим вздором быть не может. Поскольку же недисциплинированные умы «так вообще» интересующейся всем новым публики становятся от всей этой путаницы еще недисциплинированнее, постольку тактически приходится бичевать всю эту дикуню неразбериху.

В виду внесения варварской струи в наиболее сложные и еще далеко не ясные вопросы современности, «Весы» (после раздумья, игнорировать им всё это или нет) решили посвятить несколько №№ решительному избиению соборного гама, чтобы потом поставить крест на всем этом «шуме» Петербурга, который не хочет спорить с более культурными соперниками и отвечает контр-полемикой — «шумной рекламой» своих (Чулков, Волошин, Иванов): это — приемы, столь дурно пахнущие, что они заслуживают самого жестокого бичевания.

И в то же время многие из петербуржцев отрешиваются в частных письмах от того, чему они соучастны в печати, не протестуя против причисления себя к лику апологетов вздорных теорий. Хотя бы Вы, Александр Александрович. Вы в письме ко мне отрешиваетесь от всякой школы, а разве Вы не зарегистрированы в мистико-анархисты, когда «Mercure de France» объявляет об этом на всю Европу⁶³. Когда меня не в печати, а в частном только письме причли к мистич[ескому] анархизму, я постарался всячески печатно подчеркнуть о своей полной несолидарности. Впрочем тогда еще анархизм не распустился во всей своей «мажорной пестоте». Мы ждали, что Иванов и Вы, как серьезные люди и художники, не вынесете этого крика и печатно заявите о своей несолидарности с лицами, руками и ногами утаскивающими вас в свой базар слов. Вы этого не сделали. Мы изумлены. Поймите, что и не в терминах тут дело: может быть завтра появится глубокое исследование об «анархизме мистиков»; тогда мы первые подчеркнем это. Пока же перед нами хвастливо машут неоплаченными идейными векселями на громадную сумму. Вот отчего «Весы» раздувают всю эту чепуху; не чепуху раздувают, а подчеркивают спекуляцией идеями, что всегда было нам чуждо. Как могли вторгнуться спекуляторы к нам, всегда идейно гордым. Вот в чем я Вас упрекаю (в потакательстве); я не думаю Вас тащить в школу (я знаю, что Вы идете своим путем). Столь же твердо я знаю, что и я иду своим путем, настолько своим, что не боюсь себя признавать символистом, ибо вопрос о школе есть вопрос об трактовании метода мысли, творчества, а не о субстанции пути, который у художника не может не быть своим. По-моему Вы обязаны заявить печатно о Вашей неприкосновенности к той тенденции, которую Вам навязывают. Иначе получается впечатление, что Вы идете на идейных помощах Георгия Чулкова. И это вовсе не мое мнение, а мнение большинства москвичей из «Переваля» и «Весов». «Весы» с особым интересом следят за Вашим идейным самоопределением, ибо «Весам» более, чем кому либо, дорог Ваш всяческий облик (художественный и идейный). До публичного заявления о Вашей самостоятельности заявления в письмах не имеют цены. С одной стороны частное письмо, где Вы называете «куцыми теоретиками» Ваших друзей, с другой стороны «Mercure de France», провозглашающий о Вашей солидарности с этими «куцыми теоретиками». И «Весы» считают Вас мистическим анархистом.

11 августа (письмо Ваше негодующее получил: ответ отправлен; возвращаюсь к чисто литературной стороне).

Итак я остановился на некоторой двуличности многих из тех, о которых заявляет Чулков: «Мы, мы, мы», по отношению и к Чулкову, и к противникам Чулкова. Почему мистических анархистов нет, а мистический анархизм есть? Или потому, что нет теории, а просто людей подмывает к хаотизму. Почему эти фокусы с превращениями: целил в анархиста, а он оказался просто умным, симпатичным Иваном Ивановичем? Почему 10 Иванов Ивановичей, милых каждый в отдельности, в целом образуют нечто инстинктивно отталкивающее? Если Брюсова, например, отталкивает общая некультурность, профанация и т. д., то меня помимо всего отталкивает нечто инстинктивно враждебное (мистически враждебное) во всем этом «несущем» течении. Я вижу здесь еще робкую зарю грандиознейшего мистического хулиганства и вторгательства безусловно враждебных сил: и эта моя ненависть к еще не рожденной (но в потенции глубокой) теории коренится в очень глубоких моих убеждениях, что эта теория пойдет наперерез моим святым заветам о мистике, как пути свободном и ценном в противовес грядущей мистике спиритической (мистике одержимости), соблазнительной и неминуемо ведущей к провалу души (изнутри) и к порнографии (извне). Если же глубоких еще неосознанных черт нерожденной доктрины не существует в общем духе Петербурга, если отречение от «своих» только показатель внутреннего холода, то я не могу не подзревать бессознательного или даже сознательного (у Чулкова) шарлатанства; и когда я анализирую, в чем же основа этого шарлатанства у крикунов (вроде Чулкова, Гофмана и пр.), я начинаю думать, что это — карьеризм. Тогда зачем же Вы все потакаете? Отчего не отрещиваетесь? Или я старомоден во всей своей серьезности, и Вы просто смеетесь над людьми, всерьез принимающими * провозглашение несущей доктрины, однако же осуществленной в целой книге (Факелы). Объясните мне всё это, Александр Александрович: я тут ровно ничего не понимаю.

Вам Эллис⁶⁴ пишет: «Чулков хулиган». Это резко, но я понимаю Эллиса. Человек глубоко образованный в вопросах общечеловечности (специалист финансового права, знаток Маркса, Родбертуса, Лассалля), сам сломавший свою жизнь над одной общечеловечностью и вторично переживающий трагедию индивидуализма⁶⁵, имеет право детские «свистульки» вроде соборного индивидуализма и прочего называть свистунством и хулиганством. Вы в ответ полу-соглашаетесь с ним. Это приводит его в вящее негодование. Он спрашивает себя, почему же Вы ногами и руками не отрещиваетесь. Он пишет Вам (правда) резкое письмо, но идущее от действительного знания и переживания: Вы в ответ становитесь на формальную точку зрения⁶⁶. Вы или глухи, не понимаете подлинности его негодования (Вы ведь не изучали год а то, над чем он сломал голову). Или Вы думаете, что и тут «клеветничество». Другой случай со мной: по совершенно иным мотивам, мне так важно было себя и Вас проверить: я полтора года кричу Вам то письмами, то просто внутренним обращением к Вам: «Пойми же, пойми: ведь не личные отношения только в основе моего недоверия, непонимания Тебя!». Если цель всего — Балаган-«чик», то ведь кажущиеся совпадения в самом главном — обман; а я хотя и разбился от ряда ошибок, но я не предал последнего: я знаю, я верю. И Вы — молчите. Наконец я теряю голову, пишу <....>⁶⁷ обвинения против Вас в Вашем поведении относительно 1) меня и Вас (в нашем личном), 2) в отношении нас троих. Вы — ни звука. Я из целой совокупности непонятого наконец пишу резко, быть может вовсе несправедливо, но от искреннего непонимания. Вы

* В подлиннике описка: принимающих. — Вл. О.

вместо ответа или играет молчанием, или вдруг вызывает меня на дуэль, находите во мне клеветничество! Или это система, метод, или мы с разных планет: но мне думается, что я более способен понять мимику португальца, объясняющегося по русски, чем Вас, которого так долго считал «близким».

Я пишу о Вас лишь как о примере какого то расхождения Петербурга и Москвы в самом интимном и сокровенном; неудивительно, что и во внешнем это сказывается во всей полемике нас, москвичей, против Петербурга. «Мистических анархистов нет» — да: но тенденция мистическая очень враждебная, неуловимая, как неуловим «чорт с хвостом, как у датской собаки»⁶⁸, есть. Вы пишете: зачем раздувать несуществующее; я, Брюсов, Эллис, Соловьев и многие другие в Москве полагают обратное: потому то и следует раздувать, что «новейшая тенденция» неуловима. О холере поздно горевать, когда она уже пришла: раз есть основание полагать возможность ее появления — следует произвести строжайшую дезинфекцию. И если наша дезинфекция есть «клевета», намеки на «личное» — Христос с Вами: Вы глубоко ошибаетесь. А если Вы настаиваете, мы говорим: «Значит во что то попали». И недаром столь разные люди сходятся на нелюбви ко всей этой закваске Петербурга. Непроста это.

Сейчас весь вечер говорил с А. Мейером⁶⁹. Вот первый человек, который, отстаивая тенденцию, еще скрытую в Петербурге, говорил дельные вещи, хотя и безусловно мне враждебные. Вот если бы Вы все писали, как он говорит (у него есть и философская эрудиция и способность теоретизировать). Вы же все в статьях ужасные путаники: читаешь и не знаешь, где, что и о чем. То глубина переживания, а рядом философская наивность, а то (рядом же) апелляция к туману, «большим кораблям», «как же иначе»⁷⁰ — не то невольное шарлатанство, не то невыясненность — но всё под фирмой и маркой всеобъемлющих синтезов, которыми нас не удивите: мы в свое время сами этим занимались и прекрасно понимаем, где проваливаются синтетические дерзания: нужно много лет еще молчания внутри, или эзотеризма в дерзаниях, а на поверхности — работа, работа, работа. Говорил с Мейером долго. Он меня понял; понял мое негодование на профанацию Чулкова, детскость Иванова; но не понял, конечно, на чем основано наше негодование. Хотя бывшим у меня он НЕ понравился.

Итак Вы НЕ анархист; Чулков оказывается по Мейеру тоже НЕ анархист. М. Волошин, когда ему в глаза резко бросают осуждение, когда «громят» его друзей, только пыхтит и обливается потом. «Я тут де в стороне». Дают ему рукопись моей «Штемпелеванной» калоши. Отвечает: «Хорошо написано» (?!!??!). И только? Почему же он тоже предает своих друзей??⁷¹. С. Городецкого спрашивают о его нищенском лепете в «Факелах». Он отвечает — «это шутка». Как шутка? Извините, в ответ на это может только последовать «конфузливое молчание»; и это молчание не в пользу Городецкого.

Итак тени руками Городецкого, Чулкова, Мейера (Мейер тоже открещивается) заявляют о философском течении, преодолевающим то, что нам с Вами (Вы ведь по Вашему письму тоже символист) не преодолеть. А при личном объяснении с этими «отсталыми» символистами ретируются, потому что нечего сказать: раздаются печатные крики: «Мы, мы, новое учение» и скромно заявляется, что такое наверное... когда нибудь будет. Это ли не «Хлестаковство»? Вопрос о рекламе выдвигается невольно у меня, Брюсова и мн[огих] других на авансцену петербургского движения. Многие, как Вы, молчат; молчаливо сочувствуют крику, в частных письмах сообщают, так сказать, врагам по литературному лагерю («И мы с

Вами») и удивляются, что мы их считаем «мист[ическими] анархистами» в неопределенном и подозрительном смысле этого слова. Если Ваши друзья плодят «куцые теории» и выдвигают Вас на своем знамени, почему же Вы не протестуете? Ведь если это квиэтизм, то он именно не есть показатель своего пути, а наоборот — какой то непонятной «покорности». Разве мне не было тяжело резко выступить против уважаемого мной В. Иванова, разве приятно рвать целый ряд отношений, выслушивать комплименты: «клеветник». Удобнее было бы молчать и кивать на провокацию. Я считаю своей обязанностью выступить против Петербурга. Когда будет серьезная теория, или соглашусь, или буду серьезно полемизировать, а пока же вижу «вредное беспочвенное многообразное шатание», совращающее и публику, и обесценивающее все ценности, все проблемы.

Вы фальшивы (может быть вполне бессознательно) или когда заявляете мне, что Вы символист, или когда молчите в ответ на провозглашение Вас одним из знамен подозрительной и несуществующей теории.

Вот мой пространный ответ на то, что я разумею под группой, идейное значение которой равно нулю.

Я не знаю, принадлежите ли Вы к этой группе, как не принадлежит к ней каждый из порознь взятых — Иванов, Мейер, Вы, Городецкий, Чулков и присные. Но каждый из Вас что то такое считает в нас отжившим, что то новое каждый из Вас намеком провозглашает. Мы спрашиваем: «Что, объяснитесь подробнее». И все Вы ускальзываете. И мистического анархизма нет. И Вас как бы нет. А факт «большого крика» налицо.

Посему не могу, не могу ответить точно на Вашу просьбу: «Прошу Тебя, хотя бы кратко, указать мне основной пункт Твоего со мной расхождения». Я во-первых не знаю точной формулы Вашего мирозерцания, Вашего литературного, общественного, религиозного, этического, философского credo. Свое credo формально при Вашем желании могу охарактеризовать. Думаю, что сейчас Вам это не интересно. Я знаю и глубоко люблю Вашу поэзию. Последние периоды Вашей поэзии объективно (как искусство) ценю; многое по «настроению» мистически кажется мне абсолютно враждебным. В «Драмах» Ваших вижу постоянное богохульство; оно с моей точки зрения может иметь и нравственно высокий и очень низкий смысл. Не знаю, из каких оно фондов, ибо, повторяю, «внутренне» потерял Вас из виду. В статьях Вы пишете образно; изпод образов трудно уловить формальный смысл, а форма — единственный компас при внутреннем непонимании. Ничего не знаю, схожусь или расхожусь. Для этого нужен ряд вопросов, которые не уместаются в пределах и без того растянутого письма.

Вы вероятно многое из моих нападок вообще на Петербург слишком принимаете на свой счет; иногда непроизвольно получают «намек», не адресованные ни к кому лично, но предполагающие каких то лиц с крайне враждебной мне мистической и этической физиономией. Когда пишу о «кренделе», «чике»⁷², адресую не к Вам, а вообще ко всему кругу литературы, в котором Вы вращаетесь. Но и не могу не нападать. Я в данном случае выразитель лишь вообще настроения многих лиц в Москве, не кричащих о соборности, дерзаниях, «333» объятиях⁷³, но вовсе не считающих себя отсталыми, декадентами, индивидуалистами; «индивидуализм» среди нас (многих) есть лишь маска стыдливости и боязнь профанировать то, что еще очень смутно и ценно в душе.

Перехожу на последний пункт: по вопросу о «veto». Вас вероятно превратно известили. Когда я требовал «veto», то знал, что мое требование не будет принято. Хотелось оборвать переговоры с «Руном». Я ушел из «Руна» после дикого произвола Рябушинского над помощником: этически

счел себя в праве проучить «к у л а к а», полагающего, что деньги позволяют ему оскорблять сослуживцев по журналу. Я сначала рекомендовал «Р у н у» иметь ответственного редактора, указывал на Вас, Иванова, даже Чулкова. И когда «Р у н о» отказалось, то я потребовал «к о н т р о л я» над Рябушинским. К этому сводилось мое «v e t o» с Брюсовым. Если бы Вы, Иванов и пр. были в Москве, я указал бы на Вас. Но, согласитесь, сноситься из за каждого п у с т я к а с Петербургом немислимо. Повторяю, мое «v e t o» было лишь средством скорее оборвать переговоры с «Руном».

Всё, что касается у Вас в письме о «v e t o», есть или превратно понятое (Вы вероятно не так были осведомлены); или Вы не захотели понять.

Мое заявление о том, что Вы — один из корифеев — искренно. «Гримасы идиотизма» — считаю, что они есть у Вас в поэзии, и мне видится тут с т и л и з а ц и я, вместо непосредственно детского. Но разве это «инсинуация»? Разве Бёрдсли не «гримасник»? А неужели я не ценю Бёрдсли?

Вот исчерпывающий ответ Вам, Милостивый Государь; теперь судите, должны ли мы объясниться лично, или разойтись безвозвратно. Я думаю, будущее это покажет.

Примите мои пожелания.

Борис Бугаев

Р. S. Прилагаю мой ответ Рябушинскому ⁷⁴.

Привожу сразу же и второе письмо Белого от 11 августа, являющееся ответом на дуэльный вызов, сделанный Блоком. Письмо это не менее важно, нежели предыдущее, поскольку Белый пишет в нем уже не только о внешнем, литературном, но и о внутреннем, личном расхождении своем с Блоком. Вот текст письма:

Милостивый Государь
Александр Александрович!

Меня до крайности удивило Ваше решительное письмо, основанное на извращенном вероятно понимании подлинного смысла письма, Вам отправленного. В этом письме я Вас уведомлял о том, что отныне Вы чужды мне, как совершенно посторонний человек. Вас это вероятно и удивило. А между тем, что же тут удивительного? Просто я понял, что мы говорим на разных языках; то, что Вы называете например «к о р з и н к о й», я называю «сахарницей» и т. д.

То, что Вы пишете («я склонен приписать Ваше поведение — или какому то грандиозному недоразумению и полному незнанию меня»), очевидно, совершенно справедливо. Но вот уже 1½ года, как Вы всё сделали для того, чтобы недоразумение мое о характере Вашей личности не рассеялось, а наоборот укрепилось. 1) После наших прошлогодних (в августе) недоразумений ⁷⁵ я открыто сказал себе: «Должно быть я неправ: надо выяснить». Я повернулся к Вам с полной готовностью принять Ваши объяснения о характере наших отношений. Вы промолчали довольно о с к о р б и т е л ь н о для меня в ответ на мое желание выяснить Вашу личность (а я так нуждался в том, ибо действительно питал к Вам в глубине души такую симпатию, какую редко к кому питал). Я уехал за границу только потому, что питал к Вам симпатию (к Вам и к Вашей супруге); я думал, что расстояние внешнее рассеет путаницу наших отношений (в которой я был, быть может, столь же неправ, как и Вы; но я хотел правды, хотел честно произнесенных слов, а не неопределенно-бездонных* молчаний). Я ошибся. Когда по прошествии 4-х месяцев я отправил Вам письмо, стихи

* У Белого описка: бездонным. — Вл. О.

и карточку (поступок, который Вы извратили), я сделал это под влиянием хорошего, честного чувства. Я Вас продолжал ужасно любить и верить в Вас. Но недоумения мои о нравственном характере Вашей личности требовали, чтобы я Вас уведомил, что я нуждаюсь в личной беседе с глазу на глаз (где без посторонних свидетелей я мог бы как на духу Вам открыть мои мысли о Вас и без всякой предвзятости, наоборот, с верой, выслушать Ваш ответ). Я хотел нашей перепиской подготовить почву, чтобы гнетущее меня молчание (Вам, как мне казалось, выгодное) рассеялось и чтобы мы наконец при личной встрече увидели подлинные лица. Вы ответили опять письмом, общий тон которого мне показался обидным. Мне оставалось сказать себе: «Он паразитирует на моем вынужденном в отношении к нему молча-

РИСУНОК АЛЕКСАНДРА БЛОКА: «АНДРЕЙ БЕЛЫЙ РАССКАЗЫВАЕТ МАМЕ
О ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИХ ЭКВИВАЛЕНТАХ»

Собрание Л. Д. Блок, Ленинград

нии» (это паразитизм нравственного порядка). Тут я и перестал Вам писать; и объяснения с Вами получили для меня характер «привлечения к ответу». Вы скажете: «это — насилие». Но и насилие это вытекало из желания моего перед лицом моей правды оправдать Вас. Тут я и начал вчитываться в Ваши строчки, перечитывать Ваши письма, стихи; жадно ловить каждую Вашу печатную строчку. Наконец я часто и много слышал о Вас от посторонних. Вот этот тот интерес к Вашей личности и побудил меня сказать Вам, что я давно за Вами слежу. Вы поняли в буквальном и точном смысле («шпионство»). Вольно же Вам так понимать. Вот, когда я увидел, что пропасть между нами выросла до последних пределов, я и написал Вам, что всё между нами кончено; т. е. человек, которого я любил где то в глубине глубин, стал для меня один из многих. Раз это так, все недоумения мои, мучающие меня, когда они направлены к близкому,

теряют свой смысл, когда усилием воли я близкого превращаю в далекого. Падает пресловутое «шпионство» и «лакейство» (хорошие словечки, не правда ли?). И уж тем менее охоты мне принимать Ваш вызов на дуэль (дерутся там, где глубина сошлась с глубиной и нельзя распутать узла: так было в прошлом году, когда я Вас вызывал: теперь — не так. Теперь Вы для меня — посторонний, один из многих, а со всеми не передерешься).

Теперь перехожу к моей фразе о Вашей статье, как о «прошении», фразе, очевидно и вызвавшей у Вас столь решительный ответ. Согласен, она вырвалась в минуту раздражения, когда после прочтения Вашей статьи, где Вы восхваляете глубоко бездарные «очерки» Скитальца⁷⁶, мне передали люди, возмущенные Вашей статьей, что будто Вы черновик читали Л. Андрееву. Быть может всё это и не так (фактически), но что то во мне вспыхнуло негодованием, и я тут же написал Вам в тоне, действительно оскорбительном. Охотно беру назад слова о «прошении», потому что не призван судить Ваши литературные вкусы. В заключение, Милостивый Государь, могу сказать только одно: мы друг другу чужды. И если когда нибудь мы встретимся (не формально), то только тогда, когда Вы искренно захотите объясниться со мной не в превратно понимаемых письмах, не при помощи полемике (о ней я Вам пишу в неотправленном еще письме в ответ на Ваше письмо о литературных делах), а в личной беседе с глазу на глаз, где я мог бы Вам высказать все накопившиеся за 1½ года мои недоумения и выслушать какие угодно обвинения меня с Вашей стороны. Как скоро Вы согласитесь искренно на такую беседу, я охотно сделаю всё возможное, чтобы не умом только, но и сердцем понять, что же это наконец происходит между нами.

Примите и прочее.

Борис Бугаев

Москва 11 августа

P. S. Сегодня же постараюсь отправить ответное письмо о литературных «делах».

VIII

Письма Белого произвели на Блока сильное впечатление. После получения их он принимает решение печатно заявить о своей непричастности к «мистическому анархизму». Почва для этого уже была подготовлена независимо от писем Белого. В самом конце июля и 1 августа Блок записывает:

«Мое несогласие с Вяч. Ивановым. (Варварство).

Мое согласие с Андреем Белым.

Не считая ни для себя, ни для кого позором учиться у Андрея Белого, я возражаю ему сейчас не по существу, а только на его способ критиковать, который погрязает его самого, чисто внешним образом, в безвыходное противоречие...

Мое несогласие с Вяч. Ивановым в терминологии и пафосе (особенно — последнее).

Его термины меня могут оскорблять. Миф, соборность, варварство. Почему не сказать проще? Ведь, по существу, в этом ничего нового нет...

Есть писатели с самым корявым мировоззрением, о которое можно зацепиться все-таки. Это значит, у них есть пафос. А за Чулкова, например, не зацепишься. У него если пафос — так похож на чужой, а чаще — поддельный — напыщенная риторика»⁷⁷.

Из этой записки явствует, что еще до получения писем Белого Блок уже не считал никаких иллюзий относительно «мистического анархизма».

15 — 17 августа Блок пишет Белому замечательное «исповедальное» письмо, имеющее исключительно важное значение для его литературной биографии:

Милостивый Государь
Борис Николаевич.

Ваши два письма получил. Вопрос о дуэли, конечно, отпадает. Также, как Вы берете назад слова о прощении, так и я беру назад «словечки о шпионстве и лакействе», вызванные озлоблением.

Ваши письма заставляют меня опять писать Вам. Вы ставите вопросы о наших личных и литературных отношениях так, что я чувствую потребность ответить со всей искренностью, какую могу выразить на словах. У меня нет здесь Ваших писем, но я помню главное и постараюсь объяснить, как всё началось для меня, что я испытывал, получая их и встречаясь с Вами и т. д.

Наше письменное знакомство завязалось, когда Вы сообщили через Ольгу Михайловну Соловьеву⁷⁸, что хотите писать мне. Я сейчас же написал Вам, и первые наши письма сошлись⁷⁹. С первых же писем, как я сейчас думаю, стараясь определить суть дела, сказалось различие наших температур и странное несоответствие между нами — роковое, сказал бы я. Вот как это выразилось у меня: я заранее глубоко любил и уважал Вас и Ваши стихи. Ваши мысли были необыкновенно важны для меня и, сверх всего (это самое главное), я чувствовал между нами таинственную близость, имени которой никогда не знал и не искал. В то время я жил очень неуравновешенно, так что в моей жизни преобладало одно из двух: или — страшное напряжение мистич[еских] переживаний (всегда высоких) или страшная мозговая лень, усталость, забвение обо всем. Кстати, я думаю, что в моей жизни всё так и шло, и долго еще будет идти тем же путем. Теперь вся разница только в том, что надо мною — «холодный белый день», а тогда я был «в тумане утреннем»⁸⁰. Благодаря холоду белого дня, я нахожу в себе трезвость и большую работоспособность, чем прежде, но и только. По прежнему, как в пору нашего письменного знакомства, когда Вы любили меня и верили мне, во мне — всё те же огненные переживания (правда, «поднимающиеся с ледяных полей души», как написал недавно — по пов[о]ду «Снежной Маски» — В. Я. Брюсов; за эти слова я глубоко благодарен ему, так как, почти не зная меня лично, он так точно определил то, чего я сам не сумел)⁸¹, сменяющиеся мозговой ленью + трезвость белого дня (желанье слушать, учиться, определиться). Итак, я стою на том, что по существу — не изменился. Теперь — далее. В ту пору моей жизни, когда мы встретились с Вами, я узнал и драм[атическую] симфонию⁸² (не помню, до или после знакомства) и вся наша переписка, сплетаясь с моей жизнью, образовала для меня симфонию необычайной и роковой сложности. Я не разбирался в этой сложности. Знаю одно: мне было трудно понимать Вас и трудно писать Вам. Я объяснял это — ленью. Ровно через год мы встретились⁸³. Мне было трудно говорить с Вами, и я опять объяснял это своей ленью. Но это было НЕ единственной причиной... Причина, вероятно главная, сказалась при след[ующих] обстоятельствах: Вы помните, что в то же лето Вы приехали в [Шахматово с Петровским]⁸⁴. Помню резко и ясно, как мы гуляли в первую ночь нашего знакомства при луне, и Вы много говорили, а я, по обыкновению, молчал. Когда мы простились и разошлись по своим комнатам, я почувствовал к Вам мистический страх. Насколько помню, об этом реальнейшем для меня факте нашего знакомства я никогда Вам не говорил. В этом — м[о]жет б[ы]ть — моя большая мистическая вина. В ту ночь я почувствовал и пережил напряженно то, что мы «разного духа», что мы — духовные враги. Но я — очень скептик, тогда был мучительно скептик, — и следующее утро разогнало мой страх. Мне было по прежнему только трудно с Вами. Думаю, что Вы тогда почувствовали, что происходило во мне, как вообще

не постижимо (для меня и до сих пор) тонко чувствовали многое, как чувствовали и затрудненность нашего с Вами личного и письменного общения. Потом — пошли опять наши письма и наши встречи, которые в последние годы участились, благодаря тому, что известно Вам. Я решительно думаю: я не старался узнать Вас, как не стараюсь никогда узнавать никого, это — не мой прием. Я — принимаю или не принимаю, верю или не верю, но не узнаю, не умею. Вы, наоборот, хотите узнавать всегда, Вы, по темпераменту, пыливый, торопливый, быстро зажигающийся человек. Мы с Вами и письменно и устно объяснялись в любви друг другу, но делали это по разному — и даже в этом не понимали друг друга. Вы, по моему, подходили ко мне не так, как я себя сознавал, и до сих пор подходите не так. Вы хотели и хотите знать мою «моральную, философскую, религиозную физиономию». Я не умею, фактически не могу открыть Вам ее без связи с событиями моей жизни, с моими переживаниями; некоторых из этих событий и переживаний не знает никто на свете, и я не хотел и не хочу сообщать их и Вам. Это никогда не препятствовало и до сих пор не препятствует моим отношениям к Вам. Зовите это «скрытностью», если хотите, но таков я был и есть. Я готов сказать Вам теперь и письменно и устно, хотя бы так: моральная сторона моей души не принимает уклонов современной эротики, я не хочу душной атмосферы, которую создает эротика, хочу вольного воздуха и простора; «философского credo» я не имею, ибо не образован философски; в бога я не верю и не смею верить, ибо значит-ли верить в бога — иметь о нем томительные, лирические, скудные мысли? Но, уверяю Вас, эти сообщения и чего не прибавят к моей физиономии. Я готов сказать лучше, чтобы Вы узнали меня, что я — очень верю в себя, что ощущаю в себе какую-то здоровую цельность и способность в уме быть человеком — вольным, независимым и честным. Но ведь и это не даст Вам моего облика, и я боюсь, что Вы никогда не узнаете меня. Вы знаете, что говоря всё это, я не хвастаюсь и не унижаюсь, что это не признания, не выкрики, не фразы, не «гам». Всё это я пережил и ношу в себе — свои психологические свойства ношу, как крест, свои стремления к прекрасному, как свою благородную душу.

И вот одно из моих психологических свойств: я предпочитаю людей идеям. Мож[ет] быть это значит: я предпочитаю бессознательных людей, но пусть и так. Вы должны, если захотите, понять, в какой мере это так, потому что знаете мое отношение к «родственности» и т. п. — Из этого предпочтения вытекает моя боязнь «обидеть человека». Да, я согласен с Вами глубоко: каждый порознь — милый, но 10 этих милых — нестерпимая теплая компания. И я отмахиваюсь от этих десяти, производящих «гам», молчу, «попускаю». Вина моя перед литературой — велика, если у меня вообще могут быть крупные вины или заслуги перед русской литературой: я допускаю, чтобы Чулков таскал по всем квартирам свою дурацкую схему поэтов, уверял всех, оспаривающих ее, что она «верна только в данное мгновение и что отнюдь не следует ее принимать «вообще» (или что то в этом роде), и чтобы он же всучил ее какому-то идиотическому Семенову из Mer[cure] de France (в чем я не был уверен до Вашего письма, потому что не читаю Mercure de France) (кстати: я напишу на этот раз письмо в редакцию «Весов», где публично, как Вы советуете, отрекусь от мистического анархизма). Но мне нужно для этого знать точно, как именно выражается Семенов, чтобы, опровергая, не провраться. Потому — откладываю это до Петербурга⁸⁵. Но, послушайте: неужели Вы думаете, что я «предаю друзей врагам», когда пишу Вам или Эллису насмешливо о Чулкове, а потом — «противоречу себе». Когда мне говорят: неправда-ли — Чулков подозре-

телен в таком и таком-то отнош[ении]? — я уклоняюсь, виляю (да, да), боюсь признаться другому в том, что подозреваю сам. Ведь, когда один человек думает о другом, — он свободен, когда же об этом другом уже «перемигнутся двое» — дело кончено, затравлен человек и от травли еще увеличатся его пороки и еще уменьшатся добродетели. Когда же мне говорят: если Вы честный человек, Вы обязаны признать, что Чулков — негодяй, — я отвечаю злостно (о, это не формализм и не чиновничья!).

Как всё это сонно, томительно и страшно, Борис Николаевич. Я вязать и разрешать не берусь. Вчера, под впечатлением Ваших писем, я поехал в Москву, написал Вам из ресторана «Прага» письмо о том, что хотел бы говорить с Вами искренно и серьезно. Это письмо прервал на половине, показалось, что письменно не изложить всего. Теперь продолжаю — и вот почему: когда лакей воротился с ответом, что Вас нет дома (это было в 10-м часу вечера), мне показалось, что так и надо, что нам всё равно не сговориться устно. Но писать решаюсь продолжать, сейчас воротился из Москвы и вот пишу. Говорил всю дорогу с молодым ямщиком. У меня теперь очень крупные сложности в личной жизни. Когда же говорит ямщик, оказывается, что он — представитель 40-а простых миллионов, а я — представитель сотни «кающихся дворян» со сложностями. Ямщик ничего поделат не может с тем, что он «темен», а я с тем, что я — еще темнее, даже с «мистич[еским] анархизмом» ничего не могу поделат, не говоря о важном. Но я здоров и прост, становлюсь в сё пр о щ е, как только могу. В чем же дело? Вы скажете, что это — лень, ребячливые проклятые вопросы, что надо действовать, а не каяться, что я не знаю, наконец, теории познания. Так, всё верно. Но и Л. Андреев (какой еще сплетник сообщил Вам, что я читал «черновик» Андрееву? Ни черновика, ни Андреева не было. Ох, уж эти Тата, Зина⁸⁶, Чулков, Вяч. Иванов, и пр. и пр., не верьте рассказам и предположениям третьих лиц. Этой зимой вышло однажды из рассказов, что я уже умер), но и Л. Андреев, которого Вы уважаете, мучится проклятыми, аляповатыми, некультурными вопросами, мучается Россией, — зная ее немногим больше меня, пожалуй. Ведь вот откуда мои хватанья за Скитальца; я за Волгу ухватился, за понятность слога, за отзывчивость души, за ее здоровую и теплую боль. Ведь я не стою на том, что это — искусство.

Чувствую, что всем, что пишу, еще более делаю чуждым Вам. Но я всегда был таким, почему же Вы прежде любили меня? «Или Вы были слепы?», спрошу в свою очередь.

Драма моего мирозерцания (до трагедии я не дорос) состоит в том, что я — лирик. Быть лириком — жутко и весело. За жутью и весельем таится бездна, куда можно полететь — и ничего не останется. Веселье и жуть — сонное покрывало. Если бы я не носил на глазах этого сонного покрывала, не был руководим Неведомо Страшным, от которого меня бережет только моя душа, — я не написал бы ни одного стихотворения из тех, которым Вы придавали значение.

Теперь о другом.

Где «богохульство» в моих драмах? (кроме «Балаганчика»). Почему кощунственны строки: «в подушках, в кресле, на диване...»⁸⁷? Это просто — скверные строки, как почти все мои стихи — в «Цветнике Ор». Сверх того, именно эти строки еще банальны и «дурного тона». Другое дело — стихи о «Весне» — они кощунственны⁸⁸. Но объясните, что кощунственнее всего и что такое — кощунство? Когда я издеваюсь над своим святым — болею. Но «Балаганчику» Вы придаете смысл чудовищный — зачем и за что? Если повернуть вопрос так, как Вы, — он омерзителен, вреден, пожалуй «мистико-анархичен». Поверните пр о щ е — выйдет ничтожная дека-

дентская пьеска не без изящества и с какими-то типиками — неудавшимися картонными фигурками живых людей.

Мои «хроники» в Руне суть рассуждения на изв[естные] темы. Никаких синтетических задач не имел, ничего окончательного не высказывал; раздумывал и развивал клубок своих мыслей, м[ожет] б[ыть], никому ненужных. Если бы мне предложили «создать журнал», быть редактором, или что либо в этом роде, принял бы это за насмешку или наивность. У меня нет на то ни образования, ни умелости, ни тактики, ни твердой почвы. В Вашем войске (войске людей с отточенными мировоззрениями) действовать я не могу, потому что не умею принять приглашения укреплять теорию символизма. Сердце же мое, по прежнему, лежит ближе к Вам, чем к факельщикам. Вот почему мне бывает больно, когда Вы, или лицо из Вашего кружка, относятся ко мне, как к совершенно чужому. Среди факельщиков (неуловимых, как я с Вами совершенно согласен) стоит особняком для меня Вяч. Иванов, человек глубоких ума и души — не пустышка⁸⁹. Мы оба — лирики, оба любим колебания друг друга, так как за этими колебаниями стоят и сторожат наши лирические души. Сторожат они совершенно разное, потому, когда дело переходит на почву более твердую, мы расходимся с Вяч. Ивановым. К пунктам расхождения очень важным принадлежит, например, Л. Андреев, или мистич[еский] анархизм.

Если я кощунствую, то кощунства мои с избытком покрываются стоянием на страже. Так было, так есть и так будет. Душа моя — часовой несменяемый, она сторожит свое и не покинет поста. По ночам же — сомнения и страхи находят и на часового. Если мы действительное расходимся с Вами «в глубине глубин», то значит, основательны мои мистические страхи при встрече с Вами, которые я описал, и основательны Ваши мистические подозрения «Снежной Маски» (впрочем, кое-что и я подозреваю в «Снежной Маске», но и здесь кощунство тонет в ином — высоком).

«Мы друг другу чужды», говорите Вы. Поставьте вопрос иначе: решаетесь ли Вы верить лирику, каков я, т. е., в худшем случае, — слепому, с мирозерцанием неустанновившимся, тому, который чаще говорит нет, чем да. Примите во внимание, что речь идет обо мне, и никогда не изменявшемся по существу. В таком случае, если и Вы — неизменны — нет причин не верить теперь, или не было причины верить тогда. Если же Вы изменились, то есть, быть может, причины не верить теперь. Я же предполагаю, что тот сильнейший перелом, который Вы переживаете теперь, не изменяет Вас по существу; Вы — всё тот же, каким я Вас знал, и теперь, когда я знаю о Вас по журналам и от третьих лиц. Переживаю перелом и я, но меня, уж я наверно знаю, он не меняет по существу. Если же всё это так, то признайтесь: надоело Вам считаться с такою зыблемой, лирической душой, как моя. И я допускаю, что Вы правы — перед Вашим делом, что во мне есть то, из за чего людей «покидают друзья», становящиеся на путь более твердый в идейном смысле.

Я допускаю, что нам надо разойтись, т. е. не сходитьсь так, как сходились мы до сих пор. Но допускаю, что и в расхождении надо сохранить друг о друге то знание, которое дали нам опыт и жизнь. Я храню его сквозь все сплетни, сомнения, недоумения, озлобления, забвения. Считаю с Вами всегда. Вы, я допускаю, в положении более трудном: труднее хранить верное воспоминание о душе более зыблемой и неверной, чем Ваша. Но тут я и спрашиваю Вас, «как на духу», по Вашему выражению: уверены-ли Вы, что Вы — вернее меня? Я утверждаю, что через всю мою неверность, предательства, падения, сомнения, ошибки — я верен. Предлагаю Вам сказать, что всё, что пишу, — слова, слова, слова. Но, право, я бы не писал, если бы это были слова, писать мне трудно, и для слов я не

писал бы. В основании моей души лежит не Балаганчик, клянусь. Если бы в её основе лежал Балаганчик, я не написал бы ни строчки этого письма, как не написал бы большинства своих стихов; написал бы разве стихи «о сажании символа на пароход»⁹⁰, которые, опять таки,—поверните проще, проще, проще. Да не стоит и повертывать, об этом стихотворении я готов просто сказать—чорт с ним.

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ И С. М. СОЛОВЬЕВ

Фотография 1904 г.

Собрание Л. Д. Блок, Ленинград

Вы готовы сказать: «он пишет всё о себе, когда дело идет о важном, об изгнании из литературы мистич[еского] анархизма, которому он потакает, да и еще кое о чем — более важном». Хорошо, я буду отвечать Вам на Ваше письмо со всею четкостью, на которую я способен в прозе. А пока скажу Вам. Я думаю, что всё, что изложил письменно, не удалось бы мне сказать устно. Хотя письмо вышло очень хаотическое, но говорил бы я еще хаотичнее. Потому, м[ожет] б[ыть] лучше, что мы не говорили с Вами в «Праге». Т е п е р ь, после этого письма, нам скорее можно гово-

рить; если хотите, я готов снова приехать в Москву; м[ожет] б[ыть], это нужно, т. е. нужно, чтобы Вы видели меня, а не читали только мои слова.

Снова перечитываю Ваши письма и отвечаю, как могу.

Да, мистич[еский] анарх[изм], соборн[ый] индивидуализм, эротизм, мист[ический] реализм—я анализировать также не считаю возможным в том виде, в каком они существуют или не существуют в книгах Чулкова и Гофмана. Да, я разделяю Ваши опасения относительно «зари мистич[еского] хулиганства». Да, я признаю себя виновным в «потакательстве», которое выразилось в том, что я допускаю такие заявления, как в «Mercure de France». Не оправдываюсь. Потому, сочту своим долгом сказать нет этим теориям в письме в редакцию «Весов». Считаю, что должен это сделать скорее, потому обращаюсь с просьбой к Вам; не имею в Москве другого источника. «Mercure de France» я не имею возможности видеть. Вы же бываете в «Весах». Если бы Вы выписали мне точно ту фразу, в которой я причисляюсь к мист[ическим] анархистам, я был бы Вам очень обязан. Подписана ли статья Семеновым или кем нибудь другим? Это—первое. Впрочем, прибавлю всетаки: неужели я литературно подавал повод причислять меня к мист[ическому] анархизму? Думаю, что мои стихи свидетельствуют о противном. Таким образом, и «Весь» и Вы имеете лишь формальные поводы причислять меня к эт[ому] направл[ению] (на основании статей Чулкова и пр.), но где же право внутреннее? Вы могли бы знать меня настолько, чтобы не считать причастным сюда? Это говорит еще раз за то, что Вы не знаете или забыли меня.

Мое письмо в редакцию будет иметь для меня значение развязыванья рук и окончательного разрыва с теми тенденциями, которые желают поставить на первый план мою зыблемость (мистич[еский] анархизм и значит — адогматизм, иррационализм и т. д.), между тем как я сам ставлю на первый план мою незыблемую душу, «верную сквозь всю свою неверность».

Далее: при всей неточности своего мировоззрения, я сознаю, что теория из настроения создана быть не может и не должна. Потому я издавна отношусь к вышеуказанным теориям, как к лирике — и никогда не возвожу их в теории, принципы, пути. Но зачем Вы говорите о карьеризме и т. п. Всем нам приходит это в голову. Но, ради бога, не будем судить душу человеческую собором, пусть судит ее каждый из нас в отдельности. Совместное подчеркивание пороков или склонностей к порокам — раздувает их, треплет и губит человека, а не писателя. Можно ли, например, писать, как З. Н. Гиппиус: «Чулков пристал к Блоку». Ведь это — неуважение к самой себе.

Если я не ответил на все частные пункты Ваших писем, то Вы можете вывести, как я отношусь к ним — из всего остального. Но письмо разрослось. Если бы Вы ответили мне, я был бы очень рад. Говорить с Вами готов. Никаких бездонных умолчаний у меня нет. Я хочу проще, проще, проще. М[ожет] б[ыть], если бы мы говорили с Вами, нам удалось бы выяснить подробности наших отношений, провинности друг перед другом в областях более интимных. Писать об этом — невозможно. Ну, так я готов говорить, хотя не знаю, скажу ли Вам что либо новое. Пока же примите мое уверение в уважении к Вам.

Александр Блок

15 — 17 Августа. С Шахматово.

Блок и Белый несколько раз упоминают в своих письмах о статье Е. Семенова, появившейся в органе французских символистов «Mercure de France»⁹¹. Статья эта сыграла немалую роль в полемике 1907 г., и о ней следует сказать несколько слов. Е. Семенов, постоянный «русский корреспондент» «Mercure de France», разделил всех русских писателей-«модернистов» на три группы: дека-

дентов (в свою очередь разделяющихся на «парнасцев» — Брюсов, С. Соловьев, Волошин и др. — и «чистых декадентов» — Бальмонт, Сологуб, Кузмин), неохристианских мистиков, или «чистых символистов» (Мережковский, З. Гиппиус, Белый), и мистических анархистов. К этим последним, на ряду с Вяч. Ивановым, Чулковым и Городецким, был отнесен также и Блок.

В символистских кругах сложилось убеждение, что статья Семенова была инспирирована Чулковым; подтверждение этому находим в письме Блока к Белому. Во всяком случае, классификация поэтов, предложенная Семеновым, вызвала всеобщие протесты. Первым — и, как видим, не без влияния Белого — выступил с протестом Блок.

В тот же день, когда было отправлено письмо Белому, 17 августа, Блок пишет Г. Чулкову: «Вот в чем дело. «Весы» меня считают «мистическим анархистом» из за «Mercure de France». Я не читал, как там пишет Семенов, но меня известил об этом Андрей Белый, с которым у нас сейчас очень сложные отношения. Я думаю так: к мистическому анархизму по существу я совсем не имею никакого отношения. Он подчеркивает во мне не то, что составляет сущность моей души: подчеркивает мою зыблемость, неверность. Я же

Неподвижность не нарушу
И с высоты не снизойду,
Храня незыблемую душу
В своем неслыханном аду⁹².

Это — первое. Второе — это то, что я не относился к мист[ическому] анархизму никогда, как к теории, а воспринимал его лирически. По всему этому не только не считаю себя мистическим анархистом, но сознаю необходимость отказаться от него печатно, в письме в редакцию, например, «Весов». Пока этого не сделаю, меня все будут упрекать в том, к чему я не причастен»⁹³.

Г. Чулков в ответном письме (от 20 августа) писал: «Ничего не имею — конечно — против желания Вашего отказаться печатно от мистического анархизма, но очень прошу Вас об одном: позвольте мне предварительно ознакомиться с этим Вашим «письмом в редакцию». Ведь я нигде и никогда — насколько помнится — в печати Вас не называл «мистикоанархистом» и за мнения других не отвечаю. Вас «мистикоанархистом» называли мои критики, а не я. Я дружески прошу Вас не придавать Вашему письму такой формы, которая дала бы повод думать, что именно я Вас записывал в адепты моей теории: это было бы неправдою. Я сам пишу статью по поводу «Mercure de France» (возражаю Семенову), где и заявляю о том, что не считаю возможным кого либо приписывать к «мистическому анархизму» в качестве его сторонника и выразителя... Я, конечно, предпочел бы, чтобы Ваше «письмо» появилось в «Золотом Руне», а не в «Весах». Ведь в «Весах» оно появится рядом с новым манифестом и для читателя будет ясно, что Вы солидарны с теми, которые бросают в меня камни»⁹⁴.

26 августа Блок сообщил Чулкову текст своего «Письма в редакцию» и объяснял, почему именно в «Весах» он решил его опубликовать: «Я сделаю это в «Весах» потому, что глубоко уважаю «Весы» (хотя во многом несогласен с ними) и чувствую себя связанным с ними так же прочно, как с «Новым Путем». «Весы» и были, и есть событие для меня, а по моему, и вообще — событие, и самый цельный и боевой теперь журнал...». «Подчеркнуть мою несолидарность с мист[ическим] анархизмом в такой решительной форме, — кончал Блок, — считаю своим мистическим долгом теперь. Мист[ическому] анархизму и никогда не придавал значения и он был бы, по моему мнению, забыт, если бы его не раздули теперь»⁹⁵.

Отречение Блока от «мистического анархизма», помеченное 26 августа, было напечатано еще в августовской книжке «Весов». Текст его следующий: «В № «Mercure de France» от 16 июля этого года г. Семенов приводит какую-то тенденциозную схему, в которой современные русские поэты-символисты рассажены

в клетки «декадентства», «неохристианской мистики» и «мистического анархизма». Не говоря о том, что автор схемы выказал ярую ненависть к поэтам, разделив близких и соединив далеких, о том, что вся схема, по моему мнению, совершенно произвольна, и о том, что к поэтам причислены Философов и Бердяев, — я считаю своим долгом заявить: высоко ценя творчество Вячеслава Иванова и Сергея Городецкого, с которыми я попал в одну клетку, я никогда не имел и не имею ничего общего с «мистическим анархизмом», о чем свидетельствуют мои стихи и проза»⁹⁶.

Появление в печати «письма» Блока было началом конца «мистического анархизма». Вслед за Блоком с протестом против «схемы» Семенова выступил Брюсов⁹⁷, а 23 сентября в газете «Товарищ» появились «письма в редакцию» Г. Чулкова и Вяч. Иванова, «уточняющие» и исправляющие статью Е. Семенова (Чулков в своем заявлении еще раз подчеркнул, что «мистический анархизм» не претендует на значение литературной школы)⁹⁸.

К концу 1907 г. вопрос о «мистическом анархизме» уже потерял всю свою остроту и вскоре совершенно исчез со страниц журналов и газет.

Заканчиваю публикацию письмом Белого Блоку, подводящим итоги их полемики:

<Получ. 20 авг[уста] 1907> *.

Глубокоуважаемый и дорогой
Александр Александрович,

Ваше письмо произвело на меня глубокое и сильное впечатление. Многие понял о Вас я достоверно. Весь трагизм постепенно выросшего непонимания Вас с моей стороны, быть может, оттого, что это письмо написано не полтора года тому назад. Я вовсе не хочу слов, формул, как цели, но хочется формулой успокоить ум, чтобы тем вернее верить людям, а не идеям; когда же начинаешь терять людей, остаются только формулы идеи и тут то становишься на строго-моральную точку зрения. Когда изменяют ценности, как слепой, руководствуешься только долгом. Вероятно Вы не подозревали о том, как перемучился я с сомнениями о Вас за истекшие полтора года, подкрепляемые Вашим (в моем представлении намеренным) молчанием, т. е. (опять таки, по моему, намеренным) нежеланием сказать вслух о том, что каждый из нас (про себя) мог думать друг о друге. Наконец полемика между Москвой и Петербургом окончательно затухала Вас.

Ваше письмо для меня — факт громадной важности, ибо я действительно считал всегда наши отношения роковыми и (независимо от разности или сходства, *независимо* от созданного положения вещей между нами).

Я знал, что из «Праги» за мной посылали Вы (конечно чутьем) и тем больше мне было, когда я вернулся (уходил к незначительным знакомым отдохнуть от суеты дня); я ждал утром, что вот меня позовут. Но может быть это и к лучшему; ведь только о такой письменной подготовке наших отношений, какая создалась Вашим письмом, я и мечтал, когда имел честь писать Вам из Парижа. Тем больше мне было, что Вы тогда (как мне казалось) не хотели понять этого моего желания быть проще, проще, проще.

Мне думается, было бы важно, нужно нам увидаться. Если бы Вы сочли возможным приехать в Москву, я считал бы очень важным для себя, для нас поговорить с Вами серьезно и искренне как о том, что не вполне укладывается в письмах, так и о прочем (литературном). В случае, если Вам трудно приехать, известите. Тогда я отвечу Вам подробно на Ваше письмо, сообщу фразу из «M[er]cure de Fr[ance]», и т. д.

* Помета Блока. — Вл. О.

Жду очень или Вас, или письма с указанием на Ваш адрес. Верьте, я принял Ваше письмо с той же глубиной искренности, с какой оно написано Вами. Спасибо!

Крепко жму Вашу руку.

Глубокоуважающий Вас
Борис Бугаев

24 августа Блок приехал в Москву и имел с Белым двенадцатичасовой разговор, о результатах которого Белый пишет следующее: «Так во многих вопросах журнальной политики мы разошлись; и решили, что мы — в разных группах; и в них оставаясь, мы будем друг друга всегда уважать»⁹⁸. Впрочем, мир, заключенный Блоком и Белым, оказался очень непрочным. Меньше чем через год отношения их снова прервались и на этот раз надолго — до 1910 г. (причиной послужил журнальный отзыв Белого о «Лирических драмах» Блока). Кончаю цитатой из мемуаров Белого: «Встреча с Блоком [в 1907 г.] в действительности оказалась лишь радугой, — предвещававшей о встрече, — а вовсе не встречей еще; настоящая новая встреча осуществилась: три года спустя; встреча ж 1907 года скорее была ликвидацией личной драмы меж нами; ее корень вырван был, — правда; но разность во мнениях, в бытах, в обстанях все ж перевесила готовность нас лично друг с другом дружить... социальные факторы все ж перевысили личные»¹⁰⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ А. Белый, Начало века, М.-Л., 1933, стр. 473 и 8.

² «Записные книжки Ал. Блока», Л., 1930, стр. 81.

³ «Записки Мечтателей», П., 1922, № 6, и — более полно — «Эпопея», Берлин, 1922 — 1923, №№ 1 — 4.

⁴ А. Белый, Между двух революций, Л., 1933, стр. 5 — 6.

⁵ И. В. Ямпольский, Брюсов и первая русская революция, — «Литературное Наследство», 1934, № 15, стр. 207.

⁶ Там же, стр. 214.

⁷ «Звезда», 1931, № 10, стр. 130.

⁸ С. Соловьев, Воспоминания об Александре Блоке, — «Письма Александра Блока», Л., 1925, стр. 20.

⁹ «Дневник Ал. Блока, 1917—1921», Л., 1928, стр. 118.

¹⁰ См. статью Блока «Литературные итоги 1907 года», — Собрание сочинений, т. X, Л., 1935, стр. 129.

¹¹ Характерна ирония, с какою тогдашний Брюсов сообщал П. Перцову о том, что Блок «в октябре ходил по Невскому с красным флагом» («Печать и Революция», 1926, № 7, стр. 44).

¹² А. Белый, Между двух революций, Л., 1935, стр. 25 — 26.

¹³ С. Соловьев, Апрель. Вторая книга стихов, М., 1910, стр. 165.

¹⁴ См. стихотворение Блока «Поэт» (1905):

... Ему хочется за море,
Где живет Прекрасная Дама.
— А эта Дама — добрая?
— Да.
— Так зачем же она не приходит?
— Она не придет никогда:
Она не ездит на пароходе.

¹⁵ Стихи Блока (1902):

Там жду я Прекрасной Дамы
В мерцаньи «красных лампад».

¹⁶ См. стихотворение Блока «Болотные чертенятки» (1905):

И сидим мы, дурачки, —
Нежить, немочь вод.
Зеленеют колпачки
Задом наперед.

¹⁷ См. «Ночную Фиалку» Блока (1905—1906).

¹⁵ «Перевал», 1907, № 4 (февраль), стр. 59—60.

¹⁶ «Весы», 1907, № 6, стр. 67.

²⁰ См. статью «Литературные итоги 1907 года»,—Собрание сочинений, т. X, Л., 1935, стр. 134.

²¹ Собрание сочинений, т. X, Л., 1935, стр. 126. Статья «О современной критике» была напечатана впервые в московской левокадетской газете «Час» (1907, № 61, от 4 декабря), запрещенной московским генерал-губернатором Гершельманом в январе 1908 г.

²² «О реалистах»,—Собрание сочинений, т. X, Л., 1935, стр. 41.

²³ Там же, стр. 34.

²⁴ Там же, стр. 46.

²⁵ В качестве иллюстрации к сказанному небезынтересно привести следующее высказывание С. Соловьева, в ту пору alter ego Белого. Вот как связывал С. Соловьев задачи «религиозно-поэтического служения» с практикой социал-демократического движения: «Социалистические доктрины наших дней ведут борьбу с капитализмом. Но капитализм есть явление общего мирового зла. Поэт борется в мире сущего с тем же началом, с каким общественный деятель борется в мире явлений. Поэтому я решусь сказать, что поэт, поскольку он не изменяет своему назначению и не искажает смысла своей деятельности, ведет борьбу с капитализмом... Капитализм не менее ненавистен для поэта, чем для социалиста. Я думаю—более. Итак, цели поэта и социалиста до известной степени совпадают... Капитализм—химера нашего века. Это адское чудовище попирает все святое и прекрасное. В его щупальцах хрустят кости наших братьев. Но золотой меч красоты жалит черного гада и наносит ему неисцелимые раны. И среди фабричных труб, электрических конок, автомобилей, в этом визге и скрежете хаоса, зацветает нетленный сон Галилейского счастья» (С. Соловьев, Scruifragium, М., 1908, стр. XII—XIII).

²⁶ Имеется в виду Блок.

²⁷ Статья «Детская свистулька»,—«Весы», 1907, № 8, стр. 54—58; подписано: «Борис Бугаев». Ср. другие статьи Белого за 1907—1908 гг., печатавшиеся в «Весах» и частично собранные в книге Белого «Арабески», М., 1911.

²⁸ «Культура театра», 1921, № 7—8, стр. 22. Ср. книгу Г. Чулкова «Годы странствий. Из воспоминаний», М., 1930, стр. 82, 85—86.

²⁹ «О мистическом анархизме», СПб., 1906, стр. 30—31, 77.

³⁰ В статье «Идея неприятия мира», предпосланной книжке Г. Чулкова «О мистическом анархизме», СПб., 1906.

³¹ «Идея неприятия мира», стр. 19.

³² Там же, стр. 17.

³³ См. «Письма Л. Андреева к Г. И. Чулкову», Л., 1924, стр. 7.

³⁴ Второй выпуск «Факелов» был целиком посвящен «теории»; в состав его вошли статьи следующих авторов: Г. Чулкова («Об утверждении личности»), И. Давыдова («Индивидуалистический анархизм»), А. Мейера («Бакунин и Маркс»), Л. Шестова («Похвала глупости»), А. Ветрова («Прошлое и настоящее анархизма»), С. Городецкого («На светлом пути»), Г. Чулкова («Тайна любви»), Вяч. Иванова («О любви дерзающей»).

³⁵ «Годы странствий», М., 1930, стр. 87.

³⁶ «О мистическом анархизме», СПб., 1906, стр. 69.

³⁷ «Александр Блок и его время»,—«Письма Александра Блока», Л., 1925, стр. 110.

³⁸ Там же, стр. 134—135.

³⁹ Там же, стр. 141.

⁴⁰ «Записные книжки Ал. Блока», Л., 1930, стр. 74.

⁴¹ Там же, стр. 75.

⁴² А. Белый, Между двух революций, стр. 245.

⁴³ См. «Литературный Ленинград», 1934, № 51.

⁴⁴ «Между двух революций», стр. 246.

⁴⁵ См. по этому поводу «Письма в редакцию»: А. Белого в «Перевале», 1907, № 10, стр. 58—60 и газетах «Столичное Утро», 1907, №№ 58 и 62, и «Час», 1907, № 23; Н. Рябушинского в «Столичном Утре», 1907, №№ 60 и 66; Брюсова, Белого, Мережковского и З. Гиппиус в большинстве московских газет за август 1907 г., между прочим, в «Часе», № 7, от 21 августа; последнее письмо было перепечатано в «Весах», 1907, № 8, в сопровождении письма М. Кузмина, Ю. Балтрушайтиса и М. Ликиардопуло.

⁴⁶ «Золотое Руно», 1907, № 4, стр. 74.

⁴⁷ «Между двух революций», стр. 246—247.

⁴⁸ Тастевен Генрих Эдмундович (ум. в 1915 г.)—заведующий редакцией «Золотого Руна».

⁴⁹ Киевский журналчик—«В Мире Искусств», двухнедельный иллю-

стрированный журнал, посвященный литературе, музыке, живописи и театру; выходит с 1907 по 1909 г.

⁵⁰ «Корифеем российской словесности» Белый назвал Блока в рецензии на драму Г. Чулкова «Тайга» («Весы», 1907, № 6, стр. 70).

⁵¹ См. статью Белого «Штемпелеванная калоша»: «Восхищаются тому, что символ последнего дерзновения — золотой «булочный» крендель, как о том возвестили. Но автор золотого кренделя скромнее и честнее» («Весы», 1907, № 5, стр. 52). Имеется в виду известное стихотворение Блока «Незнакомка» (1906):

Вдали, над пылью переулочной,
Над скукой загородных дач,
Чуть золотится крендель булочной
И раздается детский плач.

⁵² См. рецензию Белого на сборник стихов Блока «Нечаянная Радость»: «Сквозь бесовскую прелесть, сквозь лапки, расточаемые чертеняткам, подчас сквозь подделку под детское или просто идиотское обнажается вдруг надрыв души глубокой и чистой» («Перевал», 1907, № 4, февраль, стр. 61); ср. также в рецензиях Белого на альманах «Белые ночи»: «подделка под гримасы идиотизма» («Весы», 1907, № 7, стр. 73) и на альманах «Шиповник»: «бессмысленные идиотские бесчеловечные гримасы» («Перевал», 1907, № 5, март, стр. 51).

⁵³ См. рецензию Белого на альманах «Цветник Ор»: «Хотя бы Блок. Он неустанно кощунствует» («Весы», 1907, № 6, стр. 67).

⁵⁴ В этой же рецензии Белый писал: «Грязен, как всегда, в стихах г. Чулков. Мы бы не помянули о нем, право он неоскорбителен в стихах (ибо, чтобы оскорбить стих, надо быть все же чем-либо). Но г. Блок, в статье неостроумно задевший покойного Канта, восхвалил таинственного «светловзора» (решившего то, что не решил Кант) и потом неожиданно провозгласил поэтом г. Чулкова, что после восхвалений Чулковым Блока как-то... неожиданно» («Весы», 1907, № 6, стр. 68—69). Белый имеет в виду статью Блока «Девушка розовой калитки и муравьиный царь», напечатанную во второй, февральской, книжке «Золотого Руна» 1907 г. О Канте здесь читаем следующее: «Искони на Западе искали Елену — недостижимую, совершенную красоту. Отсюда все эти войны и кровавые распри с полуфантастическим врагом; эти фигуры верных рыцарей с опущенными забралами и лукавыми монахов, у которых бегают глаза и чрезмерно, фантастически упитаны щеки. Потом сверкающие груди отвлеченных идей, философских концепций, националистических упований. И сам сморщенный Кант, водрузивший свой маленький стульчик на холмике, с которого легко обозреть мир феноменов, гармонирующих друг с другом и по дальности расстояния, по слепоте слезящихся глазок тайного советника, — не имеющих в себе ничего ноуменального».

⁵⁵ См. статью Белого «Чехов» («В Мире Искусств», 1907, № 11—12, стр. 11—13; перепечатано в сборнике статей Белого «Арабески», М., 1911, стр. 394—400): «В то же время среди символистов последнего времени процветают тенденции, извне сочетающие реализм с символизмом. После Чехова такое сочетание — абсурд. Мистические реалисты открывают в баранке и кренделе что-то особенное; они описывают крендель так, что волосы становятся дыбом».

⁵⁶ Творцом теории «сорбного индивидуализма» был Модест Гофман (впоследствии известный пушкинист, ныне белоэмигрант), автор книжки «Сорбный индивидуализм», СПб., 1907. «Теория» Гофмана — вариация идеи «мистического анархизма» и «сорбности» Чулкова и Вяч. Иванова; никаких самостоятельных мыслей Гофман не высказал.

⁵⁷ Блок имеет в виду статью З. Гиппиус «Трихина», напечатанную под псевдонимом Товарищ Герман в «Весах», 1907, № 5, стр. 68—72. Статья эта почти целиком заполнена исключительно грубыми выходками против Чулкова и Блока.

⁵⁸ Такого «post-scriptum'a» в «Золотом Руно» Блок не поместил, но высказался по существу полемики в статье «О современной критике» (газета «Час», М., 1907, № 61, от 4 декабря):

«Я думаю, что взаимное сочувствие, которое выражают друг другу бывшие «реалисты» и бывшие «декаденты» — не имеет ничего общего ни с «мистическим анархизмом», ни с «мистическим реализмом», ни с «сорбным индивидуализмом». Не имеет уже по тому одному, что эти немецкие сочетания не выражают собою ровно ничего: неудачные статьи Георгия Чулкова и Модеста Гофмана, которыми «философия» указанных слес (кроме «мистического реализма») и исчерпывается, — еще не создают теории. Я думаю, что писателей с такими кличками и вообще не может существовать, и потому этими кличками вовсе не исчерпываются суждения даже о самих авторах их — Георгии Чулкове и Модесте Гофмане. Что же касается «мистического реализма», то и это крылатое слово, кажется, даже не имеет автора».

Названий, подобных указанным, развелось в наше время очень много. Под эти названия стараются часто затасать писателей, как в участок, «для порядка», или чтобы «не ходили несчитанные», как говорится в одной сказочке Ф. Сологуба.

Чрезвычайное размножение подобных названий я готов объяснить только тщательной культурой их со стороны критики. Так, например, критический отдел летних номеров «Весов» чуть ли не сплошн посвящен остроумнейшему высмеиванию и злостному гонению «мистического анархизма».

Талантливые русские писатели уже поставили крест на «мистическом анархизме», а теперь нехватает даже материала, потому что «мистико-анархические» вылазки почти прекратились. За неимением материала, некоторые критики прибегают к самым нежелательным приемам: принимают того или другого писателя за «мистического анархиста»—и под этим названием избочкают его (это относится, например, к Андрею Белому); или же, справедливо разнес в пух и прах теорию, принимаются за представителя этой теории и поносят его (это относится особенно к Антону Крайнему и Товарищу Герману); последний, например, в № 5 «Весов» в статье «Трихина»—о журнале «Перевал» говорит, что надо «уважать человека», если даже дела его—«сплошное убожество»; а через три страницы—сообщает сведения об этом человеке, основанные, надо полагать, на личном знакомстве, а на голову другого—вылизает ведро помоев. Ведь это же о человеке, а не о писателе вы говорите, Товарищ Герман!».

Белый резко ответил Блоку статьей «О критических перлах» (газета «Раннее Утро», М., 1907, № 15, от 5 декабря).

⁵⁹ Письмо Белого не датировано, но, учитывая, что корреспонденция из Москвы в Шахматово и из Шахматова в Москву доставлялась обычно на третий день, можно условно датировать его 5 августа. Ср. письмо Блока к Евг. Иванову от 9 августа 1907 г. («Письма Ал. Блока к Е. П. Иванову», М.-Л., 1936, стр. 58—61).

⁶⁰ Имеется в виду программная статья Г. Чулкова «Молодая поэзия» в газете «Товарищ», 1907, № 337, от 5 августа.

⁶¹ См. примечание 56-е.

⁶² Имеется в виду помещенная во втором выпуске альманаха «Факелы» (СПб., 1907) статья С. Городецкого «На светлом пути. Поэзия Федора Сологуба с точки зрения мистического анархизма». Статья открывается фразой: «Всякий поэт должен быть анархистом. Потому что как же иначе?». Над этой аргументацией Городецкого долго потешались в разных газетах и журналах.

⁶³ См. текст, стр. 401.

⁶⁴ Эллис—псевдоним Л. Л. Кобылинского, поэта, переводчика, критика и теоретика символизма, входившего в кружок Белого и С. Соловьева «Аргонавты». Блок всегда относился к Эллису резко отрицательно; большой материал по этому поводу содержится в мемуарах Белого—«Начало века» и «Между двух революций» (см. по указателям). В 1906—1907 гг. Эллис ожесточенно нападал на «мистических анархистов»: см., например, его статью «Пантеон современной пошлости» (о втором выпуске альманаха «Факелы») в «Весах», 1907, № 6, стр. 55—62.

⁶⁵ Судя по воспоминаниям Андрея Белого, Эллис в молодости действительно занимался социологией и даже читал Маркса. О степени «глубины» этих увлечений достаточно красноречиво говорит тот факт, что впоследствии он стал ортодоксальнейшим мистиком и перешел в католичество.

⁶⁶ Письма Блока к Эллису в печати не появлялись и местонахождение их неизвестно.

⁶⁷ Опущено упоминание о третьем лице.

⁶⁸ Выражение Достоевского.

⁶⁹ Мейер А. А.—философ, участник петербургского религиозно-философского общества, близко стоявший к кругу «мистических анархистов»; во втором выпуске альманаха «Факелы» (1907) была помещена его статья «Бакунин и Маркс». Белый пишет в мемуарах, что Мейер был прислан «петербуржцами» в Москву для того, «чтобы склонять «Перевал» к их воинственной литературной политике» («Между двух революций», стр. 247—248).

⁷⁰ «Большие корабли»—см. предисловие Блока к сборнику «Нечаянная Радость» (1907). «Как же иначе»—см. прим. 62-е.

⁷¹ М. Волошин не был связан с «мистическими анархистами» сколько-нибудь прочно и в полемике участия не принимал.

⁷² Имеются в виду стихотворение Блока «Незнакомка» (со стихом: «Чуть золотится крендель булочной») и его лирическая драма «Балаганчик», см. статью Белого «Штемпелеванная калоша» («Весы», 1907, № 5) и «Синематограф» («Весы», 1907, № 7): «Все, что угодно, только не Балаганчик». Уж, пожалуйста, без чики»; все эти «чики»—ехидная и, признаться сказать, гадкая штука» и т. д.

⁷³ Имеется в виду стихотворение Вяч. Иванова «Veneris figurae», напечатанное в «Весах», 1907, № 1, стр. 16:

Триста тридцать три соблазна, триста тридцать три обряда,
Где страстная ранит разнo многострастная улада,
На два пола—знак Раскола—кто умножит, сможет счастье:
Шестьдесят и шесть объятий и шестьсот приятий есть... и т. д.

⁷⁴ «Ответ» Белого Рябушинскому при письме не сохранился.

⁷⁵ Эти недоразумения происходили на личной почве.

⁷⁶ О Скитальце Блок писал в статье «О реалистах» следующее: «Очень характерный безытнанный писатель—Скиталец. В недавно вышедшем втором томе его «Рассказов и песен» (изд. «Знания») есть талантливая повесть совсем Горьковского типа. Она называется «Огарки». Это термин, обозначающий Горьковский «бывших людей»... Вся повесть наполнена похождениями огарков, от которых, я думаю, отшатнется «критик со вкусом». Такому критику, я думаю, противен пьяный угар и хмель, но этим хмелем дышат волжские берега, баржи и пристани, на которых ютятся отверженные Горьковские люди, с нищей и открытой душой и с железными мускулами. Не знаю, могут ли они принести новую жизнь. Но странным хмелем наполняют душу необычайно, до грубости, простые картины... Думаю, что эти страницы представляют литературную находку, если читать их без эрудиции и без предвзятой идеи, не будучи знакомым с «великим хамом». И есть много таких людей, которые прочтут «Огарков» — и душа их тронется, как ледоходная река, какою-то нежной звенящей, как льдины, музыкой» (цитир. по Собранию сочинений, т. X, Л., 1935, стр. 42—43).

⁷⁷ «Записные книжки Ал. Блока», Л., 1930, стр. 74.

⁷⁸ Соловьева Ольга Михайловна (ум. в 1903 г.) — художница, жена М. С. Соловьева, брата философа, Вл. Соловьева, и мать приятеля Белого — поэта С. М. Соловьева, дальняя родственница Блока с материнской стороны. О. М. и М. С. Соловьевы были первыми, кто обратил внимание на стихи Блока; через них познакомился с поэзией Блока и А. Белый. О Соловьевых и роли, которую сыграли они в жизни Блока и Белого, см. в мемуарах Белого «На рубеже двух столетий» и «Начало века» (по указателям).

⁷⁹ Блок и Белый одновременно написали друг другу свои первые письма (Блок — 3 января, а Белый — 4 января 1903 г.) и истолковали это мистически.

⁸⁰ Цитаты из стихотворения Вл. Соловьева «В тумане утреннем неверными шагами».

⁸¹ См. рецензию Брюсова на «Снежную Маску» Блока в «Весах», 1907, № 5, стр. 67: «Нам кажется, что именно снежность, вечная холодность, составляет самое существо А. Блока, и что огненные вихри его переживаний поднимаются только с ледяных полей его души».

⁸² «Симфония (2-я, драматическая)» А. Белого (1901) была издана в 1902 г. «Скорпионом».

⁸³ Впервые Блок лично встретился с Белым в Москве 10 января 1904 г.

⁸⁴ Петровский Алексей Сергеевич — друг А. Белого, ездивший с ним к Блоку в Шахматово в июле 1904 г.

⁸⁵ См. текст, стр. 401.

⁸⁶ Тата — Татьяна Николаевна Гиппиус, сестра З. Н. Гиппиус-Мережковской, художница; Зина — Зинаида Гиппиус-Мережковская.

⁸⁷ Из стихотворения Блока «Послание», напечатанного в альманахе «Цветник Ор» (СПб., 1907, стр. 97), — вторая строфа:

В подушках, в кресле, на диване
Живут стыдливые слова...
Мечта твоих благоуханий
На смятой ткани все жива.

По поводу этих стихов Белый писал в рецензии на «Цветник Ор» («Веса», 1907, № 6, стр. 68): «И у лирика есть круг обязанностей: держать высоко знамя искусства. Но [Блок] кощунствует и на лирику, признавая Чулкова поэтом, надоедая дешевым и приевшимся модернизмом, доходя до таких слов:

В подушках, в кресле, на диване
Живут стыдливые слова,

Перепечатывая «Послание» в сборнике «Земля в снегу» (1908), Блок исключил эту строфу (также нет ее и во всех остальных изданиях).

⁸⁸ Имеется в виду цикл «Ненужная весна» (1. «Отсеребрилась, отзвучала...», 2. «В глазах ненужный день так яростно», 3. «Зима прошла. Я болен»), напечатанный в «Цветнике Ор» (стр. 99—101). Белый в указанной выше рецензии, процитировав стихи Блока про «весну»:

Она сера и неумыта,
Она развратна до конца...

писал: «Ах, Весна ли развратна? Весна безразлична сама по себе, всякий вносит в нее свое содержание. На кого же сердиться поэту, если и Весна для него развратна? И хочется вздохнуть: «Надоели ералашные глубины: будьте хоть лириком, г. Блок, если вы не мистик; а то вы по старой привычке все еще прощиваетесь там, где вопрос только в отделке стиха». Цикл «Ненужная весна» не был включен Блоком ни в один из его стихотворных сборников.

⁸⁰ Ср. запись Блока в записной книжке (август 1907 г.): «Действительно, с мистическими анархизмами в литературу проникла какая-то негодная струя. Отношение к культуре не бережно. Мистический анархизм безусловим, как справедливо писал мне Бугаев. — Совершенно в стороне для меня в этом отношении стоит Вячеслав Иванов, который глубоко образован и писатель замечательный... Неприятен мне его душный эротизм и противноватая легкость. Городецкий совсем не установился. Бугаев глубоко прав, указывая на его опасность — погибнуть от легкомыслия и беспочвенности. Статья Городецкого о Сологубе — ни к чему не нужна, глупа, безграмотна, некультурна... — * необходимо попридержать; он совсем некультурен. Возмутительно его притягивание меня к своей бездарности» («Записные книжки Ал. Блока», Л., 1930, стр. 75).

⁸⁰ См. примечание 14-е и текст, стр. 376.

⁸¹ См. «*Mercur de France*», 1907, № 242, от 16 июля, стр. 361 — «*Lettres russes. Le misticisme anarchique*»; там же интервью Е. Семенова с Г. Чулковым, в котором, между прочим, излагается содержание книжки Чулкова «О мистическом анархизме».

⁸² Стихи С. Городецкого «Дьявол» (сб. «Перун», СПб., 1907, стр. 10); последнюю строку Блок цитирует не точно; у Городецкого: «В моем невиданном аду».

⁸³ «Письма Александра Блока», Л., 1925, стр. 142.

⁸⁴ Неизданное письмо (архив Блока).

⁸⁵ «Письма Александра Блока», Л., 1925, стр. 143—144.

⁸⁶ Ср. «Записные книжки Ал. Блока», Л., 1930, стр. 75—76.

⁸⁷ В письме в редакцию «*Mercur de France*» (в номере от 1 сентября 1907 г.).

⁸⁸ В том же номере «Товарища» был напечатан фельетон Д. Философова «Дела домашние», в котором в резкой форме доказывалась необоснованность протеста Блока против причисления его к «мистическим анархистам».

⁸⁹ А. Белый, *Между двух революций*, стр. 329.

¹⁰⁰ Там же, стр. 335.